



Российская Академия Наук

ISSN 0321-5075 (Print)
ISSN 2782-2389 (Online)

АЗИЯ сегодня и АФРИКА

ASIA & AFRICA today

2025 №7



НАУКА

— 1727 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2025 № 7

Ежемесячный научный журнал
Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. – «Современный Восток»)
Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтеринва (Нигерия), В.Я. Белокреницкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт
всеобщей истории РАН, Москва, Россия), А.В. Денисов (Москва, Россия),
Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия), С.С. Кунанбаева (Казахстан), В.А. Мельянцев
(Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия), Д.В. Мосяков
(Институт востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфамеди (ЮАР),
М. Наср аль-Гибали (Египет), У. Рено (США), С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), О.И. Тетерин (Москва, Россия), Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

С.В. Костелянец, зам. главного редактора
О.И. Тетерин, ответственный секретарь
Л.Ю. Тенякова, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2025 № 7

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title “Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), W. Reno (Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow),
V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia), O.I. Teterin (Moscow, Russia),
H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

S.V. Kostelyanets, Deputy Editor-in-Chief
O.I. Teterin, Executive secretary; L.Yu. Tenyakova, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

- Мардасов А.Г., Исаев Л.М.** Административное управление в Идлибе: опыт Организации освобождения Леванта **5**

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

- Саженов Н.Д.** Политический ислам в Афганистане: на службе власти и вооруженной оппозиции с 2014 г. до повторного прихода талибов к власти **13**

- Рыбалкина И.Г.** О проблеме политики планирования семьи в современной Африке **21**

- Сахвадзе Г.Г.** Переход стран АСЕАН к экономике замкнутого цикла – средство минимизации ущерба от климатических вызовов **28**

- Хайруллин Т.Р., Шелковников А.И., Симбирцев Е.Д.** Перспективы сотрудничества России и ОАЭ в области обеспечения информационной безопасности **37**

- Ломова А.А.** Парагвай: последний южноамериканский союзник Тайваня? **47**

- Новинский Э.Э.** США в Непале: реальная помощь или геополитическая ловушка? **55**

Трибуна соискателя

- Асылгузина А.А.** Политико-правовые аспекты использования курдского языка в Ираке **63**

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

- Королева В.В., Притомская А.Р.** (Владимир). Мифологема «Япония – Россия – Запад» в ранобэ Кафки Асагири «Проза бродячих псов» **69**

РЕЦЕНЗИИ

- Астафьева Е.М.** Материальная и духовная культура стран Южных морей: восприятие в России **77**
-

© Российская академия наук, 2025
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2025

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в РИНЦ, входит в список ВАК, ядро РИНЦ и в базу RSCI.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1
Тел.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Интернет: **www.asaf-today.ru**

CONTENTS

TOP PROBLEM

- Mardasov A.G., Issaev L.M.** Administrative Governance in Idlib: An Experience of Organisation for the Liberation of the Levant **5**

POLITICS, ECONOMICS

- Sazhenov N.D.** Political Islam in Afghanistan: At the Service of the Government and the Armed Opposition from 2014 till the Second Seizure of Power by the Taliban **13**
- Rybalkina I.G.** On the Problem of Family Planning Policy in Modern Africa **21**
- Sakhvadze G.G.** ASEAN Countries' Transition to a Circular Economy – a Means of Minimizing Damage from Climate Challenges **28**
- Khayrullin T.R., Shelkovnikov A.I., Simbirtsev E.D.** Prospects for Cooperation between Russia and the UAE in the Field of Information Security **37**
- Lomova A.A.** Paraguay: The Last South American Ally of Taiwan? **47**
- Novinskii E.E.** US in Nepal: Real Aid or a Geopolitical Trap? **55**

POST-GRADUATE TRIBUNE

- Asylguzhina A.A.** Political and Legal Aspects of the Use of the Kurdish Language in Iraq **63**

CULTURE, LITERATURE, ART

- Koroleva V.V., Pritomskaya A.R.** (Vladimir). The Mythologeme “Japan – Russia – the West” in Kafka Asagiri's Ranobe “Bungo Stray Dogs” **69**

BOOK REVIEW

- Astafyeva E.M.** Material and Spiritual Culture of the Countries of the South Seas: Perception in Russia **77**
-

© Russian Academy of Sciences, 2025
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2025

The authors opinions may not coincide with position of the Editorial.

Included in RSCI (Russian Science Citation Index).

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian
Federation
Tel.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

DOI: 10.31857/S0321507525070013

Административное управление в Идлибе: опыт Организации освобождения Леванта

© Мардасов А.Г.^{a,b,e}, Исаев Л.М.^{c,d,f}, 2025

^a РСМД, Москва, Россия

^b Центр народной дипломатии, Москва, Россия

^c НИУ ВШЭ, Москва, Россия

^d Институт Африки РАН, Москва, Россия

^e ORCID: 0009-0005-3411-1483; anton.mardasoff@yandex.ru

^f ORCID: 0000-0003-4748-1078; lisaev@hse.ru

Резюме. Статья посвящена изучению опыта территориального управления группировки Организация освобождения Леванта¹ (известной как «Хайят тахрир аш-Шам»), операция которой против сирийской армии привела к падению режима Башара Асада 8 декабря 2024 г. Подробно рассматривается, как лидеры фракции, некогда связанной с «Аль-Каидой»¹, создавали квазигосударственные образования и инструменты «мягкой силы» и повышали их эффективность за счет реконструкции инфраструктуры, организации образовательного процесса, проведения переговоров с меньшинствами и созыва конференций с племенными лидерами.

В статье приведены данные, демонстрирующие как положительные, так и отрицательные результаты опыта территориального управления фракции «Хайят Тахрир аш-Шам» и аффилированного с ним Правительства спасения, на базе которого 9 декабря 2024 г. было создано временное правительство Сирии. Показано, что группировка сочетала силовые акции против своих оппонентов с инициированием антикризисных мер, которые позволяли повысить легитимность среди местного населения.

Ключевые слова: Организация освобождения Леванта, Джебхат ан-Нусра¹, Сирия, Аль-Каида, Исламское государство¹, Хайят Тахрир аш-Шам, Идлиб, Правительство спасения, Сирия

Для цитирования: Мардасов А.Г., Исаев Л.М. Административное управление в Идлибе: опыт Организации освобождения Леванта. *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 7. С. 5–12. DOI: 10.31857/S0321507525070013

Administrative Governance in Idlib: An Experience of Organisation for the Liberation of the Levant

© Anton G. Mardasov^{a,b,e}, Leonid M. Issaev^{c,d,f}, 2025

^a RIAC, Moscow, Russia

^b Center for Public Diplomacy, Moscow, Russia

^c HSE University, Moscow, Russia

^d Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^e ORCID: 0009-0005-3411-1483; anton.mardasoff@yandex.ru

^f ORCID: 0000-0003-4748-1078; lisaev@hse.ru

Abstract. The article examines the experience of territorial governance of the Organization for the Liberation of the Levant (also known as Hayat Tahrir al-Sham), whose operation against the Syrian army led to the fall of Bashar al-Assad's regime on December 8, 2024. It details how the leaders of the faction, once affiliated with al-Qaeda, created and enhanced the effectiveness of quasi-state entities and soft power tools by rebuilding infrastructure, organizing educational processes, negotiating with minorities, and convening conferences with tribal leaders. The article presents data demonstrating both positive and negative results of the experience of territorial governance of Hayat Tahrir al-Sham faction and its affiliated Salvation Government, on the basis of which the interim government of Syria was established on

¹ Организация запрещена в РФ.

December 9, 2024. It is shown that the faction combined forceful actions against its opponents with the initiation of anti-crisis measures that allowed it to increase its legitimacy among the local population.

Keywords: Organization of the Liberation of the Levant, Jabhat al-Nusra, Syria, al-Qaeda, Islamic state, Hayat Tahrir al-Sham, Idlib, The Syrian Salvation Government, Syria

For citation: Mardasov A.G., Issaev L.M. Administrative Governance in Idlib: An Experience of Organisation for the Liberation of the Levant. *Asia and Africa today*. 2025. № 7. Pp. 5–12. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525070013

ВВЕДЕНИЕ

9 декабря 2024 г. – на следующий день после взятия Дамаска силами сирийской оппозиции – лидер пришедшей к власти группировки Организация освобождения Леванта (на арабском – «Хайят Тахрир аш-Шам») Ахмад аш-Шараа (прежде известный как Абу Мухаммед аль-Джулани) объявил о формировании правительства переходного периода во главе с Мухаммедом аль-Баширом. Ранее он возглавлял т.н. Правительство спасения – политический орган Организации освобождения Леванта (далее – ООЛ), который осуществлял административное управление на подконтрольных ей территориях в зоне деэскалации «Идлиб».

Это одна из 4 зон, созданных по договоренности между Ираном, Россией и Турцией в конце сентября 2017 г. Территория сообщалась с границей Турции и включала не только сирийскую провинцию Идлиб, но и части территорий соседних мухафаз (провинций): Хама, Латакия и Алеппо. К концу лета 2018 г. (и до декабря 2024 г.) из 4 зон деэскалации сохранялась только одна – в Идлибе и на части территорий соседних провинций; остальные зоны перешли под контроль сирийских властей.

В нашей статье рассмотрен опыт формирования квазигосударственных институтов в Идлибе, проведения политических, экономических и социальных реформ, а также взаимодействия с различными меньшинствами. Первые назначения, которые были сделаны аль-Джулани после прихода к власти, свидетельствуют о том, что новое сирийское руководство предпринимает попытку экстраполировать накопленный в зоне «Идлиб» опыт административного управления на всю территорию страны.

СТАНОВЛЕНИЕ КВАЗИГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ

Правительство спасения (ПС) было создано в ноябре 2017 г. как квазигосударственная структура, предназначенная для территориального управления зоной деэскалации «Идлиб» и наделенная механизмом выбора главы через процедуру голосования.

Однако появлению официального кабинета министров с разветвленным бюрократическим аппаратом, формально отделенного от Организации освобождения Леванта, предшествовал опыт функционирования других квазигосударственных образований – департаментов. Структурно они были непосредственно вписаны в состав ООЛ и отвечали за политику, вооруженные силы, религиозное право, суды, СМИ, финансы, обеспечение безопасности и предоставление услуг населению. Каждый из этих департаментов подчинялся Совету шуры [1]. Такая система управления стала значимой альтернативой самоорганизованным на оппозиционных территориях многочисленным местным советам, предоставляющим услуги гражданскому населению².

Еще ранее, в 2013 г., функционерами группировки Фронт помощи людям Леванта (на арабском – «Джабхат ан-Нусра»), после серии ребрендингов в 2017 г. окончательно превратившейся во фракцию Организации освобождения Леванта, было создано Главное управление служб, которое отвечало за предоставление социальных услуг, главным образом водо- и электроснабжение, включало несколько департаментов с разветвленной сетью офисов в провинциях Идлиб, Алеппо, Хама и нанимало на работу местных гражданских лиц. Уже в то время «ан-Нусра» должна была проявлять гибкость в отношениях с сирийцами для эффективного встраивания в местную систему жизнедеятельности, поскольку местные советы тогда еще могли выбирать, с какой группировкой сотрудничать.

² Yasir Abbas. How Al Qaeda is Winning in Syria. *War on the Rocks*. 2016. <https://warontherocks.com/2016/05/how-al-qaeda-is-winning-in-syria/> (accessed 26.12.2024)

Институт судов ООЛ также был создан на основе опыта функционирования соответствующей системы «ан-Нусры» в городах провинции Идлиб – Салкине, Сармаде и Даркуше – с постепенным внедрением законов шариата во избежание протеста местного населения [2]. Контроль над судами позволял ООЛ заручаться доверием местных жителей, в то же время проводя политику в соответствии со своей интерпретацией исламского права и эксплуатируя религиозную идеологию для оправдания непопулярных действий. Первый состав Правительства спасения с 11 министерскими портфелями, возглавленный Мохаммедом аш-Шейхом, начал работу параллельно с новым Советом шуры, состоявшим изначально из 75 человек, которому отводилась роль парламента³.

В феврале 2019 г. ПС предложило сформировать состав Совета шуры на более демократических принципах – провести голосование на Генеральной конференции Революции, которая проводилась рядом с КПП Баб-эль-Хава, основным погранпереходом на северо-западе между сирийской и турецкой территорией. 30 марта было объявлено, что в ходе конференции выбраны 107 членов Совета (55 из северных регионов, 23 из числа перемещенных лиц и 29 из племен и союзов). Если у первого состава первоочередными задачами являлись активизация работы с местными советами, то второй сосредоточился на принятии законодательной базы для координации ведомств, а третий состав сфокусировался на решении экономических вопросов.

Работа 3-го и 4-го состава Правительства спасения прошла под руководством Али Абдулрахмана Кеда, который дважды подряд был избран в результате голосования на пост главы структуры (в ноябре 2019 г. и в декабре 2020 г.). При нем ПС окончательно оформилось в бюрократическую структуру, состоящую из 10 ведомств-министерств – экономики и ресурсов, здравоохранения, сельского хозяйства, образования, высшего образования, развития и гуманитарных вопросов, местного самоуправления и услуг, юстиции, внутренних дел и пожертвований.

В 2020 г. структура власти в зоне Идлиба получила свое окончательное оформление: помимо Совета шуры и Правительства спасения, была создана Служба общей безопасности – автономная от МВД структура, аналог службы контрразведки, от которой ООЛ дистанцировалась, назвав ее «независимой».

Официально Служба общей безопасности занималась розыском и задержанием «спящих ячеек Исламского государства» или «агентов режима Асада», однако в большей степени преследовала конкурентов и критиков ООЛ, выступавших против ее стратегии монополизации власти. Однако репрессивные силовые акции против несогласных сирийцев в зоне Идлиба не могли продолжаться долго и вызывали негодование со стороны местного населения, что вынуждало ООЛ идти на компромиссы.

Так, Служба общей безопасности вошла в состав МВД и стала именоваться Управлением общей безопасности, а для рассмотрения жалоб населения в 2024 г. был сформирован Высший консультативный совет, в состав комитета которого вошел Али Абдулрахман Кеда⁴. Помимо этого, ООЛ объявила о пересмотре экономической политики и о необходимости повышения роли местных советов и профессиональных ассоциаций. Также аль-Джулани стал чаще появляться на публичных мероприятиях, начиная от открытия колодцев и дорог и заканчивая прогулками по местным рынкам и визитами к видным деятелям региона.

На пути к легитимации особое значение для ООЛ приобрела борьба с иностранными боевиками в Идлибе – кампания, которая диаметрально противоречила первоначальным установкам «ан-Нусры», продвигавшей с начала вмешательства в войну иностранных боевиков как основную боевую силу на сирийском театре военных действий. В 2020 г. ООЛ арестовала одного из своих бывших лидеров – Серагеддина Мухтарова (также известного как Абу Салах аль-Узбеки), которого разыскивал Интерпол⁵, а также другого иностранного командира – Абу Малика аль-Тали, обвинив его в попытке «ослабить ряды»⁶.

³ Idlib: Shura Council expressed confidence in nine ministerial portfolios in the Salvation Government. *Enab Baladi*. 2022. (In Arab.). <https://www.enabbaladi.net/537324/> (accessed 26.12.2024)

⁴ Idlib: New committee to facilitate communication between protesters and Tahrir al-Sham. *Enab Baladi*. 2024. <https://english.enabbaladi.net/archives/2024/05/idlib-new-committee-to-facilitate-communication-between-protesters-and-tahrir-al-sham/?so=related> (accessed 26.12.2024)

⁵ Tahrir al-Sham arrests a foreign leader wanted by Interpol. *Enab Baladi*. 2020. (In Arab.). <https://www.enabbaladi.net/394308/> (accessed 26.12.2024)

⁶ Ali Darwish. “HTS” develops its ideology... political relations in Idlib’s “mini-state”. *Enab Baladi*. 2020. <https://english.enabbaladi.net/archives/2020/09/hts-develops-its-ideology-political-relations-in-idlibs-mini-state/> (accessed 26.12.2024)

Важную роль в популяризации и легитимизации ООЛ в глазах местного населения сыграла реализация ряда важных инфраструктурных проектов на подконтрольной группировке территории. Причем их осуществление преподносилось не как заслуга ООЛ, а как «достижение сирийской революции»⁷. Среди них: завершение реконструкции дорог Баб-эль-Хава – Халаб и Баб-эль-Хава – Джиндирес, а также Национальной больницы, раскрытие убийства двух детей в Атме (для демонстрации компетентности полиции и ее оперативно-разыскных возможностей), открытие ирригационной системы для перекачки воды из населенного пункта Айн аль-Зарка в Сахл аль-Рудж в Идлибе, муниципального стадиона Идлиб и центральной Часовой площади в г. Идлиб, выдача удостоверений личности, чествование чтецов Корана.

В пандемию *COVID-19* Минздрав Правительства спасения заявил о принятии мер по ограничению распространения вируса на 8 дней раньше, чем Дамаск официально заявил о регистрации первых случаев инфицирования в стране. В частности, было заявлено о закрытии рынков и общественных парков, установке карантинных палаток для предполагаемых носителей вируса до тех пор, пока они не пройдут надлежащее тестирование, приостановке посещения школ и пятничных молитв.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

После того как в 2018 г. Организации освобождения Леванта удалось вытеснить или поглотить другие оппозиционные фракции в зоне «Идлиб», она получила контроль над всеми экономическими секторами региона, и в первую очередь над торговлей [3].

Несмотря на конкуренцию с группировками, входящими в Сирийскую национальную армию (СНА), ООЛ изначально не ограничивала торговую деятельность с территориями, которые СНА контролировала. С середины 2021 г. были введены некоторые ограничения для препятствования свободного ввоза и вывоза продуктов и товаров через переходы Аль-Газавия и Дейр-Баллут, связывающие Идлиб с Алеппо. Усиление мер и наращивание сил т.н. пограничной службы под предлогом борьбы с контрабандой позволило ООЛ фактически изолировать районы, чтобы не допустить роста влияния структур, связанных с СНА⁸.

Однако операции ООЛ по изоляции подконтрольных регионов не были стихийными, им предшествовала кампания по импортозамещению: с 2018 по 2020 г. фракция создала десятки компаний и коммерческих предприятий в Идлибе, помогая им монополизировать торговлю и импорт турецких товаров, поступающих через контрольно-пропускной пункт Баб-эль-Хава. В определенной степени она институционализировала свой контроль над переходами, соединяющими ее собственные районы с теми, которые контролировались центральным правительством или другими оппозиционными группировками. Подобные меры способствовали росту местного бизнеса – строительной компании «Аль-Раки», продовольственной компании «Аль-Заджил», животноводческих предприятий «Аль-Ямана» и «Аль-Мари». Основанная в мае 2017 г. Правительством спасения и охраняемая МВД Генеральная организация по валютному управлению и защите потребителей учредила инвестиционную и топливную компанию «Намаа», капитал которой к 2021 г. достиг \$10 млн⁹. Фонд к тому времени лицензировал уже почти 500 компаний, многие из которых имели гуманитарную направленность.

Таким образом, с 2017 по 2021 г. экономическая стратегия ООЛ заключалась в том, чтобы изолировать контролируемые районы от влияния СНА и монополизировать всю финансово-экономическую деятельность, чтобы Турция не имела иного выбора, кроме как сотрудничество со структурами Правительства спасения.

Однако подобные действия, включая инициированную ООЛ торговую войну, имели для группировки негативные последствия. Одним из них было то, что Анкара получила финансовые рычаги давления на фракцию, учитывая замкнутость торгово-экономического оборота внутри Идлиба. В 2022 г. после вооруженных столкновений отрядов ООЛ с подразделениями СНА Турция впервые заблокировала опе-

⁷ Aaron Y. Zelin. HTS's Self-Proclaimed Accomplishments in 2022. *Syrian Jihadism*. 2023. <https://syrianjihadism.com/2023/01/05/htss-self-proclaimed-accomplishments-in-2022/> (accessed 26.12.2024)

⁸ Mansour Hussein. From Freelance Jihad to Crony Capitalism. Al-Julani's Monopolists in Northwestern Syria. *Al-Jumhuriya*. 2024. <https://aljumhuriya.net/en/2024/05/24/from-freelance-jihad-to-crony-capitalism/> (accessed 26.12.2024)

⁹ Namaa Investment: new fictitious holding company in Idlib. *Eqtsad. Syrian economy, money and business*. 2021. (In Arab.). <https://www.eqtsad.net/news/article/32774/> (accessed 26.12.2024)

рации компании «Ватад Петролеум», которая занимается переработкой нефти в Идлибе (в дизельное топливо и бензин) и импортом топлива¹⁰.

Еще одним негативным последствием изоляционной политики аль-Джулани стала разница в стоимости товаров на территориях, подконтрольных ООЛ и СНА. Это спровоцировало рост контрабандного рынка в Идлибе, поскольку торговцы начали зарабатывать на перепродаже табака, специй, сахара и овощей, закупленных в подконтрольной СНА части Алеппо. В целом уровень инфляции в районах, занимаемых СНА, за первые 3 месяца 2022 г. составил 32%, а на внутренних рынках Идлиба за тот же период – 45%.

С середины 2022 г. Правительство спасения начало принимать антикризисные меры, чтобы повысить экономическую устойчивость подконтрольных территорий. Функционеры квазигосударственной структуры начали говорить о необходимости доступа внешнего мира к внутреннему рынку Идлиба и приняли ряд решений, способствовавших активизации торговли с территориями, подконтрольными СНА.

Лидер ООЛ аль-Джулани на церемонии открытия водного проекта в населенном пункте Сахл аль-Рудж впервые сформулировал 3-этапный план развития сельского хозяйства в зоне деэскалации «Идлиб», который предусматривал оптимизацию режима орошения сельскохозяйственных культур, повышение кооперации между предприятиями и прекращение действия изоляционных мер с последующим экспортом производимой продукции.

Принятые меры по расширению рынка за 2 года значительно стимулировали рост коммерческого сектора в зоне деэскалации. Это особенно проявилось после падения режима Асада в декабре 2024 г., когда туристические фирмы начали предлагать т.н. «поездки за покупками» в Идлиб из других провинций страны. Маршруты пользуются успехом у сирийцев, поскольку позволяют быстро попасть в регион, где сосредоточено большое количество коммерческих агентств, торговых и даже развлекательных центров¹¹.

ОТНОШЕНИЕ К ПЛЕМЕНАМ И МЕНЬШИНСТВАМ

Когда аль-Джулани занимал пост лидера «Джабхат ан-Нусры» (январь 2012 – июль 2016 г.), он неоднократно говорил о терпимости к религиозным меньшинствам, что слабо коррелировало с имевшими место в прошлом жестокими нападениями на друзские поселения¹². В интервью «Аль-Джазире» в мае 2015 г. аль-Джулани, скрывая на тот момент свое лицо, заявил, что группировка не преследует алавитов, которых «в исламе считают еретиками», а также заверил религиозные меньшинства, что будет относиться к ним как к «братьям» [4], если они будут дистанцироваться от режима Асада¹³.

После реформирования в ООЛ аль-Джулани перешел от слов к действиям. Он на постоянной основе стал встречаться с христианскими или друзскими видными деятелями в подконтрольном ему регионе. 17 июня 2022 г. аль-Джулани посетил друзский регион Джабаль ас-Суммак (Идлиб) для участия в церемонии открытия колодца. Он пообещал местным старейшинам расширить водопроводную сеть, улучшить ситуацию с медуслугами, инвестировать в проекты через компанию «Аль-Раки» и зарабатывать каменоломни, а также подчеркнул, что никто не будет принуждаться к принятию ислама.

Христианам в Идлибе предоставлен статус чужеземцев (*мустамин*), находящихся под защитой на мусульманской земле, который во многом подчинен и основан на принятии правления и господства мусульман-суннитов. Однако с сентября 2023 г. были зафиксированы случаи возвращения земель христианам-владельцам, которые ранее были изъяты ООЛ в качестве «военных трофеев», и даже реставрации нескольких христианских церквей [5].

¹⁰ Turkish-backed faction blocks fuel en route to Idlib. *Al-Monitor*. 2022. <https://www.al-monitor.com/originals/2022/10/turkish-backed-faction-blocks-fuel-en-route-idlib> (accessed 26.12.2024)

¹¹ Mahmoud al-Shamali. As Idlib becomes a tourist destination, business booms and prices soar. *Syria Direct*. 2025. <https://syriadirect.org/idlib-becomes-a-tourist-destination-business-booms-prices-soar/>

¹² Syria's Druze under threat as conflict spreads. *BBC News*. 2015. <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-33166043> (accessed 26.12.2024)

¹³ Younes A. Al-Nusra Front's Jolani speaks to media. *Al-Jazeera*. 2015. <http://www.aljazeera.com/news/2015/12/al-nusra-front-release-jolani-press-conference-151211125432852.html> (accessed 26.12.2024)

19 июля 2022 г. аль-Джулани посетил жителей ряда христианских деревень – аль-Кунья, аль-Якубийя и аль-Джадида в сельской местности региона Джиср аш-Шугур. Позже в деревне аль-Якубийя в Идлибе после реставрации была открыта церковь Святой Анны, которая считается одной из самых известных и древних церквей во всей Сирии. Также представители ООЛ позволили христианами региона беспрепятственно отпраздновать праздник Святой Анны.

Еще одним аспектом работы ООЛ с населением для улучшения общественного мнения о себе было взаимодействие с арабскими племенами в Идлибе; их также пытались привлечь на свою сторону режим Асада, СНА и прокурдские Сирийские демократические силы (СДС).

В подконтрольной ООЛ зоне «Идлиб» преобладали 3 племени – *мавали*, *бани халид* и *хаддадин*, представители которых поддерживали как Асада, так и оппозицию. Во времена «Джабхат ан-Нусры» все они вне зависимости от политической ориентации старались дистанцироваться от этой группировки. К примеру, «Джабхат ан-Нусра» нередко рассматривала враждебно настроенных к Асаду представителей племени *мавали* как угрозу, поскольку они происходили из региона Маарат ан-Нуман, где были сильны светские настроения.

Однако после формирования Правительства спасения вектор отношений с племенами был кардинально изменен: структура выступила организатором проведения племенной конференции в январе 2018 г. Ее результатом стало формирование Совета племен и кланов, состоящего из трех комитетов и насчитывающего 125 человек, среди которых были представители *мавали* и *бани халид*, а также члены более мелких племен и кланов: *аль-укайдат*, *бакара*, *аль-дамалка*, *аль-бу шабан*, *варша* и *аль-мушеда*.

В дальнейшем взаимодействие ООЛ с племенами продолжило углубляться. В 2020 г. муниципальные структуры Правительства спасения организовали для племен и кланов как минимум два мероприятия – форум, посвященный роли поэзии в сирийской революции, и выставку «Племена и кланы в сирийской революции: между подлинностью и доблестью». В августе 2021 г. члены племени *бакара* провели свою первую конференцию, в ходе которой сформировали собственный совет шуры для взаимодействия со структурами ООЛ. 3 сентября 2021 г. форум для своих соплеменников при помощи Правительства спасения организовал клан *аль-бусрая*, принадлежащий к племени *аль-укайдат*¹⁴. После того как 1 декабря 2024 г. отряды ООЛ установили контроль над Восточным Алеппо, выстроенное взаимодействие с племенными лидерами позволило в короткий срок нормализовать там ситуацию и обеспечить относительно стабильный общественный порядок.

ОБРАЗОВАНИЕ, РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА В ЗОНЕ «ИДЛИБ»

В структурах, близких к Организации освобождения Леванта, информационная и просветительская деятельность была разделена. Первой занимался департамент по политическим вопросам под руководством Заида аль-Аттара, второй – ведомство под руководством Муваффака Зайдана, бывшего главы пакистанского офиса аль-Джазире.

В марте 2019 г. ООЛ инициировала создание Высшего совета, в задачи которого, с одной стороны, входило производство официальных постановлений или толкований по вопросу исламского права квалифицированными учеными-юристами, с другой – уменьшение влияния иностранных проповедников салафитского толка, таких как Абу Шуайбы аль-Масри, Абу аль-Якзаны аль-Масри, Абу аль-Харета аль-Масри и др., которые в итоге были вынуждены покинуть ООЛ [6].

Одни из самых известных учебных заведений в Идлибе, в которых преподают шариатские дисциплины, – это религиозные школы «Дар аль-вахи аш-шариф» (ДВШ), которыми руководил Хишам аль-Шейх, лидер ООЛ с момента ее создания в январе 2017 г. и до того, как аль-Джулани занял этот пост в октябре 2017 г. География их распространения в провинции Идлиб с момента основания в 2017 г. быстро расширилась и по состоянию на 2021 г. в школах обучалось 13 500 человек. В их сеть входило 42 школы и 6 детских садов.

В сравнении с государственными сирийскими учебными заведениями ДВШ были лучше оборудованы, имели достаточное количество книг, предоставляли бесплатную единую школьную форму и,

¹⁴ Khaled al-Khateb. Syrian jihadist group works to attract tribes in Idlib. *Al-Monitor*. 2021. <https://www.al-monitor.com/originals/2021/09/syrian-jihadist-group-works-attract-tribes-idlib> (accessed 26.12.2024)

несмотря на дефицит бензина, систему транспортной доставки обучающихся за символическую плату, от которой освобождались «бедняки и дети мучеников» (их трансфер оплачивался за счет сбора пожертвований). Изучение Корана считалось самым важным в образовательной программе: ученик не перейдет в третий класс, если не освоит чтение Корана, и не перейдет в четвертый или пятый класс, пока не будет знать на память большую часть книги, одновременно изучаются некоторые исламские науки. В школе действовала система полной гендерной сегрегации на уровне учащихся и сотрудников, а занятия и утренние сборы начинались с чтения аятов Корана и пения религиозных лозунгов.

В университете Идлиба, который находился на балансе Правительства спасения, существовало широкое студенческое профсоюзное движение, которое поощрялось лидерами ООЛ. В 2024 г. был сформирован общий студенческий союз для всех университетов провинции, включая Северный частный университет, университет Аль-Хаят, Академию медицинских наук. В нем доминировали родственники функционеров ООЛ, тем самым с помощью студенческого объединения руководство группировки старалось контролировать молодежное движение и предотвращать протестные акции.

В начале 2024 г. были опубликованы подробности «Закона о публичной этике» Правительства спасения, содержащего 128 статей и разделенного на 5 разделов, которые включают в себя набор правил и положений, регулирующих моральные ориентиры в Идлибе¹⁵. Запрещались действия, связанные с богохульством, неуважением к символам и ученым, колдовством, гаданием, приемом пищи в общественных местах во время Рамадана, открытием магазинов во время пятничных молитв.

Разделы о нарушениях общественной этики включали запрет на смешение крови, игру на музыкальных инструментах и аудиовизуальные демонстрации, «которые нарушают религию и приличия», а также на курение в общественных и служебных учреждениях, больницах, медицинских центрах, аптеках и транспорте. Формализация правил Правительством спасения – отражение процесса борьбы внутри структуры за более жесткое внедрение шариатских постановлений и за смягчение законов в целях политической легитимации ООЛ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За годы «изоляции» в Идлибе группировка Организации освобождения Леванта небезосновательно обвинялась местными активистами в монополизации власти и подавлении инакомыслия, однако Правительство спасения под ее неформальным руководством гораздо больше фокусировалось на предоставлении услуг населению, нежели на обеспечении жесткого соблюдения законов шариата.

Борьба с конкурентами была связана не только со взглядами руководства ООЛ на организацию политической жизни в регионе, но и с попытками удержать фронт и подготовить военные структуры под своим непосредственным управлением к военному реваншу. Гражданское Правительство спасения с 2017 по 2024 г. получило серьезный опыт территориального управления в перенаселенной зоне «Идлиб», позволивший повысить легитимность среди сирийского населения, которое в целом перестало видеть в ООЛ противника и опасаться ее бывших связей с международными террористическими структурами.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ayman Al Dassouky. 2017. The Role of Jihadi Movements in Syrian Local Governance. *Omran Center for Strategic Studies*. <https://omranstudies.org/index.php/publications/papers/the-role-of-jihadi-movements-in-syrian-local-governance.html> (accessed 26.12.2024)
2. Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центрполиграф, 2018. С. 541–546.
Alexey Vasiliev. 2018. Russia's Middle East Policy: From Lenin to Putin. Moscow. Pp. 541–546.

¹⁵ Enab Baladi publishes details from Idlib's 'Public Morality' draft law. *Enab Baladi*. 2024. <https://english.enabbaladi.net/archives/2024/01/enab-baladi-publishes-details-from-idlibs-public-morality-draft-law/> (accessed 26.12.2024)

3. Яшлавский А. «Хайят Тахрир Аш-Шам» в сирийском конфликте: метаморфозы террористической группировки. *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. № 2. С. 51–60 (accessed 26.12.2024)
Yashlavskiy A. 2022. “Hayat Tahrir Al-Sham” in the Syrian Conflict: Metamorphosis of the Terrorist Group. *World Economy and International Relations*. Vol. 66, № 2. Pp. 51–60 (accessed 26.12.2024)
4. Исаев Л.М., Коротаев А.В., Мардасов А.Г., Семенов К.В. *Метаморфозы сирийской оппозиции*. Отв. ред. А.М.Васильев. Москва: Ленанд, 2021. С.133–145.
Isaev L.M., Korotaev A.V., Mardasov A.G., Semenov K.V. 2021. *Metamorphoses of the Syrian Opposition*. Resp. ed. A.M.Vasiliev. Moscow. Pp. 133–145. (In Russ.)
5. Cruickshank P. Journey to Idlib: An Interview with Wassim Nasr, Journalist, France24. *Combating Terrorism Center*. May 2023. Vol. 16/5. <https://ctc.westpoint.edu/journey-to-idlib-an-interview-with-wassim-nasr-journalist-france24/> (accessed 26.12.2024)
6. Orwa Ajjoub. 2024. Crossroads in Idlib: HTS navigating internal divisions amid popular discontent. Middle East Institute. <https://www.mei.edu/publications/crossroads-idlib-hts-navigating-internal-divisions-amid-popular-discontent> (accessed 26.12.2024)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мардасов Антон Геннадиевич, эксперт Российского совета по международным делам; ведущий эксперт Центра народной дипломатии, Москва, Россия.

Anton G. Mardasov, Expert, Russian International Affairs Council; Leading Expert, Center for Public Diplomacy, Moscow, Russia.

Исаев Леонид Маркович, доктор политических наук, доцент, заместитель директора, Центр изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ; старший научный сотрудник, Центр цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Leonid M. Issaev, Dr.Sc. (Political Science), Associate Professor, Vice Director, Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University; Senior Researcher, Centre for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 14.01.2025

Доработана после рецензирования
(Revised) 28.04.2025

Принята к публикации
(Accepted) 20.06.2025

DOI: 10.31857/S0321507525070023

Политический ислам в Афганистане: на службе власти и вооруженной оппозиции с 2014 г. до повторного прихода талибов к власти

© Саженов Н.Д.^a, 2025

^a МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4126-6855; sazhenov.n.d@gmail.com

Резюме. На протяжении всей истории гражданской войны в Афганистане политический ислам являлся одним из наиболее значимых сопутствующих ей факторов. Не стала исключением и последняя фаза существования Исламской Республики Афганистан во время пребывания у власти президента А.Гани (2014–2021), завершившаяся приходом к власти движения «Талибан» в августе 2021 г.

Обе стороны – правительство и вооруженная оппозиция – прибегали к политическому исламу в основном в контексте противоборства за власть, подкрепляя таким образом свои претензии на победу в нем и, соответственно, на удержание или захват власти. Кабул в основном апеллировал к политическому исламу в поддержку своей политики через проправительственный Совет улемов, притом в отношении как внешне-, так и внутривнутриполитических вопросов.

Вооруженная оппозиция обосновывала с помощью религиозных догм нелегитимность правительства и необходимость вооруженной борьбы против него. Как показал исход этого периода гражданской войны, исламская риторика повстанцев оказалась более эффективной с точки зрения пропаганды и политической мобилизации, что стало одним из значимых факторов падения республиканской системы.

Ключевые слова: Афганистан, политический ислам, движение «Талибан», Совет улемов, легитимация, политическая мобилизация

Для цитирования: Саженов Н.Д. Политический ислам в Афганистане: на службе власти и вооруженной оппозиции с 2014 г. до повторного прихода талибов к власти. *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 7. С. 13–20. DOI: 10.31857/S0321507525070023

Political Islam in Afghanistan: At the Service of the Government and the Armed Opposition from 2014 till the Second Seizure of Power by the Taliban

© Nikolay D. Sazhenov^a, 2025

^a MGIMO University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4126-6855; sazhenov.n.d@gmail.com

Abstract. Political Islam has been one of the most important but attendant factors of the civil war in Afghanistan. The last phase of the existence of the Islamic Republic of Afghanistan (in 2014–2021, during Ashraf Ghani's presidency), which ended with the second seizure of power in the country by the Taliban, was not an exception.

Political Islam was instrumental for both parties to military conflict (the government and the armed opposition) in the context of the power struggle. Both parties underpinned by political Islam their own victory claims and assertions to keep or assume power respectively. Kabul primarily invoked to political Islam via national Ulama Council in support of its policy. The armed opposition used political Islam to prove Government's illegitimacy and justify the necessity of fighting against the Republican regime.

The results of this period of civil war in Afghanistan showed that insurgents' Islamic rhetoric had turned out to be more effective in terms of propaganda and political mobilization. It was one of the reasons for the fall of the Republican Government in Afghanistan in 2021.

Keywords: Afghanistan, Political Islam, the Taliban, Ulama Council, legitimisation, political mobilization

For citation: Sazhenov N.D. Political Islam in Afghanistan: At the Service of the Government and the Armed Opposition from 2014 till the Second Seizure of Power by the Taliban. *Asia and Africa today*. 2025. № 7. Pp. 13–20. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525070023

ВВЕДЕНИЕ

Неотъемлемой частью политической жизни Исламской Республики Афганистан¹ на последнем этапе ее существования, совпавшем с президентством Ашрафа Гани (2014–2021) и завершившемся приходом к власти в августе 2021 г. движения «Талибан» (ДТ), был исламский фактор. Помимо его традиционно существенного значения для повседневной жизни афганского общества, его в политических целях использовали как власти страны, так и вооруженная оппозиция – в первую очередь движение «Талибан» как наиболее боеспособная и многочисленная ее группировка.

Для целей данной статьи целесообразно будет сосредоточиться в первую очередь на сопровождавших и подпитывавших гражданскую войну в Афганистане пропагандистских аспектах использования республиканскими властями и их противниками политического ислама. Именно в таком качестве стороны конфликта преимущественно апеллировали к религиозным мотивам. Тем интереснее будет – в условиях крайней скудности научных исследований по данному вопросу, разве что за исключением обстоятельных работ американского аналитика Т.Джонсона [1; 2; 3; 4] – рассмотреть использование политического ислама обеими сторонами в сравнительной перспективе.

ПОНЯТИЕ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ»

Прежде всего необходимо определить, что именно мы понимаем под политическим исламом. Существует несколько подходов к определению этого явления, хотя часто в научно-аналитических работах встречается его упоминание без каких-либо объяснений содержания этого понятия. Имеющиеся дефиниции носят весьма широкий характер. Среди характеристик политического ислама преобладают описательные, попытки более глубокого подхода, например, с классификацией разновидностей этого явления, встречаются существенно реже.

Пожалуй, одно из наиболее развернутых пониманий данного термина встречается у российского исламоведа С.А.Рагозиной, которая видит в политическом исламе «явление, характеризующее идеи фундаменталистского ислама, которые легли в основу общественных движений и организаций, выдвигающих политические требования, действующие методами как легальной, так и нелегальной борьбы за влияние и власть на протяжении XX–XXI вв.» [5, с. 46]. Советский и российский востоковед Р.Г.Ланда акцентировал внимание на том, что политический ислам – прежде всего практика, хотя и имеющая под собой некоторые теоретические основания, «особенно в вопросах пропаганды, агитации и распространения влияния среди широких слоев верующих», притом находящаяся, как правило, в оппозиции [6, с. 43, 47].

Российский исламовед А.В.Малашенко отмечает, что для представляющих политический ислам акторов «путь решения проблем общества, путь создания государства – нормального, дееспособного государства с сильным законом – лежит на привлечении ислама в политику. Именем ислама нужно принимать законы <...> и выстраивать государство» [7]. При всей очевидной широте подобного взгляда он выглядит в целом подходящим для данной статьи как раз в силу этого фактора, особенно с точки зрения инструментального использования исламских постулатов сторонами гражданской войны в Афганистане в целях обоснования или подкрепления собственных политических подходов и задач.

ИСЛАМ В ПОЛИТИКЕ АФГАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Афганское правительство в 2014–2021 гг. задействовало политический ислам в основном через государственный Совет улемов (исламских богословов), где преобладали представители суннитского ис-

¹ Исламская Республика Афганистан пришла на смену Исламскому Эмирату Афганистан (1996–2001), который прекратил существование после вторжения США и Великобритании в Афганистан в октябре 2001 г. (*прим. авт.*).

лама. Доля шиитов в нем составляла 25–30%, при этом у них параллельно существовал отдельный Совет улемов [8, с. 2].

Формально основная роль таких государственных структур сводилась к анализу принимаемых нормативно-правовых актов на соответствие нормам ислама. В то же время Совету улемов республиканского Афганистана (2001–2021) была также присуща вспомогательная для решения политических задач и заложенная еще на этапе становления этого органа в 2002 г. функция комментирования внешне- и внутривнутриполитических событий сквозь призму исламских принципов. Отдельно ставилась задача «противодействия ложным обвинениям и пропаганде талибов и их союзников, которые вводят в заблуждение мусульманскую и сражающуюся нацию...» [8, с. 2].

Совет улемов также выступал на внешнеполитическом поле – в т.ч. по вопросам, в той или иной степени касающимся религиозной тематики. В частности, в 2017 г. пресс-секретарь Совета М.К.Халими выступил с критикой тезиса пакистанского богослова и лидера партии «Джамиат Улама-е Ислам» Фазль-ур-Рахмана о том, что война против международной коалиции на территории Афганистана является «джихадом» и делом «дозволенным»².

Во внутренней политике Совет улемов в целом демонстрировал лояльность правительству, сохранив ее и после 2014 г. В начале первого президентского срока А.Гани представители данного органа заявили о поддержке его правительства [9].

Одно из наиболее заметных событий в области задействия политического ислама правительственными структурами Афганистана произошло летом 2018 г. Фоном стали 2 значимых для афганской политической жизни процесса – неослабевающее вооруженное сопротивление движения «Талибан», которое медленно укрепляло позиции на поле боя, расширяя территориальный контроль, а также подготовка к намеченным на 20 апреля 2019 г. президентским выборам [10] (дважды переносились и состоялись только 28 сентября). Кроме того, тогда в Афганистане активизировалось обсуждение темы межафганского диалога – прямых переговоров правительства с талибами.

В начале июня 2018 г. состоялось собрание более 2000 афганских богословов, участники которого издали фетву (богословское заключение или решение по какому-либо вопросу), содержащую осуждение насильственных методов талибов (в частности, подрывов террористов-смертников, похищений людей, закладок взрывных устройств, разбойных нападений и прочих видов насилия) как противоречащих исламским канонам. Президент А.Гани солидаризировался с мнением афганских богословов³.

Сам он нечасто обращался к религиозным темам в публичных выступлениях. В инаугурационной речи 2014 г. вопрос ислама был затронут лишь по касательной – как неотъемлемой части жизни афганского общества [11, с. 38]. В схожем ключе А.Гани и в дальнейшем упоминал религию, не углубляясь в ее положения и ограничиваясь в основном формальными отсылками к данным ценностям. Исключений было немного – в частности, президент Афганистана, полемизируя со сторонниками консервативной точки зрения относительно прав женщин в исламе, отмечал, что «Ислам всегда наделял женщину высоким статусом» [11, с. 142]. Упомянулось также создание основанной на ясных и четких правилах системы исламского банкинга и запуск нескольких каналов на государственном телевидении для популяризации исламской культуры [11, с. 312–314].

В дальнейшем акценты в риторике афганского президента сместились в сторону вопросов единства общества в условиях гражданской войны. Религиозные моменты выступали как сопутствующие темы. Например, в июле 2018 г. А.Гани в выступлении перед членами Совета улемов отметил, что «мечети были самой эффективной платформой для объединения людей и их мобилизации против коррупции»⁴. То есть в данном контексте очевидны попытки властей Афганистана использовать ресурс «официального ислама» для консолидации общества, в т.ч. в контексте подготовки к выборам главы государства в 2019 г.

Параллельно с выступлениями афганских богословов и официальных лиц существовал еще один вариант использования политического ислама для дополнительной легитимации позиции властей – в

² Afghanistan Ulama Council: Moulana Fazl-ur-Rahman's Claims are Baseless. *BBC*. 13.04.2017. (In Pers.). <https://www.bbc.com/persian/afghanistan-39588130> (accessed 14.01.2025)

³ Ulema issue fatwa against militants' insurgency campaign. *The Kabul Times*. № 53. 05.06.2018; President Ghani welcomes Ulama's anti-war fatwa. *The Kabul Times*. № 54. 06.06.2018.

⁴ President Ghani Asks Ulema to Mobilize People against Corruption. *The Kabul Times*. № 90. 30.07.2018.

форме заявлений иностранного мусульманского духовенства, в т.ч. в рамках диалога с Кабулом по религиозным вопросам и обмена делегациями. Как правило, они – в унисон с тезисами афганских клириков – сводились к осуждению ведущихся движением «Талибан» боевых действий с подчеркиванием их антиисламского характера и призывами к скорейшему началу мирных переговоров или завершению войны в Афганистане. Подобные высказывания исходили, в частности, от улемов из Египта⁵, Кувейта⁶ и Индонезии [12]. Аналогичные тезисы с поддержкой усилий правительства А.Гани прозвучали в ходе состоявшейся в июле 2018 г. в священном для мусульман городе Мекке (Саудовская Аравия) «Международной конференции исламских богословов за мир и безопасность в Афганистане», которая объединила более 100 делегатов из 57 стран [13]. Подобные высказывания активно тиражировались в государственных СМИ (радио, газеты и интернет-издания), вероятно, для демонстрации международной поддержки позиции афганского правительства и в расчете на формирование соответствующего общественного мнения.

Итак, республиканское правительство Афганистана задействовало исламский фактор для подкрепления собственной позиции в условиях противостояния с вооруженной оппозицией. Основные акценты делались на несоответствии применяемых движением «Талибан» насильственных методов борьбы исламским постулатам и сохранении единства. Последнее также соответствует классическому исламскому постулату о неприемлемости расколов в обществе.

Аргументация нелегитимности вооруженного насилия в стране строилась в русле исламской концепции недопустимости такой политической активности, которая наносит ущерб государственному и частному имуществу, включая промышленность и инфраструктуру, а также подрывает работу органов власти. При этом практически не использовались доводы об обязанности подчиняться воле правителя, как, например, это указано в одном из хадисов (Аль-Бухари, № 7137): «Повинующийся мне повинуется Аллаху, а послушавшийся меня послушался Аллаха. Повинующийся правителю повинуется мне, а послушавшийся правителя послушался меня»⁷. Вероятно, причиной этого была зыбкая внутривнутриполитическая легитимность А.Гани – в 2014 и 2019 гг. его избрание президентом сопровождали громкие скандалы и политические кризисы (оспаривание результатов выборов его основным оппонентом А.Абдуллоем), которые удалось уладить лишь с помощью внешнего посредничества.

Основным государственным органом, играющим на поле политического ислама, стал Совет улемов. Как представляется, его заявления, опубликованные от имени главных религиозных авторитетов страны, должны были придавать дополнительную легитимность политике Кабула, «освящая» последнюю с религиозной точки зрения. Однако на практике способность лояльного республиканским властям духовенства мобилизовать население в поддержку правительства оказалась весьма скромной. Прежде всего, тезисы Совета улемов отвергались вооруженной оппозицией как проправительственные. Во-вторых, неспособность государства обеспечить безопасность лояльных или занимающих нейтральную позицию богословов⁸ обусловила снижение их доверия к правительству, они практически не транслировали официальную позицию государства за пределами коллективных и обезличенных заявлений Совета улемов [8, с. 2; 14, с. 4;].

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ – ИНСТРУМЕНТ ВООРУЖЕННОЙ ОППОЗИЦИИ

Вооруженная оппозиция, прежде всего ДТ и до 2016 г. Исламская партия Афганистана, в основном также задействовали политический ислам как инструмент пропаганды и подкрепления притязаний

⁵ Ministry of Foreign Affairs – Supreme Mufti of Egypt Named the War in Afghanistan Forbidden and Impermissible. *Voice of America*. 28.05.2021. (In Pers.). <https://www.darivoa.com/a/egypt-s-grand-mufti-call-war-in-afghanistan-is-against-islamic-teachings-/5907882.html> (accessed 09.01.2025)

⁶ Kuwait Ulama Condemned the War in Afghanistan, Named it Illegal and Wanted Urgent Ceasefire and Sustainable Peace. *Bakhtar News*. 18.11.2020. (In Pers.). <https://www.bakhtarnews.af/dr/علمای-کویت-جنگ-در-افغانستان-را-تقییح-کر> (accessed 12.01.2025)

⁷ Сахих аль-Бухари. 93. Книга установлений. Хадисы №№ 7137–7225. *Энциклопедия хадисов*. 03.02.2015. <https://hadis.uk/saxihal-buxari-93-kniga-ustanovlenij-xadisy-7137-7225/19331/> (accessed 17.01.2025)

⁸ Имели место эпизодические, но получавшие большой резонанс в афганском обществе случаи убийства талибами выступавших против них исламских клириков. См., в частности: In Afghanistan, Preaching Peace Comes at a Cost. NECDO. 02.10.2017. <https://necdo.org.af/in-afghanistan-preaching-peace-comes-at-a-cost/> (прим. авт.).

ний на то, чтобы прийти к власти в стране. Обычно их риторика сводилась к распространению в социальных сетях или среди афганского населения призывов к джихаду (в узком религиозном смысле – как вооруженная борьба против иностранных войск на территории Афганистана и опирающегося на их поддержку «неправедного» правительства) и установлению исламского государства. И именно на этой основе строилась мобилизационная стратегия вооруженной оппозиции в течение существования ИРА (2001–2021).

В более конкретном плане пропаганда исламистских оппозиционных группировок – и рассматриваемый нами период 2014–2021 гг. не исключение – основывалась на эксплуатации темы «оккупации» страны и, следовательно, подчеркивании «марионеточного» характера действующего правительства. Прямые апелляции к догматам ислама содержались далеко не во всех распространяемых антиправительственными силами материалах. В то же время иногда использовались косвенные отсылки, например характеристика находящегося в Афганистане международного воинского контингента как «крестоносцев» [15, с. 11]. Это не просто указывало реципиентам пропагандистского посыла на чуждость местному обществу пришедших с оружием в руках иностранцев и их намерение насадить собственные порядки, но также намекало на антиисламскую сущность международной коалиции, а следовательно, и афганского республиканского правительства. Таким образом, обосновывалась необходимость вооруженной борьбы за его свержение, а заодно и для «отражения иностранного вторжения».

Среди наиболее распространенных тем в пропаганде движения «Талибан», в которых так или иначе использовалась религиозная аргументация, были:

- Ислам непобедим и победа талибов в гражданской войне в Афганистане неотвратима.
- Талибы – герои, которые жертвуют своими жизнями во имя Бога, ислама и свободы страны.
- У афганцев славная история, они несколько раз наносили поражение вторгшимся на их территорию немусульманам. Талибы – наследники всех афганцев, которые сражались против англичан и СССР.

- Силы международной коалиции и их союзников в самом Афганистане намерены уничтожить веру и традиции афганцев [1, с. 47].

В распространяемых материалах вооруженная оппозиция использовала религиозные понятия: одним из наиболее распространенных было описание боевых действий с талибской стороны как «мученических операций» [15, с. 36]. Распространенная в середине 2010-х гг. в провинции Вардак к югу от Кабула талибская листовка завершалась словами: «Богословы утверждают, что помощь неверующим под любым предлогом является вероотступничеством и явным неверием. Это не нуждается ни в каком разъяснении и комментарии» [1, с. 109].

Примерно эти же тезисы находят отражение в обращении лидера движения «Талибан» моулави⁹ Хайбатуллы Ахундзады по случаю окончания священного месяца Рамадан в 2020 г. Среди ключевых положений там присутствуют одобрение священной войны и обещание воздаяния свыше для ее участников («Всевышний примет жертву шахидов, дарует моджахедам и нашей сражающейся нации бесконечное вознаграждение за их службу и усилия, раненым – скорейшее выздоровление, заключенным – спасение и свободу. <...> Наш джихад – с повеления Всевышнего – проводится для полного освобождения страны и установления подлинно исламского строя»¹⁰). Там же говорится о предотвращении фитны¹¹ – раскола общества. И последний тезис был общим как для вооруженной оппозиции, так и для афганского правительства, хотя, безусловно, противоборствующие стороны вкладывали в него несколько разный смысл, в целом подразумевая необходимость объединения для борьбы с врагом.

Поскольку большая часть населения Афганистана проживает в сельской местности и из средств массовой информации имеет доступ в первую очередь к радиоточкам, для пропаганды движения «Талибан» – в противовес информации государственных радиостанций – важное значение имели распространяемые в этих частях страны через его подпольные радиостанции листовки и песни. Последние к тому же могли быть восприняты неграмотными людьми, не умеющими читать. Преимущественно такие ма-

⁹ Распространенный в Южной Азии высший богословский титул (*прим. авт.*).

¹⁰ Congratulatory Message by H.E. Commander of the Faithful (May Allah Protect Him) on the occasion of Eid al-Fitr. Emarat-e Islami-e Afghanistan. Komisyon-e Amur-e Farhangi. 1441 H.Q. C. 1, 2. (In Pers.)

¹¹ Ibidem. C. 2.

териалы создавались на языке пушту, поскольку подавляющее большинство талибов были и являются этническими пуштунами, и в районах их проживания движение «Талибан» в основном рекрутировало новых боевиков.

Песенное искусство главным образом воспевало важные для отчасти сохранивших традиционный уклад жизни сельских пуштунов чувство чести, храбрость и воинскую доблесть, готовность защищать родину¹². В тех песнях, где упоминаются религиозные сюжеты, основными темами являются призывы следовать Корану, восхваление талибских боевиков (наделяются, например, эпитетом «солдаты Всевышнего») и джихада¹³, а также шариата. В частности, в текстах нередки фразы наподобие «Да здравствует шариат».

Противники движения «Талибан» в песнях получают уничижительные и порой расчеловечивающие характеристики, зачастую отсылающие к религиозным сюжетам – «дети сатаны»¹⁴, «неверные» и т.д. Не чужды талибские песни и знанию коранических сюжетов. Так, в одной из них содержится призыв к афганской молодежи «быть волнами Красного моря», с явным намеком на бегство пророка Мусы (Моисея) и его сподвижников из Египта. Согласно тексту 26-й суры Корана, им удалось перейти разверзшееся море (в тексте напрямую не указывается, что это было именно Красное море, хотя Египет от Ближнего Востока отделяет именно оно), а преследовавшие их войска Фараона утонули (26:52–66)¹⁵.

В иных распространяемых талибами материалах (например, печатные листовки или публикации в Интернете¹⁶) также использовалась религиозная тема для обоснования и легитимизации их подходов. Показательна подобная риторика на примере обращения к госслужащим (2016) с призывом переходить на сторону движения «Талибан», опубликованном на главном информационно-пропагандистском сайте талибов *Al-Emarah*.

В части, касающейся политического ислама, указанное обращение содержит стандартную для ДТ апелляцию к антиисламской сущности республиканского правительства: «Вы также знаете и видите выпады в отношении монотеизма со стороны главы режима, поддержанный его женой международный запрет на исламскую чадру и запуск целенаправленной кампании против исламских ритуалов и религиозных святынь в стране после создания единого правительства»¹⁷. Примечателен и эпиграф из Корана: «О вы, которые уверовали! Не берите неверных друзьями вместо верующих. Разве вы хотите дать Аллаху ясный довод против вас?»¹⁸ (4:144) – с явным намеком на то, что не следует служить кабульскому правительству и взаимодействовать с иностранными войсками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На рассмотренных примерах заметно, что в период 2014–2021 гг. политический ислам в Афганистане во многом имел инструментальное значение, являясь «союзником» обеих противоборствующих сторон гражданской войны. При этом ни одна из них не могла (и не имела такой возможности) монополизировать сферу политического ислама. Правительство обращалось к нему для собственной легитимации и консолидации вокруг него. Талибы же, будучи радикальной исламистской группировкой, апеллировали к религии как к средству доказательства «неправедности» власти и обоснования альтернативной модели построения государства.

¹² Taliban Nasheeds – collection. *Archive.org*. <https://archive.org/details/TalibanNasheeds> (accessed 18.01.2025)

¹³ Taliban Nasheeds – collection. 11 A1-Emirate. *Archive.org*. <https://archive.org/details/TalibanNasheeds/A1+-+Emirate.mp4> (accessed 18.01.2025)

¹⁴ Taliban Nasheeds – collection. 1A1 – New4. *Archive.org*. <https://archive.org/details/TalibanNasheeds/1+A1+-+New+4.mp4> (accessed 18.01.2025)

¹⁵ Сура 26 «Поэты». Священный Коран в переводе И.Ю.Крачковского. *Фалак.ру*. <https://falaq.ru/quran/krac/26> (accessed 20.01.2025)

¹⁶ Распространяемые в Интернете материалы талибов были рассчитаны в первую очередь на афганскую городскую аудиторию, имеющую относительно стабильный доступ к Интернету, включая социальные сети (*прим. авт.*).

¹⁷ Invitation by Islamic Emirate to workers of Invaders and Kabul Administration. *Al-Emarah*. 21.05.2016. <https://alemarahenglish.af/invitation-by-islamic-emirate-to-workers-of-invaders-and-kabul-administration/> (accessed 19.01.2025)

¹⁸ Сура 4 «Женщины». Священный Коран в переводе И.Ю.Крачковского. *Фалак.ру*. <https://falaq.ru/quran/krac/4> (accessed 20.01.2025)

Если Кабул предпочитал канализировать политический ислам через государственный Совет улемов, тогда как первые лица государства нечасто обращались к исламским сюжетам, то идеология движения «Талибан» основывалась в первую очередь на ислаимизме, что делало религиозные вопросы одним из главных моментов в их пропаганде.

Как показало дальнейшее развитие событий в Афганистане – прекращение существования республиканской системы с приходом ДТ к власти в августе 2021 г., именно его нарратив оказался более удачным. Впрочем, стоит оговориться, что использование исламской аргументации в талибской пропаганде вряд ли можно назвать однозначно решающим для политической мобилизации населения в поддержку движения «Талибан» – его численность в 2010-е гг. в среднем неизменно колебалась в районе 100 тыс. человек. Но с учетом отсутствия массового сопротивления талибам при захвате территории неоднородной в этническом и конфессиональном плане страны и значительного общественного недовольства установлением их власти можно утверждать, что указанный фактор являлся значимым, а позиция правительства – даже подкрепленная с религиозной точки зрения – оказалась слабее.

После повторного прихода к власти в Афганистане в августе 2021 г. талибы, подобно их первому пребыванию у власти, взяли курс на выстраивание общественно-политической системы на основе исламских норм в их консервативных трактовках. Материалы по исламской тематике (от исторических обзоров до морально-нравственных наставлений) встречаются в правительственных СМИ (газеты, радио, телевидение и интернет-издания) повсеместно. Легитимность нынешнего режима также объясняется с религиозных позиций – путем самопозиционирования как «праведной» власти, борющейся с иностранным влиянием и чуждыми афганцам ценностями. На ключевые должности в стране назначены представители духовенства.

Однако, как представляется, после реставрации Исламского Эмирата Афганистан изменился вектор инструментального значения политического ислама для талибов. Во времена ИРА он выступал в качестве стимула политической мобилизации на антиправительственной основе. При талибах политический ислам выполняет функцию объединителя общества и, скорее, играет в пользу сохранения статус-кво, подчеркивая необходимость единства общества и недопустимость расколов по этническому или конфессиональному признаку и публичных выступлений против властей.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Johnson T. Taliban Narratives: The Use and Power of Stories in the Afghanistan Conflict). Kabul. 2019. 415 p. (In Pers.)
2. Johnson T. The Afghan Taliban and the Peace Negotiations: Are the Taliban “De-radicalising”? In Ashour O. (ed.), Bullets to Ballots: Transformations from Armed to Unarmed Activism. Edinburgh University Press. May 2021. Pp. 153–185.
3. Johnson T., Steele K. The Taliban Narrative: Understanding the Group’s Messages, Actions and Clues to Their Endgame. In Corman S. (ed.), Narrating the Exit from Afghanistan. Center for Strategic Communication. Tempe, Arizona, USA. 2013. Pp. 71–98.
4. Johnson T. The Taliban Insurgency and an Analysis of Shabnamah (Night Letters). *Small Wars and Insurgencies*. Vol. 18, № 3. September 2007. Pp. 317–344.
5. Рагозина С.А. Дискурс политического ислама (на примере интернет-пространства Северо-Восточного Кавказа). М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 144 с.
Ragozina S.A. 2013. Discourse of Political Islam (Using the example of Northeastern Caucasus Cyber-Space). Moscow. 144 p. (In Russ.)
6. Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005. 286 с.
Landa R.G. 2005. Political Islam: Preliminary Results. Moscow. 286 p. (In Russ.)
7. Малашенко А. Политический ислам (видео). 01.02.2013. <https://postnauka.ru/video/7785> (accessed 12.01.2025)
Malashenko A. Political Islam (video). 01.02.2013. <https://postnauka.ru/video/7785> (accessed 12.01.2025)
8. Osman B. 2012. The Ulama Council: Paid to Win Public Minds – But Do They? *Afghanistan Analysts Network*. 7 p.
9. علمای-افغانستان-حمایت-شان-از-حکومت-را-اعلام-کردند (Sirat H. Afghan Ulama Claimed about their Support to the Government). *Deutsche Welle*. 01.09.2015. (In Pers.). <https://www.dw.com/fa-af-علمای-افغانستان-حمایت-شان-از-حکومت-را-اعلام-کردند/a-18421754> (accessed 14.01.2025)

10. Constable P. Afghanistan's Presidential Elections Delayed Until July. *The Washington Post*. 30.12.2018. https://washingtonpost.com/world/asia_pacific/afghanistans-presidential-elections-delayed-until-july/2018/12/30/038faea0-0c45-11e9-8f0c-6f878a26288a_story.html (accessed 05.01.2025)
11. بیانات رئیس جمهور غنی. (Speeches by President Ghani). Т. 1. Kabul, 2018. 419 p. (In Pers.)
12. Taieb R. Ulema's Indonesia Meeting Supports Afghanistan's Peace Efforts. *TOLO News*. 11.05.2018. <https://tolonews.com/afghanistan/ulema-meeting-indonesia-issue-declaration-against-terrorism> (accessed 12.01.2025)
13. سلمان سلیمان. علمان دینی در عربستان سعودی: جنگ طالبان از سوی خداوند حرام شده است. (Solaiman. Ulama in Saudi Arabia: The Taliban War is Forbidden by the Almighty God). *Salaam Times*. 13.07.2018. (In Pers.). https://afghanistan.asia-news.com/prs/articles/cnmi_st/features/2018/07/13/feature-01 (accessed 12.01.2025)
14. Mielke K., Miszak N. Jihadi-Salafism in Afghanistan – Beyond Taliban, Al-Qaeda and Daesh. Bonn International Center for Conversion. Policy Brief, 6/2017. 6 p.
15. Ibrahimy Niamatullah, Omer Musab, Irfani Mohammad. Social Media and Articulation of Radical Narratives in Afghanistan. *Afghanistan Institute of Strategic Studies*. November 2015, Kabul, Afghanistan. 68 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Саженов Николай Дмитриевич, соискатель кафедры востоковедения МГИМО МИД России, Москва, Россия. Nikolay D. Sazhenov, Applicant, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 04.03.2025

Доработана после рецензирования
(Revised) 14.05.2025

Принята к публикации
(Accepted) 02.06.2025

DOI: 10.31857/S0321507525070034

О проблеме политики планирования семьи в современной Африке

© Рыбалкина И.Г.^а, 2025

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-2590-4084; i.rybalkina@inafr.ru

Резюме. Рост населения с долговременными отрицательными последствиями для Африки и в глобальном масштабе вследствие усиления миграционных потоков побуждает страны Африки и Запада обеспечивать финансирование демографической политики. Программы планирования семьи – основной компонент демографической стратегии. Их реализация различается по регионам, странам, социальным слоям, месту проживания, конфессиям и пр. На юге и севере континента демографический переход завершается или завершился, в Западной и Центральной Африке темпы снижения фертильности замедленные.

В отдельных странах рождаемость высока, но высоки и темпы ее снижения; в некоторых упала до уровня замещения или ниже; в других фертильность высокая и снижается медленно. На юге и севере континента практика контрацепции ориентирована на современные медикаментозные средства в сочетании с традиционными, в других регионах доминируют традиционные методики, более доступные, но низкоэффективные. Вследствие дороговизны обездоленные слои населения не могут позволить себе современные препараты.

Ученые-демографы подчеркивают, что программы планирования семьи следует переориентировать на беднейшие сословия, иначе при нынешних темпах снижения рождаемости заместительный уровень будет достигнут лишь через сто лет.

Ключевые слова: Африка, планирование семьи, средства контрацепции, снижение фертильности, сословия

Для цитирования: Рыбалкина И.Г. О проблеме политики планирования семьи в современной Африке. *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 7. С. 21–27. DOI: 10.31857/S0321507525070034

On the Problem of Family Planning Policy in Modern Africa

© Inna G. Rybalkina^а, 2025

^а Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-2590-4084; i.rybalkina@inafr.ru

Abstract. Population growth with long-term negative consequences for Africa and globally – due to increased migration flows – prompts African and Western countries and international organizations to ensure financing demographic policies to reduce birth rates. Family planning programs are the main component of the demographic strategy. The implementation of these programs varies greatly by region, country, social strata, families' socio-economic level, place of residence, religious affiliation, etc. In South and North Africa the demographic transition is completing or has been completed, in West and Central Africa the fertility decline rates are slow.

In some African countries, both the birth rate and its decline rate are high; in rare countries, it has fallen to the replacement level or below; in others, fertility is high and declining slowly. In South and North Africa contraceptive practice is focused on modern medications in combination with traditional ones, in other regions traditional methods dominate; they are much more accessible, but low-efficiency. Due to the high cost of modern means, the poor cannot afford them.

Demographers emphasize that family planning programs must be reoriented toward the poorest social classes. Otherwise, given the current slow rate of birth rate decline, the replacement level will be reached in a hundred years.

Keywords: Africa, family planning, contraception, fertility decline trends, social classes

For citation: Rybalkina I.G. On the Problem of Family Planning Policy in Modern Africa. *Asia and Africa today*. 2025. № 7. Pp. 21–27. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525070034

ВВЕДЕНИЕ

Увеличение численности населения Африки опережает все представленные прогнозы. Оно превращает положительные показатели экономической динамики в отрицательные, становясь тормозом процессов развития. Но, как подчеркивают ученые, не следует уповать лишь на экономический рост для ликвидации демографического взрыва – критически важными являются, прежде всего, три взаимосвязанных фактора: расширение внедрения программ планирования семьи, развитие образования, дальнейшее снижение младенческой и детской смертности [1, с. 55]. Без уменьшения детской смертности не могут зародиться тенденции снижения рождаемости. Программы планирования семьи – основной, а в некоторых странах и единственный, компонент демографической политики государства. Для их реализации западные доноры и международные фонды и организации оказывают народам континента финансовую поддержку с целью сдерживать волны миграции из стран Глобального Юга на Север. Недостаточный доступ к службам планирования семьи имеет значительные человеческие, социальные и экономические негативные последствия, что приводит к высоким показателям материнской и младенческой смертности, более низкому уровню образования, гендерному неравенству, уменьшению перспектив трудоустройства, постоянной бедности и нищете.

Первые программы планирования семьи стали разрабатываться в Африке более полувека назад. И результатов добились к настоящему времени немало стран, прежде всего расположенных на юге и на севере континента. Если в начале реализации демографической политики суммарный коэффициент рождаемости (СКР) составлял в среднем по странам Африки к югу от Сахары (АЮС) 6,8 детей на одну женщину детородного возраста, то ныне это 4,5¹.

Хотя дифференциация не только по регионам либо по государствам, но и внутри стран очень разнится: например, согласно данным французских исследователей, в Буркина-Фасо 3 ребенка приходится на женщину в городах, 4–5 в пригородах и почти 7 в аграрных районах [2]. Иными словами, при совершенствовании социально-экономической динамики отмечаются позитивные изменения в процессах снижения рождаемости и прогресс в области применения контрацепции, прежде всего в относительно обеспеченных слоях населения, наиболее вовлеченных в современные процессы развития. С другой стороны, крайняя бедность связана с тенденцией сохранения высокой рождаемости как элемента стратегии выживания для наиболее обездоленных социальных категорий [3].

Тенденции снижения рождаемости проявляются неравномерно среди различных групп населения даже в Северной Африке, где в большинстве стран рождаемость составляет менее 3 детей на одну женщину (Тунис, Алжир, Марокко, Ливия, Египет). Отмечается существенное неравенство в показателях СКР в различных категориях населения в зависимости от условий жизни, местности проживания (городской или сельской), уровня образования и дохода, конфессиональной принадлежности и т.п. Разрыв между самым высоким показателем рождаемости и наиболее низким может варьироваться от 30–40% в Египте до 60–70% в Марокко [4, р. 322]. Аналогичная ситуация наблюдается в государствах южноафриканского региона с наименьшей рождаемостью – ЮАР, Ботсване, Эсватини, Лесото.

В некоторых странах рождаемость высока, но тенденции снижения довольно заметны – 2,5% в год или более – Эфиопия, Руанда, Малави, Сьерра-Леоне. В отдельных государствах она упала до уровня замещения² или ниже – Тунис, Маврикий. В других – рождаемость высокая и стабильная и снижается весьма медленно, менее чем на 1% в год, – это Нигерия, ДРК, Мозамбик и еще 10 стран.

Начальный этап демографического перехода³ характерен для ряда государств, расположенных в Западной и Центральной Африке. Все они относятся к наименее развитым странам мира, некоторые стра-

¹ United Nations Population Division. World Populations Prospects: 2022 Revision. www.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TERT.IN (accessed 20.07.2024)

² Уровень простого замещения поколений – длительный период снижения рождаемости и смертности, когда на одну женщину приходится от 2,1 до 2,3 ребенка, т.е. родители в основном воспроизводят численность своего поколения. Но бывают семейные пары, бездетные по различным причинам, поэтому демографы подчеркивают, что при подобных показателях рождаемости прирост населения стремится к нулю и уровень простого замещения поколений стабилизирует численность населения естественным образом.

³ Чрезвычайно длительный переход от высоких уровней рождаемости и смертности к низким показателям получил название демографического перехода, включающего четыре последовательных этапа. В результате воспроизводство населения сводится к простому замещению поколений, рост населения останавливается и его численность стабилизируется естественным образом.

дают от высокой распространенности ВИЧ/СПИДа, другие недавно пережили гражданские войны, внутренние вооруженные конфликты, политическую нестабильность или вынуждены сталкиваться с ними в настоящее время, что оказывает влияние на возможности оказания услуг и реализации программ здравоохранения.

Помимо этого, отмечается замедление снижения уровня рождаемости в государствах, где в свое время оно неплохо начиналось (Гана, Кения – одни из пионеров демографической политики, разрабатывавшейся там еще в 1960-е гг.). Это замедление снижения рождаемости увязывают с общей системой близких детерминантов, включая относительную стабилизацию практики контрацепции, а также желаемого размера семьи. Вероятно, оно может быть связано и с косвенными детерминантами как в Кении, так и в Гане, а именно: со стагнацией или спадом социально-экономической динамики, уменьшением возможностей оказания социальных услуг, в частности, школьного образования, здравоохранения, замедлением снижения детской смертности и др.

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ МОДЕЛЕЙ РЕГУЛИРОВАНИЯ РОЖДАЕМОСТИ

В Африке в настоящее время наблюдается прогресс в области применения современных контрацептивных препаратов, средств и методов, значительно более эффективных, чем традиционные; но он все еще весьма неравномерен в зависимости от региона, страны и социальных слоев населения. Рост использования контрацептивов остается крайне ограниченным во многих государствах, расположенных к югу от Сахары. Это характерно не только для стран, не имеющих выхода к морю, и территорий с очень низким ВВП или стран, где имели либо имеют место внутренние или внешние вооруженные конфликты и кризисы, но и для государств, относительно благополучных и показательных для континента – наподобие Нигерии, Сенегала, Камеруна, которые входят в первые 20 африканских стран по ВВП на душу населения, где применение современных средств и методов контрацепции увеличивается чрезвычайно медленными темпами. Так, если рассматривать демографическую ситуацию в Нигерии, которая является одной из ведущих экономик Африканского континента, причем с наибольшей численностью населения, то за прошедший более чем полувековой период СКР там снизился с 6,9 в 1978 г. до 5,1 в 2022 г.⁴ Тенденция к снижению рождаемости наблюдается, прежде всего, в городских образованных слоях населения. Однако с такими темпами, по мнению западных демографов, переход к безопасному заместительному уровню рождаемости сможет произойти по крайней мере через сто лет [5, p. 27–121; 4, p. 326].

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ПРОГРАММЫ ПЛАНИРОВАНИЯ СЕМЬИ

После очередной Международной конференции по народонаселению и развитию, состоявшейся в Каире в 1994 г., африканские страны стали проводить решительный курс на прямую поддержку стратегии планирования семьи. С того времени политика содействия данной стратегии как важному компоненту репродуктивного здоровья на основе программы действий, принятой в Каире, неуклонно развивается, несмотря на трудности, связанные с функционированием систем здравоохранения, их реформированием и совершенствованием, а также невзирая на периодическое ухудшение экономической ситуации. С тех пор помощь в планировании семьи входит в минимальный пакет медицинских услуг по охране репродуктивного здоровья наряду с услугами по охране здоровья матери и ребенка и с профилактикой инфекций, передающихся половым путем. Однако еще очень многое предстоит сделать на законодательном уровне, поскольку некоторые правовые положения ограничивают доступ к службам планирования семьи для отдельных категорий населения, в частности, для незамужних женщин и девочек-подростков. Сложным вопросом остается и проблема финансирования, которое либо стагнирует, либо снижается, например, в пользу программ профилактики или лечения ВИЧ/СПИДа, которым международные доноры и организации отдают особое предпочтение ввиду серьезности этой пандемии в ряде стран к югу от Сахары. Реализации программ планирования семьи препятствуют и экономические трудности или рецессия, слабое снабжение и логистика, но также и немалые сложности нематериаль-

⁴ United Nations Population Division. World Populations Prospects: 2022 Revision. www.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TERT.IN (accessed 20.07.2024)

ного характера – отсутствие взаимодействия и координации между акторами, участвующими в проведении демографической политики или финансирующими ее, повсеместно недостаточность мониторинга и оценки принимаемых мер, игнорирование многообразных социокультурных особенностей, обычаев и традиций страны и населения и пр. [6].

НЕРАВНОМЕРНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНТРАЦЕПЦИИ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ И СЛОЯХ НАСЕЛЕНИЯ

Многие африканцы в странах к югу от Сахары живут в мало изменившихся социально-экономических условиях, где доминируют традиционные способ производства, африканские системы ценностей, нормы поведения и обычаи, обуславливающие высокий спрос на детей как бесплатную рабочую силу в сельском домохозяйстве, при одновременной слабости снабжения и поставок контрацептивных средств. Кроме того, положение женщины в расширенной семье, как и прежде, зависит от количества у нее детей. При отсутствии доступа к образованию и карьере рождение детей способствует росту личного престижа, обеспечивает экономические гарантии и закрепляется за африканкой как единственная возможность для ее социальной реализации в страдающем от бедности обществе, которому как страховка от эпидемии или голода постоянно нужны новые дети [7], лишь часть из которых при довольно ощутимой младенческой и детской смертности доживет до взрослого возраста и сможет оказать помощь престарелым родителям.

Но другой категории населения, главным образом в городских районах, работа на государственной службе, в различных отраслях народного хозяйства, торговле, ремесленная деятельность дают возможность получать заработную плату и включаться в современную социально-экономическую систему и производство. Здесь наблюдается более высокий уровень образованности африканок, трансформация социокультурных ценностей и определенный прогресс в предоставлении услуг по планированию семьи в государственных или частных клиниках. Все эти факторы приводят к постепенному снижению рождаемости, прежде всего в данных социальных группах.

Между этими двумя крайними диспозициями имеется немало разнообразных производных схем, отражающих диверсификацию реальности, в особенности в тех странах, где общество уже давно вступило на путь модернизации и где могли появиться самые разные фракции социума [3]. В этой чрезвычайно многоликой Африке прогресс в области применения контрацепции со временем замедлился и спустя более полувека после осуществления первых программ демографической политики остается очень неравномерным в зависимости от региона, страны и социальных слоев. Позитивные преобразования заметны в государствах Южной и Северной Африки, Кении, Зимбабве и в равной мере характерны для горожан и образованных слоев населения многих других стран. Урбанизация, повышение посещаемости школы до уровня среднего образования и в более широком плане социально-экономический прогресс – важные факторы, способствующие увеличению использования контрацепции. Но рост применения противозачаточных средств остается крайне медленным во многих странах, в особенности в западной и центральной части Африки к югу от Сахары. Если на севере и юге континента практика контрацепции ориентирована на ограничение рождаемости с помощью более широкого использования современных контрацептивных средств в сочетании с традиционными, то в других регионах по-прежнему доминируют старинные традиционные методы, которые, по свидетельству медиков, отличаются низкой эффективностью.

Исследование проблемы в ряде стран Западной Африки (Гана, Сенегал, Буркина-Фасо, Мали) выявило следующую закономерность. Женщины, живущие в городских районах и получающие образование по крайней мере в объеме средней школы, осуществляют какую-либо профессиональную деятельность, аналогично их мужьям, преимущественно в формальном секторе и регулярно пользуются услугами системы здравоохранения в рамках программ планирования семьи. У них более низкая фертильность, которая может составлять менее половины общего коэффициента рождаемости в стране [8].

Ученые свидетельствуют, что в Тунисе уже к началу XXI в. завершился процесс демографического перехода, когда рождаемость достигла уровня воспроизводства (СКР – 2,1), как по возрасту позднего вступления в брак, так и по ограничению рождаемости в браке посредством использования множественности методов контроля, современных и традиционных.

Заключительный этап демографического перехода в Марокко в настоящее время уже близок к завершению, о чем свидетельствует СКР 2,5 ребенка. При этом показатели немного ниже средних значений по стране наблюдаются в городских районах, среди образованных либо богатых слоев населения, и способы регулирования деторождения различаются в разных социальных категориях. В настоящее время такая неравномерность касается в основном возраста вступления в брак; относительно применения контрацепции отмечается, что оно постепенно становится более распространенным и социально однородным, хотя и несколько чаще фиксируется у марокканок, живущих в городах, имеющих соответствующий уровень образования и комфортные условия жизни. Ранние браки, слабое использование контрацепции и, следовательно, более высокая рождаемость остаются характерными для наименее обеспеченных социальных категорий.

В Того снижение рождаемости идет быстрыми темпами, прежде всего в городской среде, где прогрессирует применение современных средств и методов контрацепции, а традиционные практики имеют тенденцию к сокращению. Вместе с тем скудное снабжение средствами контрацепции, недостаточное удовлетворение спроса, слишком дорогостоящий доступ к желаемым методам и др. заставляют тоглезских женщин довольно часто обращаться к искусственному прерыванию беременности или абортам. В частности, эта практика распространяется среди незамужних женщин и девушек-подростков, которые вплоть до настоящего времени по закону чрезвычайно ограничены в использовании программ планирования семьи.

В Камеруне демографический переход осложняется неудовлетворительным социально-экономическим уровнем и условиями жизни многих жителей страны, резкими социальными контрастами и другими факторами материального и нематериального характера. Большинство женского населения не имеет возможности пользоваться современными контрацептивными средствами и методами по причине их дороговизны, недостатков в снабжении, что свидетельствует о значительном неудовлетворенном спросе в области планирования семьи. Женщины из малообеспеченных категорий населения чаще прибегают к традиционным, менее эффективным, но более доступным методам предохранения от беременности либо к абортам. Представительницы наиболее обеспеченных слоев активно используют современные медицинские препараты и чрезвычайно редко прибегают к искусственному прерыванию беременности.

НЕКОТОРЫЕ ОБОБЩЕНИЯ

В Северной Африке современные методики и средства контрацепции доступны большинству населения. А в странах Африки к югу от Сахары низкий уровень использования контрацепции и ее медленное распространение характерны не только для самых бедных стран, не имеющих выхода к морю, например в зоне Сахеля, или стран ранее или в настоящее время охваченных кровопролитной гражданской войной, внутренними или внешними конфликтами, но и для государств континента, имеющих немаловажное значение для развития Африки, таких как Нигерия, Сенегал, Камерун и многие другие, где практика контрацепции пробуксовывает. И это еще не упоминая о тех странах, в которых современные методы используются лишь в довольно узкой прослойке высокообразованных и урбанизированных групп населения, таких, например, как Мавритания, Нигер, Мали или Чад.

Несмотря на постепенное снижение СКР, страны Африки к югу от Сахары еще далеки от показателей других развивающихся стран в области контрацепции. Использование противозачаточных средств значительно различается не только в разных государствах, но и в разных социальных стратах одной и той же страны в зависимости от региона проживания и социальной группы [4, с. 336]. Эта вариативность отражает ситуацию неравенства и раскола общественного пространства по социально-экономическому признаку, когда у отдельных групп населения есть возможность в определенной степени контролировать свое демографическое воспроизводство, тогда как другие ее не имеют. Аналогично и снижение рождаемости, заметное в одних слоях населения, менее выраженное или находящееся в начальной стадии в других; для определенной части африканцев регулирование деторождения все еще основывается на комбинировании разного рода практик современного и традиционного предохранения.

Эта ситуация свидетельствует о трудностях доступа к услугам служб контрацепции для многих категорий и групп населения, которые сталкиваются с серьезными препятствиями не только экономиче-

ского, институционального, юридического и социокультурного характера, но даже вообще с отсутствием каких-либо услуг [4, p. 337]. С подобными трудностями доступа к программам планирования семьи приходится иметь дело жителям сельских поселений, далеких от амбулаторий и медицинских пунктов, или неграмотным африканкам из самых бедных семей, лишенным каких бы то ни было ресурсов и человеческого капитала. Это также относится к молодежи и незамужним женщинам, чей доступ к услугам по планированию семьи подвергается значительным институциональным и социальным ограничениям, в частности суровому социальному контролю и наблюдению за интимной жизнью молодежи и незамужних женщин со стороны старших членов семьи. Обращение к искусственному прерыванию беременности или абортам, часто тайно практикуемым этими категориями населения, подвергает здоровье африканок огромному риску, нередко смертельному, вследствие отсутствия санитарии и гигиены, может нанести вред их будущей фертильности и стать угрозой для жизни от инфицирования, кровопотери и многих других факторов. В большинстве случаев материнская смертность фиксируется в основном в результате аборт, проводившихся на дому в антисанитарных условиях.

Слабый прогресс в области распространения контрацептивных средств в ряде стран АЮС является одним из существенных препятствий для улучшения репродуктивного здоровья женщин и осуществления демографического перехода к снижению рождаемости. В результате тенденция снижения фертильности в странах АЮС менее однозначная, чем предполагалось четверть века назад, на рубеже XX–XXI вв., когда зарождение процессов демографического перехода вселяло надежды на возможность непрерывного поступательного сокращения показателей рождаемости. В настоящее время в некоторых странах отмечается остановка или замедление спада фертильности и роста использования противозачаточных средств.

Наблюдения ученых-специалистов подтверждают, что именно наиболее неимущим и обездоленным с точки зрения социально-экономического и человеческого капитала труднее всего получить доступ к средствам эффективного регулирования их фертильности. Эти социальные различия определяют разительное неравенство в масштабах Африканского континента, как и в пределах большинства его стран, в вопросе об индивидуальном контроле рождаемости. Данные обстоятельства также поднимают вопрос об эффективности услуг и программ планирования семьи, первые результаты которых проявились в Африке более полувека назад и которые сегодня в большинстве стран все еще далеки от предоставления универсального доступа и удовлетворения потребностей. Многие исследователи в Африке приходят к выводу, что хотя эта неудача отражает в значительной степени неудовлетворительное состояние систем общественного здравоохранения, вероятнее всего, особенно необходимо во главу угла ставить социополитические концепции и требования социальной справедливости и разрабатывать наиболее действенную политику планирования семьи, которая была бы ориентирована в первую очередь на беднейшие слои населения, чтобы предоставить им возможность реализовать на практике свое желание контролировать рождаемость, которое в настоящее время они выражают достаточно четко.

Эволюция развивающихся стран в последние 40 лет свидетельствует о возрастании роли государства в демографических процессах. Национальные программы планирования семьи или репродуктивного здоровья почти повсеместны и универсальны, но их результативность возрастает, если правительство открыто заявляет о своем негативном отношении к быстрому росту населения, что свидетельствует о степени вовлеченности государства в регулирование демографической ситуации.

Несмотря на принимаемые африканскими правительствами меры, на континенте все еще остро стоят проблемы образования, здравоохранения, трудовой занятости, социально-экономической динамики. Как следствие, для стран АЮС характерен очень медленный темп снижения уровня рождаемости. Продолжающийся резкий рост населения в этом регионе, по мнению видного отечественного демографа С.Ф.Иванова, обусловлен прежде всего стагнацией сельской социальной среды и сам способствует ее консервации, а также поддерживается неадекватной урбанизацией, когда притягивающие массы людей города не обеспечивают для них возможностей продуктивной занятости [1, с. 60]. Перед африканскими государствами и мировым сообществом в настоящее время стоит сложная задача постараться затормозить рост населения гораздо активнее, чем это сейчас делается, иначе остается альтернатива – ждать, когда равновесие населения и ресурсов восстановится вследствие гибели миллионов людей из-за роста масштабов нищеты, массового голода, смертельных пандемий и войн, экологических кризисов. Вероятно, увеличение финансирования программ планирования семьи и для африканских правительств, и для международного сообщества, стремящегося противостоять миграционным цунами, является остроакту-

альной задачей наряду с развитием системы образования и дальнейшим снижением младенческой и детской смертности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Иванов С.Ф. Детерминанты и последствия демографических тенденций в Африке к югу от Сахары. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2020. № 4 (53). С. 55–76. DOI: 10.31132/2412-5717-2020-53-4-55-76
Ivanov S.F. Determinants and consequences of demographic trends in sub-Saharan Africa. *Journal of the Institute for African Studies*. 2020. № 4 (53). Pp. 55–76. (In Russ.). DOI: 10.31132/2412-5717-2020-53-4-55-76
2. Tagnan R.A. Comment éviter la bombe démographique en Afrique. *Monde*. 8 août 2017. <http://www.slate.fr/story/149490/bombe-démographique-afrique> (accessed 11.05.2024)
3. Vimard P., Fassassi R. La demande d'enfants en Afrique subsaharienne. In Ferri B. (Ed. dir.). *L'Afrique face à ces défis démographiques: un avenir incertain*. CEPED. Paris: Karthala, 2007. Pp. 329–367.
4. Vimard P. Politique de la planification familiale, régulation de la fécondité et pratique contraceptive: une Afrique aux multiples visages. In R. Fassassi, K. Vignikin, P. Vimard (Dir.). *La Régulation de la fécondité en Afrique. Transformations et différenciations au tournant du XXI^e siècle en Afrique*. Louvain-la-neuve: Bruylant-Academia s.a., 2010. 322 p.
5. Guengant J.-P. La démographie africaine entre convergences et divergences. In B. Ferry (Dir.). *L'Afrique face à ses défis démographiques: un avenir incertain*. CEPED. Paris: Karthala, 2007. Pp. 27–121.
6. Beninguissé G. Les politiques de santé de la reproduction en Afrique depuis la conférence du Caire: Quelles implications pour la régulation de la fécondité? In R. Fassassi, K. Vignikin, P. Vimard (Dir.). *La Régulation de la fécondité...*
7. Осколкова О.Б. Планирование семьи в странах Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2000. № 8. С. 53–56.
Oskolkova O.B. Family planning in African countries. *Asia and Africa today*. 2000. № 8. P. 53–56.
8. Lasbeur L. Risque de conception et régulation de la fécondité en Afrique de l'Ouest. L'utilisation de la contraception par les femmes sexuellement active et fertiles. In R. Fassassi, K. Vignikin, P. Vimard (Dir.). *La Régulation de la fécondité en Afrique...*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Рыбалкина Инна Геннадьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН, Москва, Россия.

Inna G. Rybalkina, PhD (History), Senior Researcher, Center for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 04.02.2025

Доработана после рецензирования
(Revised) 29.03.2025

Принята к публикации
(Accepted) 17.05.2025

DOI: 10.31857/S0321507525070045

Переход стран АСЕАН к экономике замкнутого цикла – средство минимизации ущерба от климатических вызовов

© Сахвадзе Г.Г.^а, 2025

^а ИМЭМО РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-0321-363X; gigisakhvadze97@gmail.com

Резюме. В настоящей статье представлен краткий обзор наиболее существенных климатических угроз и экологических проблем, характерных как для каждой из десяти стран – участниц АСЕАН, так и для региона в целом. На текущем этапе приоритетной задачей является предотвращение усугубления последствий, вызванных природными катастрофами, за счет возникновения техногенных аварий, поскольку совокупное воздействие этих факторов может привести к отрицательному синергетическому эффекту с потенциально катастрофическими результатами. В этой связи подчеркивается, что АСЕАН прилагает значительные усилия к модернизации инфраструктуры и формированию соответствующих политико-институциональных механизмов, способствующих внедрению в регионе модели экономики замкнутого цикла (ЭЗЦ), рассматриваемой как ключевой инструмент снижения ущерба от климатических рисков.

В целом процесс внедрения концепции ЭЗЦ в странах АСЕАН носит поступательный, хотя и сравнительно медленный характер. При этом отдельные государства принимают существенные меры для перехода на устойчивую траекторию развития. В странах, где наблюдается относительное замедление или стагнация в продвижении ЭЗЦ, ключевым условием прогресса выступает преодоление политических препятствий, обеспечивающее приоритетное институциональное внимание к данному направлению. Важно формировать устойчивое понимание того, что внедрение ЭЗЦ представляет собой не только механизм охраны окружающей среды, но и эффективный инструмент достижения экономического роста, углубления международной интеграции и обеспечения долгосрочной устойчивости развития региона в целом.

Ключевые слова: изменение климата, экстремальные погодные явления, АСЕАН, экономика замкнутого цикла, устойчивое развитие

Для цитирования: Сахвадзе Г.Г. Переход стран АСЕАН к экономике замкнутого цикла – средство минимизации ущерба от климатических вызовов. *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 7. С. 28–36. DOI: 10.31857/S0321507525070045

ASEAN Countries' Transition to a Circular Economy – a Means of Minimizing Damage from Climate Challenges

© George G. Sakhvadze^a, 2025

^а IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-0321-363X; gigisakhvadze97@gmail.com

Abstract. This article summarizes the most significant climate threats and environmental challenges specific to each of the ten ASEAN member countries and the region as a whole. The current priority is to prevent the exacerbation of the impacts caused by natural disasters through additional anthropogenic accidents, as the combined impact of these factors could lead to negative synergies with potentially catastrophic results. In this regard, it is emphasized that ASEAN is making significant efforts to modernize infrastructure and develop appropriate policy and institutional mechanisms to facilitate the implementation of the circular economy model in the region, which is seen as a key tool for mitigating damage from climate risks.

In general, the process of introducing the concept of circular economy in ASEAN countries is progressing, although relatively slow. At the same time, some countries are taking significant steps to move to a sustainable development trajectory. In the countries where there has been a relative slowdown or stagnation in the introduction of circular economy, overcoming policy obstacles to ensure institutional prioritization is key to progress. It is important to create a sustainable understanding that the implementation of circular economy is not only a mechanism for environmental protection, but also an effective tool for achieving economic growth, deepening international integration and ensuring long-term sustainability of the region's development as a whole.

Keywords: climate change, extreme weather events, ASEAN, circular economy, sustainable development

For citation: Sakhvadze G.G. ASEAN Countries' Transition to a Circular Economy – a Means of Minimizing Damage from Climate Challenges. *Asia and Africa today*. 2025. № 7. Pp. 28–36. (In Russ.). DOI: 10.31857/S03215075 25070045

ВВЕДЕНИЕ

Страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) отличаются повышенной уязвимостью к экстремальным метеорологическим явлениям, что обусловлено их географическим положением: значительная часть стран имеет протяженные береговые линии, а также сталкивается с ограниченными возможностями в сфере экономической и медицинской инфраструктуры. Азиатский регион в целом демонстрирует наибольшую долю стихийных бедствий в мире (44,4%), что обуславливает преобладающую долю человеческих потерь (69,5% от общих человеческих потерь из-за подобных бедствий в мире) и экономических убытков (64,4% от глобальных затрат, вызванных природными катастрофами) [1]. Например, цунами в Индийском океане в декабре 2004 г., ставшее шестым по размерам самым смертоносным стихийным бедствием, унесло жизни 225 841 человека в регионе Юго-Восточной Азии [2].

Ключевой задачей для АСЕАН является недопущение усугубления последствий природных катастроф, имеющих ограниченную зависимость от антропогенных факторов, вследствие возникновения техногенных аварий, поскольку их совокупное воздействие способно породить отрицательный синергетический эффект, ведущий к масштабным и потенциально катастрофическим последствиям [3].

Экономика замкнутого цикла (ЭЗЦ) представляет собой концептуальную модель устойчивого развития, ориентированную на рационализацию использования природных и трудовых ресурсов, снижение объемов отходов и минимизацию экологически негативных последствий. Одновременно данная модель способствует стимулированию экономического роста, обеспечивая баланс между экологическими и экономическими целями¹. Государства АСЕАН демонстрируют усиливающийся интерес к внедрению концепции ЭЗЦ как к перспективному инструменту устойчивого развития².

В настоящей статье изложены основные климатические угрозы и экологические проблемы, характерные как для региона в целом, так и для каждой из десяти стран – членов АСЕАН. Особое внимание уделено рассмотрению ключевого механизма снижения негативных последствий климатических изменений – ускоренному переходу от линейной модели экономики к ЭЗЦ³.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ СТРАН АСЕАН НА ПУТИ К ЭЗЦ

Организация АСЕАН в 2021 г. на 20-м заседании Совета приняла специальную Рамочную программу по переходу к ЭЗЦ³, намереваясь обеспечить устойчивое развитие экономики региона при эффективном использовании природных ресурсов. Несмотря на наличие комплексной Рамочной программы, темпы продвижения стран АСЕАН к целям перехода к экономике замкнутого цикла остаются неоднородными.

В данном разделе сначала приведено краткое описание различных подходов, применяемых в настоящее время странами АСЕАН для перехода к ЭЗЦ на национальном уровне, а затем – подходов к этому АСЕАН как организации.

Бруней. Султанат Бруней – небольшое государство с населением около 460 000 человек, относящееся к категории государств с уровнем дохода выше среднего согласно классификации, при этом прирост валового внутреннего продукта (ВВП) в 2023 г. составил 1,4%⁴. Поскольку это высокодоходная эконо-

¹ ADB (Asia Development Bank), 2023. Why ASEAN Is Shifting to a Circular Economy. <https://seads.adb.org/solutions/why-asean-shifting-circular-economy> (accessed 10.11.2024)

² DEUS (Delegation of the European Union in Singapore), 2021. Circular Economy: How Europe and Singapore can learn from each other. https://eeas.europa.eu/delegations/singapore/circular-economy-how-europe-and-singapore-can-learn-each-other_und_be?s=178 (accessed 11.11.2024)

³ ASEAN (The Association of Southeast Asian Nations), 2021. Framework for Circular Economy for the ASEAN Economic Community. ASEAN. https://asean.org/wp-content/uploads/2021/10/Framework-for-Circular-Economy-for-the-AEC_Final.pdf (accessed 11.11.2024)

⁴ World Bank, 2023. GDP growth (annual %) – Brunei Darussalam. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.KD.ZG?locations=BN> (accessed 25.04.2025)

мика с развитой системой социального обеспечения, в стране сравнительно высокий уровень жизни населения. Бруней располагает значительными запасами нефти и природного газа и является одной из богатейших стран региона. Однако страна сталкивается с огромной экологической проблемой. Для ее решения нужно решить такие задачи, как оптимальное управление природными ресурсами и утилизация отходов [4].

Правительство реализует несколько программ по устойчивому развитию, а также привлекает общество к повышению экологической осведомленности, что способствует сотрудничеству общества с соответствующими ведомствами. Бруней также является участником международных соглашений, связанных с биоразнообразием и изменением климата⁵. В целом Бруней успешно внедряет концепцию ЭЗЦ. Общая оценка степени продвижения страны к ЭЗЦ низкая (по критериям, приведенным далее).

Вьетнам. К концу 2023 г. численность населения Вьетнама достигла 100 млн человек, экономика страны в последнее время демонстрирует высокие темпы роста, прирост ВВП за 2023 г. составил около 10% [5]. Однако, несмотря на положительную динамику, сохраняется ряд структурных проблем, включая значительное неравенство доходов между городскими и сельскими территориями, низкий уровень доходов населения, а также острые экологические вызовы, такие как загрязнение окружающей среды [5].

Вьетнам в области внедрения концепции ЭЗЦ делает значительные шаги, что способствует устойчивому экономическому развитию и повышению конкурентоспособности. Разработан целый ряд нормативных документов. Главными являются 2 документа⁶:

1) Национальная стратегия социально-экономического развития на 2021–2030 гг. Стратегия признает и поощряет разработку подходов ЭЗЦ к комплексному и эффективному использованию результатов производственного процесса.

2) Национальный план действий по переходу к ЭЗЦ. План направлен на руководство переходным процессом к ЭЗЦ и устойчивому развитию страны и нацелен на достижение нескольких целей устойчивого развития (ЦУР).

Общая оценка степени продвижения страны к ЭЗЦ высокая.

Индонезия. К концу 2024 г. численность населения Индонезии достигла примерно 277 млн человек, страна относится к категории государств с уровнем дохода ниже среднего согласно классификации, прирост ВВП в 2023 г. составил 5%⁷, что свидетельствует о значительных положительных тенденциях в экономике. Этому способствует и тот факт, что Индонезия богата природными ресурсами, включая нефть, газ и уголь⁸.

Для решения существующих экологических проблем страна прилагает большие усилия по переходу к ЭЗЦ, в частности, разработан Национальный план действий⁹. В Плане приоритетное внимание уделяется управлению отходами и стратегиям устойчивого развития. План уделяет особое внимание «зеленой» экономике, придерживаясь т.н. концепции 5Rs (*Reduce, Reuse, Recycle, Refurbish, Renew*, т.е. сокращение отходов, повторное использование, переработка, переоборудование, обновление). Предполагается, что принятые меры приведут к созданию «зеленой» экономики к 2050 г. [6].

Следует отметить, что в рамках предлагаемого Плана предусмотрен перспективный переход от модели 5Rs к расширенной комплексной концепции 10Rs, включающей следующие принципы: *Refuse* (отказ от устаревших технологий), *Rethink* (переосмысление подходов к потреблению и производству), *Reduce* (сокращение объемов отходов), *Reuse* (повторное использование ресурсов), *Repair* (ремонт), *Refurbish* (переоснащение), *Remanufacture* (реконструкция производственных процессов), *Repurpose*

⁵ SMU (Singapore Management University), 2022. Understanding Brunei: Environmental. Research Guides. https://researchguides.smu.edu.sg/cp_brunei/environmental (accessed 09.11.2024)

⁶ EC (European Commission), 2023a. Capacity4Dev. Vietnam – Circular Economy. The Team Europe Initiative. https://capacity4dev.europa.eu/resources/team-europe-tracker/partner-countries/viet-nam/vietnam-circular-economy_en (accessed 09.11.2024)

⁷ World Bank, 2023. GDP growth (annual %) – Indonesia. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=ID> (accessed 25.04.2025)

⁸ Bappenas (Ministry of National Development Planning Agency), 2023. Uncovering Circular Economy Initiatives in Indonesia. https://lcdi-indonesia.id/wp-content/uploads/2023/02/23026_Buku-CE-ENG-version-lowres.pdf (accessed 13.11.2024)

⁹ UNDP (United Nations Development Programme), 2021. The Economic, Social, And Environmental Benefits of a Circular Economy in Indonesia. <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/id/210127-Designed-English-Full-Report—Web.pdf> (accessed 12.11.2024)

(перепрофилирование на иные цели), *Recycle* (переработка) и *Recover* (восстановление полезных компонентов). Общая оценка степени продвижения страны к ЭЗЦ средняя.

Камбоджа. Население Камбоджи на конец 2021 г. было около 16 млн человек, рост ее ВВП в 2023 г. составлял около 5%¹⁰. В стране имеется существенное социально-экономическое неравенство, а экологические проблемы обостряются¹¹. Камбоджа сталкивается с многочисленными экологическими проблемами, включая вырубку лесов, загрязнение окружающей среды [7].

Для решения вышеупомянутых экологических проблем в декабре 2021 г. была принята Стратегия и План действия «Чистый воздух», включающая 15 комплексных мер, направленных на существенное сокращение выбросов загрязняющих веществ в атмосферу¹². Эти документы правительства Камбоджи описывают его видение будущего, задачи и конкретные шаги по переходу к ЭЗЦ. Сокращение отходов, повторное использование и переработка (концепция 3Rs) – вот три руководящих принципа Стратегии по переходу к ЭЗЦ. В ней также определены приоритетные отрасли деятельности, такие как сельское хозяйство, строительство, энергетика, производство и утилизация отходов¹³. Общая оценка степени продвижения страны к ЭЗЦ средняя.

Лаос. В Лаосе, по данным на конец 2021 г., проживало около 7,3 млн человек, уровень доходов населения был ниже среднего, а рост ВВП составил 2,7%. При этом экологическая обстановка в стране была крайне неблагоприятной¹⁴.

В 2017 г. Министерство энергетики и горнорудной промышленности совместно разработало «Стратегию экономики замкнутого цикла для Лаосской Народно-Демократической Республики» [8]. Лаос имеет значительные возможности для успешной реализации концепции ЭЗЦ благодаря своему стратегическому географическому расположению, развитый сельскохозяйственный сектор, а также мощные гидроэнергетические ресурсы. Общая оценка степени продвижения страны к ЭЗЦ низкая.

Малайзия. В 2020 г. в Малайзии проживало примерно 32 млн человек, экономика этой страны относится к категории стран с доходом выше среднего, при этом рост ВВП в 2020 г. составил 3,7% [9]. В стране развиты такие секторы экономики, как обрабатывающая промышленность, электроника, производство пальмового масла и туризм. Страна добилась значительных успехов в экономическом развитии, но сталкивается с серьезными экологическими проблемами [9].

Национальные программы Малайзии «Дорожная карта Малайзии по устойчивому развитию производства пластмасс на 2021–2030 гг.» и «Генеральный план “зеленых” технологий на 2017–2030 гг.» в настоящее время находится в процессе внедрения. Достигнутый на данный момент прогресс оценивается как скромный¹⁵. Несмотря на это, прилагаются немалые усилия по внедрению принципов ЭЗЦ в различных секторах экономики. В частности, в сфере производства пальмового масла реализуются инициативы по интеграции принципов «Индустрии 4.0»¹⁶. Общая оценка степени продвижения страны к ЭЗЦ средняя.

Мьянма. Население Мьянмы к концу 2021 г. составляло более 54 млн человек, при этом экономика страны (с доходом ниже среднего) аграрная, с развивающимися энергетическим и швейным секторами за 2023 г. имела рост ВВП около 1%¹⁷. Мьянма сталкивается с рядом экологических проблем, включая

¹⁰ World Bank, 2023. GDP growth (annual %) – Cambodia. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=KH> (accessed 25.04.2025)

¹¹ ADB (Asian Development Bank), 2021. Climate Risk Country Profile. Cambodia. https://climateknowledgeportal.worldbank.org/sites/default/files/2021-08/15849-WB_Cambodia%20Country%20Profile-WEB.pdf (accessed 14.11.2024)

¹² USAID (The United States Agency for International Development), 2022. Environment and Global Climate Change Breadcrumb Home Cambodia Environment and Global Climate Change. <https://usaid.gov/cambodia/environment-and-global-climate-change> (accessed 15.11.2024)

¹³ SA (Switch Asia), 2022. Cambodia's Roadmap For Sustainable Consumption and Production 2022–2035. https://switch-asia.eu/site/assets/files/3446/cambodia_roadmap_-_july_2022-1.pdf (accessed 14.11.2024)

¹⁴ BTI (Bertelsmann Stiftung), 2022b. Laos Country Report 2022. Transformation Index. <https://bti-project.org/en/reports/country-report/LAO> (accessed 08.11.2024)

¹⁵ APEC (Asia Pacific Economic Cooperation), 2020. Circular Economy Roadmap – Malaysia's Practice. http://mddb.apec.org/Documents/2020/PPSTI/PPSTI1/20_ppsti1_029.pdf (accessed 09.11.2024)

¹⁶ HCS (Holland Circular Hotspot), 2022. Malaysia. Circular Economy 4-pager, March 2022. <https://hollandcircularhotspot.nl/wp-content/uploads/2022/03/0503-Malaysia-4-pager.pdf> (accessed 14.11.2024)

¹⁷ World Bank, 2023. GDP growth (annual %) – Myanmar. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=MM> (accessed 25.04.2025)

вырубку лесов, загрязнение окружающей среды, чрезмерный вылов рыбы и экологические последствия добычи природных ресурсов¹⁸.

Мьянма в настоящее время предпринимает активные шаги на пути к созданию основ для перехода к ЭЗЦ посредством разработки различных инициатив и программ, направленных на сокращение отходов и внедрение концепции устойчивого развития. В частности, разработана Национальная стратегия и генеральный план управления отходами для Мьянмы (2018–2030). Хотя заложенные в них принципы могут показаться устаревшими, поскольку в них нет упоминания о ЭЗЦ, в них правильно сделаны акценты относительно безотходного производства, поощряется экологическое образование среди молодежи и внедряется концепция 3Rs [10]. Общая оценка степени продвижения страны к ЭЗЦ низкая.

Сингапур. Сингапур – это небольшой остров, где к концу 2020 г. проживало около 6 млн человек и рост ВВП составлял 3,6% [11]. Правительство Сингапура уделяет особое внимание развитию торговли, финансов и современных технологий, благодаря чему за короткий период времени он стал одним из самых развитых и богатых государств с высоким уровнем жизни. Однако, несмотря на экономический успех, страна сталкивается с рядом экологических проблем. Среди них – загрязнение воздуха, нехватка воды, неэффективная утилизация отходов и последствия изменения климата [11].

Загрязнение воздуха происходит вследствие сезонного задымления городов из-за лесных пожаров в соседних странах (Индонезия и Малайзия), что приводит к значительному ухудшению качества воздуха¹⁹. В стране разработан Сингапурский «Зеленый план», рассчитанный на период до 2030 г. План содержит предписания, что следует повсеместно внедрять концепцию ЭЗЦ, уделять особое внимание переработке отходов и повторному использованию ресурсов [12]. Правительство Сингапура намерено к 2030 г. снизить количество отходов, отправляемых на свалку, на 30% и достичь к 2030 г. общего уровня переработки отходов до 70%²⁰. Постепенно внедряется концепция 10Rs. Общая оценка степени продвижения страны к ЭЗЦ высокая.

Таиланд. По данным на конец 2022 г., численность населения Таиланда превысила 69 млн человек, экономика страны характеризовалась доходом выше среднего, а рост ВВП составлял 2,6% [13]. Для страны характерно сочетание сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности и туризма. Таиланд сталкивается с серьезными экологическими проблемами. К их числу относится загрязнение воздуха промышленными отходами и транспортными средствами. Вырубка лесов приводит к эрозии почв, а неправильное обращение с отходами – к образованию большого количества токсичных веществ, нанося ощутимый вред продовольственной безопасности, водным ресурсам и инфраструктуре²¹. Имеется ряд нормативных документов, направленных на обеспечение перехода к ЭЗЦ [13]. Основным документом является «20-летняя национальная стратегия» (2017–2036). Таиланд активно внедряет концепцию ЭЗЦ в качестве ключевого компонента своей стратегии экономического роста, стремясь к 2037 г. выйти из группы стран со средним уровнем дохода и перейти в число стран с высоким уровнем дохода. Однако, продолжая развиваться, страна должна сбалансировать свой экономический рост с экологическими требованиями. Подход, основанный на концепции ЭЗЦ, поможет Таиланду снизить зависимость от нефти и отказаться от ресурсоемкой экономики. Общая оценка степени продвижения страны к ЭЗЦ средняя.

Филиппины. Филиппины – это архипелаг, состоящий более чем из 7600 островов, на которых проживает около 110 млн человек, экономика страны относится к категории стран с доходом ниже среднего, при этом рост ВВП в 2023 г. составил 5,5%²². Загрязнение воздуха остается серьезной проблемой,

¹⁸ CCI (French Myanmar Chamber of Commerce and Industry), 2021. RecyGlo, Myanmar's first circular economy waste management system, targets regional growth. <https://ccifrance-myanmar.org/en/news/recyglo-myanmars-first-circular-economy-waste-management-system-targets-regional-growth> (accessed 13.11.2024)

¹⁹ DEUS (Delegation of the European Union in Singapore), 2021. Circular Economy: How Europe and Singapore can learn from each other. https://eeas.europa.eu/delegations/singapore/circular-economy-how-europe-and-singapore-can-learn-each-other_and_be?s=178 (accessed 10.11.2024)

²⁰ SMU (Singapore Management University), 2022. Understanding Brunei: Environmental. Research Guides. https://researchguides.smu.edu.sg/cp_brunei/environmental (accessed 13.11.2024)

²¹ TWB (The World Bank), 2022. Thailand Economic Monitor. In: *Building Back Greener: the Circular Economy*. <https://documents.worldbank.org/curated/en/099630006272216604/pdf/P1774810035ebf0f70b655077d3el95a99b.pdf> (accessed 10.11.2024)

²² World Bank, 2023. GDP growth (annual %) – Philippines. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=PH> (accessed 25.04.2025)

обусловленной промышленными отходами и большим объемом автомобильных выхлопных газов, что приводит к увеличению выбросов парниковых газов²³. Последствия изменения климата, включая повышение уровня моря, экстремальные погодные явления и засухи, ставят под угрозу продовольственную безопасность, водные ресурсы и инфраструктуру Филиппин [14].

В настоящее время страна осуществляет ряд инициатив, направленных на внедрение концепции ЭЗЦ. Ключевым шагом в этом направлении стало принятие в 2020 г. «Закона об экономике замкнутого цикла», основной целью которого является интеграция принципов ЭЗЦ и стратегии устойчивого развития в производственные процессы. В рамках реализации закона предусматривается достижение целей устойчивого развития (ЦУР), а также активное внедрение мер по противодействию изменениям климата [15]. Общая оценка степени продвижения страны к ЭЗЦ средняя.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРАН АСЕАН ПО ИХ ПРОДВИЖЕНИЮ К КОНЦЕПЦИИ ЭЗЦ

Рассмотрим текущее положение каждой из стран АСЕАН в контексте продвижения к целям экономики замкнутого цикла (ЭЗЦ) (см. *табл.*). Оценка уровня продвижения проводилась по шкале «Высокое», «Среднее» и «Низкое» на основе следующих критериев:

1) Приверженность концепции ЭЗЦ определялась числом и качеством нормативно-правовых актов, направленных на переход к ЭЗЦ, а также степенью их актуальности. Наивысшая оценка присваивалась в случаях, когда соответствующая нормативная база была полностью или почти полностью разработана и официально утверждена.

2) Государственная поддержка целей ЭЗЦ оценивалась на основе вовлеченности различных заинтересованных сторон в процесс формирования и реализации соответствующей политики, а также наличия информационной инфраструктуры, включая специализированные веб-ресурсы и информационные платформы.

3) Фактический прогресс в реализации ЭЗЦ определялся сравнительным анализом достигнутых результатов каждой страны относительно среднерегиональных показателей по АСЕАН.

4) Экономический уровень страны учитывался на основе данных Всемирного банка по состоянию на август 2023 г.²⁴

Представляется логичным предположение, согласно которому достижение страной определенного уровня социально-экономического развития должно способствовать ускоренному переходу к модели ЭЗЦ (что, в частности, подтверждается примером Сингапура). Однако проведенный анализ показывает, что данная взаимосвязь не является универсальной. Так, Вьетнам, относящийся к странам с уровнем дохода ниже среднего, сумел создать благоприятные институциональные и организационные условия для активного вовлечения заинтересованных сторон, что является ключевым фактором формирования эффективной стратегии перехода к ЭЗЦ. Следовательно, высокий уровень дохода сам по себе не выступает гарантией особой приверженности принципам ЭЗЦ. Иллюстрацией данного положения служит пример Брунея – высокодоходной страны, демонстрирующей сравнительно низкие темпы продвижения в направлении экономики замкнутого цикла.

Государства АСЕАН признают значимость перехода от линейной модели к ЭЗЦ. Однако выработка единой региональной стратегии достижения целей ЭЗЦ остается непростой задачей ввиду существенных различий в социально-экономических условиях, климатических особенностях и экологических вызовах, характерных для отдельных стран региона [16]. Тем не менее анализ доминирующих тенденций позволяет выявить определенную закономерность: несмотря на различия, регион в целом демонстрирует стремление к постепенному переходу к модели ЭЗЦ, хотя темпы этого продвижения остаются умеренными.

Явным лидером с точки зрения ускоренного перехода к ЭЗЦ является Вьетнам. На это указывает количество и вовлеченных заинтересованных сторон (например, иностранных инвесторов, институтов развития и политиков разных стран), и разработанных инициатив.

²³ Circular Economy Policy Initiatives and Experiences in the Philippines: Lessons for Asia and the Pacific and Beyond. Asian Development Bank. 2022. <https://adb.org/sites/default/files/pubhcaction/774936/adb-transitioning-linear-circular-economy-developing-asia-web.pdf> (accessed 10.11.2024)

²⁴ ASEAN (Association of Southeast Asian Nations), 2022. ASEAN Policy Brief. December 2022. https://asean.org/wp-content/uploads/2022/12/ASEAN-Policy-Brief-5_Dec2022.pdf (accessed 14.11.2024)

Таблица. Данные по климатическим вызовам и степеням продвижения к внедрению концепции ЭЗЦ в 10 странах АСЕАН
 Table. Data on climate challenges and the degree of progress towards the implementation of the CE concept in 10 ASEAN countries

Страна АСЕАН	Климатические и экологические вызовы страны	Экономический уровень страны	Продвижение страны к ЭЗЦ			Основные документы, разработанные странами для перехода к ЭЗЦ
			Приверженность концепции ЭЗЦ	Государственная поддержка целей ЭЗЦ	Фактический прогресс в реализации ЭЗЦ	
Бруней	Загрязнение окружающей среды, аномальная жара, пожары	Высокий	Низкая	Средняя	Низкий	Руководство министерства финансов и экономики «На пути к динамичной и устойчивой экономике» (2020)
Вьетнам	Загрязнение окружающей среды, утилизация твердых отходов	Ниже среднего	Высокая	Высокая	Высокий	Национальная стратегия социально-экономического развития на 2021–2030 гг. (2020)
Индонезия	Загрязнение окружающей среды, пожары, обезлесение, наводнения, циклоны, засуха	Ниже среднего	Средняя	Средняя	Средний	1. Национальный среднесрочный план развития ЭЗЦ на 2025–2029 гг. 2. Концепции развития ЭЗЦ до 2045 г. (2023)
Камбоджа	Загрязнение окружающей среды, обезлесение	Ниже среднего	Средняя	Низкая	Средний	Стратегия и План действий по переходу к ЭЗЦ до 2034 г. (2020)
Лаос	Обезлесение, пожары, засуха	Ниже среднего	Средняя	Низкая	Низкий	Стратегия экономики замкнутого цикла для Лаосской Народно-Демократической Республики (2017)
Малайзия	Загрязнение окружающей среды, пожары, обезлесение, наводнения, засухи, повышение уровня моря	Выше среднего	Средняя	Средняя	Средний	1. Дорожная карта Малайзии по устойчивому развитию производства пластмасс на 2021–2030 гг. (2021) 2. Генеральный план «зеленых» технологий на 2017–2030 гг. (2017)
Мьянма	Загрязнение окружающей среды, наводнения, штормы, засуха	Ниже среднего	Низкая	Средняя	Низкий	Национальная стратегия и генеральный план управления отходами для Мьянмы (2018–2030) (2018)
Сингапур	Загрязнение воздуха, нехватка воды, низкая степень утилизации отходов	Высокий	Высокая	Высокая	Высокий	1. План действий по борьбе с изменением климата 2. Сингапурский «зеленый план» до 2030 г. (2019)
Таиланд	Загрязнение воздуха и воды, обезлесение	Выше среднего	Средняя	Средняя	Средний	1. 20-летняя национальная стратегия (2017–2036 гг.) (2017) 2. Национальный план экономического и социального развития на 2023–2027 гг. (2023)
Филиппины	Загрязнение окружающей среды, экстремальная жара, засуха	Ниже среднего	Средняя	Средняя	Средний	1. Закон об экономике замкнутого цикла 2020 г. (2020) 2. Закон о «зеленой» занятости 2016 г. (2016)

Составлено по: ASEAN Policy Brief 2022...

Бруней и Сингапур являются двумя странами с наименее острыми экологическими проблемами, а высокий уровень их экономического развития создает довольно хороший базис для благополучия граждан. Правительство Брунея берет на себя обязательства по сокращению выбросов парниковых газов и старается их соблюдать. Что касается Сингапура, его продвижение к ЭЗЦ наиболее очевидно по сравнению с остальными странами АСЕАН, в основном благодаря внедрению концепции 10Rs.

Камбоджа разработала достаточно качественную Стратегию по переходу к ЭЗЦ на период с 2020 по 2034 г. с хорошей детализацией промежуточных действий для достижения существенного прогресса, включая механизмы мониторинга и контроля. Что касается других стран, то их успехи в переходе к ЭЗЦ можно оценить как низкие или средние. Большинство из них находятся в процессе проведения реформ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

АСЕАН обладает мощным потенциалом, чтобы выступать в качестве направляющей силы для установления принципов ЭЗЦ во всех странах организации. Главный вывод после анализа степеней продвижения стран АСЕАН к концепции ЭЗЦ заключается в том, что темпы перехода к ЭЗЦ для всего региона АСЕАН в целом являются медленными. Собственные экономические ресурсы, выделяемые правительствами стран АСЕАН на устойчивое развитие, часто недостаточны для реализации намеченных целей. Также важным препятствием для прогресса региона в области ЭЗЦ является недополучение средств от других заинтересованных сторон как для формулирования политики ЭЗЦ, так и для реального развертывания инвестиционных проектов. В этом смысле важно найти потенциальных инвесторов и доноров для региона. Примером успешной реализации такого подхода может служить Вьетнам.

Проведенные исследования показывают, что социально-экономический успех страны не всегда коррелирует с прогрессом по продвижению к целям ЭЗЦ. Вьетнам продемонстрировал большие способности в разработке стратегии ЭЗЦ, приложив значительные усилия по привлечению обширной сети национальных и международных заинтересованных сторон, чем, например, экономически более благополучный Бруней. Кроме того, как свидетельствует практика, помимо экономических факторов, значительное влияние на процесс перехода к модели экономики замкнутого цикла оказывают иные компоненты, в частности: наличие политической воли, уровень информированности общества, а также воздействие со стороны международных институтов и партнеров. Эти элементы способны играть ключевую роль в стимулировании государств к внедрению и активному развитию принципов ЭЗЦ.

Несмотря на то, что АСЕАН признает важность перехода к ЭЗЦ для решения существующих экологических/экономических проблем региона, на этом пути все еще имеются серьезные препятствия, которые необходимо устранить: бюджетные ограничения (отсутствие государственно-частных инвестиций), отсутствие устойчивых поведенческих установок, неконтролируемое накопление отходов, отсутствие трансфера современных технологий.

В странах АСЕАН, где наблюдается замедление внедрения экономики замкнутого цикла, ключевой задачей выступает преодоление политических барьеров. Важно осознание, что ЭЗЦ – не только инструмент охраны окружающей среды, но и средство достижения экономического роста, глобальной интеграции и устойчивого развития. Реализация этой концепции способствует созданию рабочих мест, повышению ресурсной эффективности и расширению сотрудничества с международными партнерами, обеспечивая долгосрочные выгоды и передачу знаний будущим поколениям.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Hicks R. 2021. Southeast Asia to bear the brunt of worsening global climate, IPCC warns. *World Economic Forum*, 17. <https://www.weforum.org/agenda/2021/08/southeast-asiweather-extremes-global-warming-2030-ipcc-report/>
2. Jabbar A.S., Qadar T., Ghafoor S. et al. 2022. Air Quality, Pollution and Sustainability Trends in South Asia: A Population-Based Study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(12), 7534. <https://doi.org/10.3390/ijerph19127534>
3. Сахвадзе Г.Г. Анализ климатических вызовов, существующих в странах АСЕАН, и их влияние на социально-экономическую стабильность региона. *Экономика, предпринимательство и право*. 2025; 15(3): 2189–2206. DOI: 10.18334/epp.15.3.122798

- Sakhvadze G.G. Analysis of climate challenges in ASEAN countries and their impact on the region's socio-economic stability. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2025; 15(3). Pp. 2189–2206. (In Russ.). DOI: 10.18334/epp.15.3.122798
4. Arifin E.N., Hoon C.Y., Slesman L. et al. 2022. Self-rated health and perceived environmental quality in Brunei Darussalam: a cross-sectional study. *BMJ Open*, 12 (8), e060799. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2022-060799>
 5. Herrador M., Dat T., Truong D. et al. 2023. The unique case study of circular economy in Vietnam remarking recycling craft villages. *SAGE Open*, 13 (3). <https://doi.org/10.1177/21582440231082551>
 6. Xin Y., Sun L., Hansen M. 2022. Oil palm reconciliation in Indonesia: Balancing rising demand and environmental conservation towards 2050. *Journal of Cleaner Production*. 380 (Part 2), 135087. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.135087>
 7. Sokharavuth P., Thiv S., Nara C. et al. 2023. Air pollution mitigation assessment to inform Cambodia's first clean air plan. *Environmental Research*. 220, 115230. <https://doi.org/10.1016/j.envres.2023.115230>
 8. Chen S., Olofsson P., Sapliangthong T. et al. 2023. Monitoring shifting cultivation in Laos with Landsat time series. *Remote Sensing of Environment*. 288, 113507. <https://doi.org/10.1016/j.rse.2023.113507>
 9. Abdul-Hamid A., Ah M., Osman L. et al. 2021. The drivers of industry 4.0 in a circular economy: The palm oil industry in Malaysia. *Journal of Cleaner Production*. 324, 129216. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.129216>
 10. Oh S., Kim S., Cho I. et al. 2023. Myanmar's decision-making structure for the introduction of renewable energy. *Journal of Cleaner Production*. 413, 137254. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.137254>
 11. Ho A., Zheng H., Cheong K. et al. 2020. The relationship between air pollution and all-cause mortality in Singapore. *Atmosphere*. 11 (1), 9. <https://doi.org/10.3390/atmos11010009>
 12. Lee K., Wong S. 2023. Comparative environmental and socioeconomic assessment on mixed plastic waste management: A Singapore case study. *Science of the Total Environment*. 393, 164384. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2023.164384>
 13. Marks D., Miller M.A., Vassanadumrongdee S. 2023. Closing the loop or widening the gap? The unequal politics of Thailand's circular economy in addressing marine plastic pollution. *Journal of Cleaner Production*. 391, 136213. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.136213>
 14. Henderson I., Gue R., Tan R. et al. 2022. Environmentally-extended input-output analysis of circular economy scenarios in the Philippines. *Journal of Cleaner Production*. 377, 134360. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.134360>
 15. Tantengco O., Guinto R. 2022. Tackling air pollution in the Philippines. *The Lancet Planetary Health*. 6(4), e300. [https://doi.org/10.1016/S2542-5196\(22\)00065-1](https://doi.org/10.1016/S2542-5196(22)00065-1)
 16. Рогожина Н.Г. Климатическая политика стран Юго-Восточной Азии. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 11. С. 58–65. DOI: 10.31857/S032150750022932-7
 - Rogozhina N.G. Climate policy of the countries of Southeast Asia. *Asia and Africa today*. 2022. № 11. Pp. 58–65. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750022932-7

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сахвадзе Георгий Геронтиевич, аспирант, младший научный сотрудник, Сектор новых вызовов в Южной и Юго-Восточной Азии, Центр Индоокеанского региона ИМЭМО РАН, Москва, Россия.

George G. Sakhvadze, Post-graduate student, Junior Researcher, Center of the Indian Ocean region, Sector of new challenges in South and Southeast Asia, IMEMO, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 08.12.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 23.04.2025

Принята к публикации
(Accepted) 20.05.2025

Перспективы сотрудничества России и ОАЭ в области обеспечения информационной безопасности

© Хайруллин Т.Р.^{a,b,c,f}, Шелковников А.И.^{d,g}, Симбирцев Е.Д.^{e,h}, 2025

^a Институт Африки РАН

^b Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

^c СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

^d НИУ ВШЭ, Москва, Россия

^e РУДН им. Патриса Лумумбы

^f ORCID: 0000-0001-5418-2792; jumglaw16@yandex.ru

^g ORCID: 0000-0002-1630-0310; andyshelk68@gmail.com

^h ORCID: 0009-0000-7548-794X; 1132221920@pfur.ru

Резюме. В статье рассматриваются перспективы сотрудничества России и Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) в области обеспечения информационной безопасности. Выяснено, что данное сотрудничество является частью более широкого взаимодействия, нашедшего правовое закрепление в Декларации о стратегическом сотрудничестве от 1 июня 2018 г.

Успех ОАЭ в области развития информационных технологий и обеспечения информационной безопасности связан с устойчивым экономическим ростом, обеспечившим необходимый приток технологий и высококвалифицированных специалистов. Однако, несмотря на то, что оба государства объявили о намерении сотрудничать, а также совместно противодействовать киберугрозам, на деле произошло заметное замедление реализации заявленных проектов. Отчасти это связано с наличием внешних и внутренних проблем в России и в ОАЭ. Так, развитие российского сегмента информационных технологий было замедлено масштабным санкционным давлением последних лет. В свою очередь, ОАЭ географически находятся в нестабильном регионе, где, наряду с угрозой религиозного терроризма и экстремизма, растет число хакерских атак. В этой связи сотрудничество России и ОАЭ является важным аспектом в рамках международной кооперации. В статье приводятся практические рекомендации по повышению уровня сотрудничества в области обеспечения информационной безопасности на фоне активного внедрения в жизнь искусственного интеллекта.

Ключевые слова: Россия, ОАЭ, кибербезопасность, информационная безопасность, искусственный интеллект, новые технологии

Благодарность. Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 116471555.

Для цитирования: Хайруллин Т.Р., Шелковников А.И., Симбирцев Е.Д. Перспективы сотрудничества России и ОАЭ в области обеспечения информационной безопасности. *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 7. С. 37–46. DOI: 10.31857/S0321507525070052

Prospects for Cooperation between Russia and the UAE in the Field of Information Security

© Timur R. Khayrullin^{a,b,c,f}, Andrey I. Shelkovnikov^{d,g}, Egor D. Simbirtsev^{e,h}, 2025

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b Financial University under the Government of the Russian Federation; Moscow, Russia

^c Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

^d HSE University, Moscow, Russia

^e Patrice Lumumba RUDN University, Moscow, Russia

^f ORCID: 0000-0001-5418-2792; jumglaw16@yandex.ru

^g ORCID: 0000-0002-1630-0310; andyshelk68@gmail.com

^h ORCID: 0009-0000-7548-794X; 1132221920@pfur.ru

Abstract. The article discusses the prospects of cooperation between Russia and the United Arab Emirates (UAE) in information security. This cooperation is part of broader interactions that were legally consolidated in the June 1, 2018

Declaration on Strategic Cooperation. The UAE's success in information technology and security is related to sustained economic growth, which has provided the necessary technology and highly qualified specialists. However, despite both states announcing their intention to cooperate and jointly counter cyber threats, there has been a noticeable slowdown in implementing the announced projects. This is partly due to external and internal issues in Russia and the UAE. For example, the development of Russia's information technology sector has slowed due to large-scale sanctions and the consequences of the financial and economic crisis in recent years. In turn, the UAE is located in an unstable region where religious terrorism and extremism pose a threat, and the number of hacker attacks is growing.

Keywords: Russia, UAE, cybersecurity, information security, artificial intelligence, new technologies

For citation: Khayrullin T.R., Shelkovnikov A.I., Simbirtsev E.D. Prospects for Cooperation between Russia and the UAE in the Field of Information Security. *Asia and Africa today*. 2025. № 7. Pp. 37–46. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525070052

ВВЕДЕНИЕ

Стремительная реконфигурация международных отношений на Ближнем Востоке, связанная в т.ч. с ростом влияния таких игроков, как Саудовская Аравия, Иран, Катар, ОАЭ, открывает перед Россией новые возможности в деле выстраивания конструктивного диалога с ключевыми государствами региона. И здесь российско-эмиратские отношения являются одними из самых динамично развивающихся. В их основе лежит сотрудничество в целом ряде ключевых отраслей, таких как инвестиции, торговля, энергетика, информационные и передовые технологии и т.д. Являясь крупными производителями и экспортерами нефти, Россия и ОАЭ понимают важность сохранения сбалансированности мирового энергетического рынка и стремятся развивать взаимовыгодное сотрудничество как в традиционной, так и в «зеленой» энергетике.

По мере развития инновационных и информационных технологий, необходимость в обеспечении безопасности от киберугроз стала приобретать особую актуальность. Поэтому важным направлением сотрудничества между Москвой и Абу-Даби стало совместное «содействие обеспечению безопасного и мирного киберпространства...», нашедшее правовое закрепление в Декларации от 1 июня 2018 г. о стратегическом сотрудничестве между Россией и ОАЭ¹. Кроме того, оба государства в рамках Декларации запланировали запустить совместные исследовательские проекты, направленные на защиту критической инфраструктуры от кибератак, что позволит укрепить устойчивость цифровых систем². В сегодняшних реалиях активного развития технологии искусственного интеллекта обеспечение информационной безопасности выходит на передний план как внутри отдельных государств, так и на межгосударственном уровне [1]. Важным этапом в деле укрепления российско-эмиратских отношений стало вхождение ОАЭ в БРИКС 1 января 2024 г. на фоне председательства Москвы в организации.

ОАЭ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПАРТНЕР В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

С учетом стратегического партнерства успехи ОАЭ в области передовых технологий и защиты данных могли бы иметь теоретический и практический интерес для России. Успехам Эмиратов способствуют отсутствие санкционного давления, наличие устойчивого экономического роста (за исключением кратковременного спада в период пандемии *COVID-19*) и, как следствие, благоприятный инвестиционный климат [4]. На государственном уровне поддерживается развитие цифровой экосистемы, что приводит к росту цифровой экономики и большей зависимости от данных. В итоге информационное пространство Эмиратов регулярно подвергается киберугрозам. Согласно отчетам *Kaspersky Lab* и *DarkMatter*, на долю ОАЭ в 2019 г. приходилось 5% всех глобальных кибератак [5]. Между тем с первой половины 2023 г. по первую половину 2024 г. в ОАЭ произошло резкое снижение числа *DoS*-атак (кибератак)³ – с 58 538 до 2301⁴. Во многом это связано с тем, что ОАЭ активно развивают систему противо-

¹ Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Объединенными Арабскими Эмиратами. 01.06.2018. <http://kremlin.ru/supplement/5309> (accessed 30.11.2024)

² Там же.

³ *DoS*-атака (от англ. *denial-of-service attack* – «отказ в обслуживании») – хакерская атака на вычислительную систему с целью довести ее до отказа, т.е. создание таких условий, при которых добросовестные пользователи системы не смогут получить доступ к предоставляемым системным ресурсам (серверам), либо этот доступ будет затруднен (*прим. авт.*).

действия киберугрозам и поддержки информационной безопасности, принимая комплексные законодательные и организационные меры для защиты цифрового пространства⁵.

Кроме того, ОАЭ сосредоточились на создании мощной технологической инфраструктуры в области кибербезопасности с помощью новых совместных и партнерских проектов. Немаловажным аспектом здесь является предоставление Эмиратами иностранным специалистам широких возможностей для раскрытия своего потенциала. Приток высококвалифицированных специалистов во многом обеспечил ОАЭ возможность осуществить технологический рывок.

Уже в 2017 г. в Дубае была принята первая стратегия кибербезопасности – *Dubai Cyber Security Strategy*. Она стала скорее результатом деятельности в том же году первого на Ближнем Востоке Министерства искусственного интеллекта [1]. Этот документ фактически повлиял на дальнейшее государственное планирование в области информационной безопасности. Приоритетными направлениями стратегии Дубая стали обеспечение комплексной защиты от угроз киберпространства, поддержка инноваций в киберпространстве, а также его экономическое процветание. Стратегия была направлена на реализацию 5 основных направлений: умная с точки зрения цифровых технологий нация, инновационность, кибербезопасность, киберустойчивость, а также национальное и международное сотрудничество. Отметим, что другим важным результатом деятельности Министерства искусственного интеллекта стало принятие в 2017–2018 гг. Национальной стратегии в области искусственного интеллекта (ИИ) до 2031 г., согласно которой ОАЭ должны стать к указанному году мировым лидером в области ИИ. Эта цель согласуется с более масштабной и амбициозной задачей страны – стать к 2071 г. лучшей страной в мире. Согласно данной стратегии ОАЭ стремятся повысить конкурентоспособность в приоритетных секторах за счет внедрения ИИ, создать благоприятную экосистему для ИИ, внедрить ИИ в сферу обслуживания, привлечь мировой опыт применения ИИ⁶. Однако вернемся к проблеме кибербезопасности.

Принятие первой стратегии кибербезопасности именно в эмирате Дубай неслучайно. Данный эмират в связке с эмиратом Абу-Даби является локомотивом развития ОАЭ. Традиционно Дубай славился своей торговой предприимчивостью и наличием купеческих кланов, превратившихся впоследствии в экономическую элиту государства [6]. В свою очередь, Абу-Даби отличался доминированием военно-административных элит и представлял собой политико-административный центр, центр консолидации силовых и управленческих кадров. Неслучайно правитель Абу-Даби – президент, в то время как правитель Дубая – вице-президент, а также премьер-министр. Более того, оказание эмиратами помощи друг другу в критических ситуациях обеспечило процветание и экономический рост федерации [4]. Поэтому неудивительно, что на региональном уровне вторым эмиратом, принявшим стратегию кибербезопасности, был Абу-Даби.

Подчеркнем, что важность информационной безопасности осознается в ОАЭ на самом высоком уровне. Так позицию Эмиратов по этому вопросу прояснил премьер-министр ОАЭ и эмир Дубая Мохаммед бин Рашид Аль Мактум: «Наши границы в киберпространстве – это политические границы, которые нам всегда нужно защищать и укреплять их оборону» [7]. Такое восприятие объясняет высокую приоритетность информационной безопасности в современной политике ОАЭ и эмирата Дубай в частности. Отметим, что в 2023 г. стратегия кибербезопасности Дубая была обновлена, а в ее основу легли 4 основных принципа: кибербезопасное общество (содействие доступности кибербезопасности и развитию кибернавыков), город-инкубатор инноваций (продвижение исследований в области информационной безопасности), устойчивый цифровой город (расширение цифровой экосистемы и управления цифровым пространством) и активное цифровое сотрудничество (сотрудничество на локальном и международном уровне по противодействию угрозам и развитию цифровой среды)⁷.

⁴ UAE Cyber Security Council, CPX unveil Cybersecurity Report 2025.

⁵ В преддверии перехода ОАЭ к «правительству ИИ» киберпандемия ускорила цифровую трансформацию: руководитель службы кибербезопасности. 27.09.2021. <https://wam.ae/ru/article/hszrd5e6-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B4%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B8-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%85%D0%BE%D0%B4%D0%B0-%D0%BE%D0%B0%D1%8D-...> (accessed 30.11.2024)

⁶ The UAE National Strategy for Artificial Intelligence 2031. 2018. <https://ai.gov.ae/wp-content/uploads/2021/07/UAE-National-Strategy-for-Artificial-Intelligence-2031.pdf> (accessed 07.06.2025)

⁷ Dubai Cyber Security Strategy – Updated. 07.11.2023. <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/government-services-and-digital-transformation/dubai-cyber-security-strategy> (accessed 21.02.2025)

Примечательно, что часть этих принципов сохранила свою редакцию из предыдущей версии 2017 г. Стратегию запустил наследный принц эмирата Дубай и председатель Исполнительного совета эмирата Хамдан бин Мохаммед Аль Мактум, который подчеркнул изменчивый характер угроз безопасности, на противодействие которым в том числе направлена стратегия: «Учитывая постоянно меняющиеся проблемы и риски, крайне важно продолжать уделять первостепенное внимание развитию кибербезопасности. Чтобы быть в курсе быстрых изменений и новых тенденций, требуются гибкость, инновации, активность и повышенная цифровая осведомленность»⁸.

В то же время стратегические документы в этой области стали принимать и на уровне других эмиратов. К примеру, в ноябре 2020 г. Исполнительный комитет Абу-Даби одобрил стратегию кибербезопасности для правительства эмирата, направленную на создание безопасной и защищенной киберсреды, соответствующей лучшим международным практикам⁹.

Стратегия кибербезопасности эмирата Дубай не только стала первым примером стратегического планирования в Эмиратах, но и подтолкнула к формированию стратегических документов на федеральном уровне. Уже в 2019 г. была принята первая редакция Национальной стратегии кибербезопасности с обязательством обновлять ее в последующие годы¹⁰. Основной целью национальной стратегии было заявлено формирование безопасной и устойчивой цифровой инфраструктуры в ОАЭ, которая позволила бы гражданам реализовать свои стремления и дала бы возможность бизнесу процветать. В рамках реализации стратегии планировалось мобилизовать всю экосистему для реализации более 60 инициатив по 5 основным направлениям: законы и регулирование цифровой безопасности; развитая экосистема цифровой безопасности; национальный план реагирования на цифровые инциденты; политика защиты критической информационной инфраструктуры; партнерство и сотрудничество. Важным направлением в осуществлении стратегии стали планы по подготовке компетентных кадров, готовых к эффективной работе в области информационной безопасности. В рамках стратегии планировалось обучить более 40 тыс. местных специалистов по цифровой и информационной безопасности.

Хотя первую национальную стратегию по обеспечению кибербезопасности разрабатывало и вводило Управление по регулированию телекоммуникаций, дальнейшая деятельность по обеспечению информационной и цифровой безопасности была поручена новому органу, которым стал Совет по кибербезопасности, созданный в ноябре 2020 г. Одной из главных задач Совета остается выработка политики и установление стандартов¹¹ для обеспечения защиты от кибератак, а также обеспечение готовности всех секторов к эффективному реагированию на чрезвычайные ситуации в области информационной безопасности [8].

Деятельностью Совета с 2020 г. руководит глава Службы кибербезопасности правительства Мохаммед Хамад Аль-Кувейти, имеющий мандат управляющего директора Национального центра данных при Верховном совете национальной безопасности, а также исполнительного директора Агентства радиотехнической разведки. Руководитель Совета по кибербезопасности – один из наиболее влиятельных людей в стране в области обеспечения информационной безопасности.

На базе Совета в 2023 г. был запущен и действует Национальный центр цифровой безопасности. Центр функционирует как центральный узел мониторинга и реагирования на киберугрозы. Он собирает данные из секторальных центров безопасности, обеспечивая обнаружение и управление инцидентами в режиме реального времени. Подобные инициативы особенно важны для оперативного реагирования на угрозы, снижения негативного влияния и последствий цифровых атак и демонстрируют высокий прикладной уровень развития направления в стране.

Последняя редакция национальной стратегии была разработана Советом по кибербезопасности ОАЭ и принята Кабинетом министров в начале февраля 2025 г.¹² Срок действия новой стратегии составит

⁸ Hamdan bin Mohammed launches second cycle of Dubai Cyber Security Strategy. 12.07.2023. <https://www.wam.ae/en/details/1395303176784> (accessed 21.02.2025)

⁹ Executive Committee approves a strategy for Abu Dhabi government cyber security. 05.11.2020. <https://www.wam.ae/en/details/1395302883894> (accessed 30.11.2024)

¹⁰ National Cybersecurity strategy 2019. 13.02.2024. <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/strategies-plans-and-visions-until-2021/national-cybersecurity-strategy-2019#:~:text=The%20UAE's%20National%20Cybersecurity%20strategy,and%20empowers%20businesses%20to%20thrive> (accessed 30.01.2025)

¹¹ Cyber Security Council. 01.03.2025. <https://csc.gov.ae/en/about> (accessed 30.11.2024)

¹² <https://uaecabinet.ae/en/news/uae-cabinet-approves-national-cybersecurity-strategy-api-first-policy> (accessed 21.02.2025)

5 лет. Новая стратегия основана на 5 центральных принципах, каждый из которых направлен на достижение нескольких национальных целей: управление, достижимое путем создания эффективной структуры администрирования цифровой безопасности; защита через обеспечение безопасной, устойчивой и надежной цифровой среды; инновации, направленные на быстрое и безопасное внедрение инновационных механизмов; усиление и развитие потенциала для расширения национальных возможностей в области цифровизации и кибербезопасности; партнерство и сотрудничество, направленное на укрепление партнерских отношений как на национальном, так и на международном уровне для достижения целей ОАЭ в области кибербезопасности¹³.

Деятельность ОАЭ по обеспечению информационной безопасности не ограничивается разработкой стратегических планов. ОАЭ активно принимают стандарты обеспечения цифровой безопасности для государственных учреждений и рассматривают цифровое страхование как способ смягчения и реагирования на цифровые риски. Руководство страны также проводит реформирование законодательства, осуществляет подготовку институтов и кадров. 2 января 2022 г. в ОАЭ вступил в силу Федеральный указ № 34 от 2021 г., который укрепил законодательные меры по защите от киберугроз и киберпреступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, сетей и платформ. Этот закон охватывает ключевые аспекты, такие как защита данных, противодействие кибератакам и распространению ложной информации, регулирует наказания за хакерские атаки на государственные и коммерческие системы (в частности, предусмотрены большие штрафы и тюремные сроки, особенно если атаки затрагивают критическую инфраструктуру). Также закон вводит жесткие наказания за нарушение конфиденциальности персональных данных и за взлом финансовых и коммерческих систем¹⁴.

В сентябре 2024 г. была запущена комплексная программа в рамках инициативы *Cyber Sniper*, направленная на повышение квалификации государственных служащих ОАЭ в области кибербезопасности¹⁵. Инициатива была организована Советом по кибербезопасности ОАЭ совместно с Федеральным управлением правительства по кадрам и реализуется ведущими международными партнерами по кибербезопасности (*SANS, EC-Council, Offsec* и *CyberGate Defense*). Руководитель Совета по кибербезопасности ОАЭ М.Х.Аль-Кувейти заявил, что в настоящее время Совет занимается разработкой новых стратегий для поддержки системы кибербезопасности страны. Эти стратегии направлены на укрепление позиций ОАЭ как глобального центра передовых технологий и искусственного интеллекта. Он отметил, что исполнительные положения для закона о шифровании, который устанавливает основные стандарты для обеспечения безопасности передачи данных с помощью квантовых систем, находятся на финальной стадии внедрения¹⁶.

В феврале 2025 г. Совет по кибербезопасности ОАЭ, Управление по закупкам в сфере обороны и безопасности ОАЭ (*Tawazun*) и американская военно-промышленная корпорация *Lockheed Martin* подписали письмо о намерениях с целью создания современного Центра передового опыта в области кибербезопасности¹⁷. Планируется, что Центр будет сосредоточен на проведении передовых исследований, специализированном обучении и отраслевом сотрудничестве. Центр нацелен на продвижение передачи знаний и инновационных решений для укрепления устойчивости кибербезопасности. Это очередной шаг в повышении эффективности местных специалистов, способных самостоятельно защищать жизненно важную инфраструктуру страны.

Согласно отчету Глобального индекса кибербезопасности (*Global Cybersecurity Index (GCI)*)¹⁸ за 2024 г., ОАЭ занимают лидирующие позиции¹⁹. Так, по всем 5 основным категориям оценивания

¹³ <https://csc.gov.ae/discover-csc> (accessed 21.02.2025)

¹⁴ الإلكترونية والجرانم الشانعات مكافحة بشأن بقانون مرسوم . 02.01.2022. <https://uaelegislation.gov.ae/ar/legislations/1526> (accessed 30.11.2024)

¹⁵ UAE's Cyber Sniper initiative continues developing government employees' knowledge, skills. 07.09.2024. <https://www.wam.ae/en/article/b52fjvs-uaes-cyber-sniper-initiative-continues-developing> (accessed 30.11.2024)

¹⁶ UAE to issue 3 new policies to boost cybersecurity by end of 2024: Cybersecurity Council Chairman. 27.07.2024. <https://www.wam.ae/en/article/141cc1n-uae-issue-new-policies-boost-cybersecurity-end> (accessed 30.11.2024)

¹⁷ IDEX 2025: UAE to establish Cybersecurity Centre of Excellence. 18.02.2025. <https://www.wam.ae/en/article/bi9jgsd-idx-2025-uae-establish-cybersecurity-centre> (accessed 30.01.2025)

¹⁸ Глобальный индекс кибербезопасности (*GCI*) измеряет приверженность стран кибербезопасности на глобальном уровне. Поскольку кибербезопасность имеет широкую сферу применения, охватывающую многие отрасли и различные секторы, уровень развития или вовлеченности каждой страны оценивается по 5 основным направлениям: (1) правовые меры,

(«правовое обеспечение», «организационные меры», «техническое обеспечение», «развитие потенциала», «международная кооперация») были достигнуты максимальные показатели – 20 баллов из 20. Кроме того, ОАЭ планируют сохранить за собой лидирующие позиции в данной сфере. Так, в 2025 г. Эмираты объявили о выделении более \$2 млрд на развитие кибербезопасности и цифровой экосистемы²⁰. При этом в ОАЭ уже разработана федеральная сеть с общей инфраструктурой, которая обеспечивает взаимосвязь и обмен данными между местным и национальным уровнями. Она опирается на многоуровневую среду безопасности, которая обеспечивает сохранность шифрования информации по нескольким протоколам, снижая угрозы от киберпреступлений за счет минимизации уязвимостей.

Отметим, что ОАЭ рассматривают информационную безопасность как одно из важнейших, стратегических направлений в современном все более цифровизированном мире, усилия по укреплению которой могут оказывать позитивное влияние не только на государственном, но и на индивидуальном и организационном уровнях отдельных предприятий, содействуя их экономическому процветанию. Для ОАЭ развитие сильного национального цифрового потенциала необходимо для укрепления суверенитета и реализации идей превращения в международный цифровой центр. Поощряя инициативы по подготовке новых специалистов, деятельность бизнес-структур в области информационной безопасности, Эмираты стремятся создать основу для обеспечения цифрового суверенитета.

Несмотря на серьезные успехи в области обеспечения информационной безопасности, Эмираты сталкиваются с рядом трудностей: в стране, особенно в Дубае, наблюдается дефицит ИТ-специалистов, что обусловлено быстрым ростом технологической индустрии. Особенно актуален дефицит в таких областях, как разработка программного обеспечения, кибербезопасность, аналитика данных и облачные технологии. Цифровое пространство в ОАЭ характеризуется строгими правилами и ограничениями, особенно касающимися услуг связи и доступа к информации.

Кроме того, в последние годы в стране наблюдалось определенное замедление темпов экономического роста, отчасти из-за сокращения добычи нефти в рамках соглашений ОПЕК, продолжающейся корпоративной реструктуризации, сокращения государственных инвестиций и снижения цен на недвижимость. Внешние факторы также включают замедление мировой экономики, геополитическую напряженность, снижение спроса на энергоносители и пандемию *COVID-19*. Тем не менее в 2022 г. страна вернулась к устойчивому росту, чему способствовал сильный подъем туризма, строительства и деятельности, связанной со Всемирной выставкой в Дубае, а также рост добычи нефти. Цены на нефть, поддерживаемые на достаточно высоком уровне благодаря действиям ОПЕК+, обеспечивают высокие профициты бюджетного и внешнего балансов [10].

ИНИЦИАТИВЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ОАЭ И РФ

На международном треке Россия с 1998 г. инициативно выступает за развитие сотрудничества в области обеспечения информационной безопасности как на региональном, так и на глобальном уровне, а также за адаптацию международного права к особенностям информационной сферы [2]. Еще в 2013 г. в документе «Основы государственной политики в области международной информационной безопасности на период до 2020 г.» Россия добавила к триаде угроз опасность вмешательства во внутренние дела суверенного государства посредством ИКТ²¹; нарушение общественной стабильности; разжигание межэтнической, межнациональной розни²². По сути, это стало реакцией России на события «арабской весны», когда социальные сети и блоги активно использовались для координации протестного движе-

(2) технические меры, (3) организационные меры, (4) развитие потенциала и (5) сотрудничество, а затем суммируется в общую оценку (прим. авт.).

¹⁹ Global Cybersecurity Index. 01.03.2025. <https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Pages/global-cybersecurity-index.aspx> (accessed 12.03.2025)

²⁰ UAE to launch National Cybersecurity Strategy. 11.02.2025. <https://www.wam.ae/en/article/bi5dfsr-uae-launch-national-cybersecurity-strategy> (accessed 30.01.2025)

²¹ ИКТ – информационно-коммуникационные технологии (прим. авт.).

²² Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года. 01.08.2013. <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/114.html> (accessed 30.11.2024)

ния [2]. С тех пор Россия активно работает над развитием ИТ-технологий и обеспечением информационной безопасности.

Согласно отчету Глобального индекса кибербезопасности (*Global Cybersecurity Index (GCI)*) за 2024 г., Россия занимает прочные позиции по всем 5 основным категориям оценивания²³. Так, в категориях «правовое обеспечение» и «организационные меры» достигнуты максимальные показатели – 20 баллов из 20, в то время как в остальных категориях еще необходимо расти: «техническое обеспечение» – 16,59; «развитие потенциала» – 18,77; «международная кооперация» – 16,77. Максимальные показатели по 3 критериям пока не достигнуты во многом из-за последствий продолжающегося финансово-экономического кризиса и крупномасштабной санкционной политики стран Запада в отношении России.

ОАЭ заинтересованы в активизации международного сотрудничества, понимая, что угрозы в информационной сфере эволюционируют гораздо быстрее, чем находятся решения по противодействию им. По словам главы Совета по кибербезопасности ОАЭ Мохаммеда Аль-Кувейти, Эмираты должны сохранять бдительность в области информационной безопасности, поддерживая высокий уровень взаимодействия и сотрудничества: «Поскольку мы стоим на пороге новой эры, основанной на новых технологиях, рост числа атак с использованием искусственного интеллекта и расширение кибервозможностей требуют большей бдительности для обеспечения безопасности будущего. Путь вперед требует международного сотрудничества, инноваций и приверженности. Вместе мы продолжим строить безопасные и процветающие цифровые ОАЭ, где процветают инновации, возможности, а наши системы остаются устойчивыми перед лицом любых вызовов»²⁴.

Одним из шагов на пути к реализации заключенных соглашений стал запуск в 2019 г. образовательной программы по защите критической информационной инфраструктуры и обучению этичному хакингу. Официальное представительство российской группы компаний *InfoWatch* на Ближнем Востоке (*InfoWatch Gulf*) занимается подготовкой специалистов из ОАЭ в области информационной безопасности. Проект включает обучающие программы, курсы и тренинги по информационной безопасности и предотвращению утечек данных, направленные на повышение цифровых компетенций специалистов и руководителей организаций ОАЭ, а также обучение школьников и студентов основам киберграмотности²⁵. Этот проект способствует не только приобретению полезных цифровых навыков в ОАЭ, но и укреплению партнерских связей между двумя странами в сфере цифровой безопасности благодаря участию российских экспертов, которые проводят обучение и разрабатывают учебные программы для подготовки специалистов в области информационной безопасности.

Еще одним значимым достижением в рамках сотрудничества стало открытие Российского центра цифровых инноваций и ИКТ (*Russian Centre of Digital Innovation & ICT*) в Дубае в 2019 г. при поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России. Центр, расположенный в *Dubai Internet City*, в Минкомсвязи называли «трамплином» для российских компаний, работающих в области информационной безопасности, искусственного интеллекта и облачных технологий²⁶. Однако, несмотря на высокие ожидания, произошло свертывание работы Центра из-за пандемии *COVID-19* и последующих геополитических изменений²⁷.

Важным событием стала первая международная онлайн-конференция «День технологий России и ОАЭ», организованная 23 июня 2020 г. при поддержке *Tech Global*²⁸, Министерства связи России и На-

²³ Global Cybersecurity Index. 01.03.2025...

²⁴ UAE Cyber Security Council, CPX unveil Cybersecurity Report 2025.

²⁵ Россияне обучат информационной безопасности жителей ОАЭ. 01.09.2019. <https://rg.ru/2019/01/09/rossiane-obuchat-informacionnoj-bezopasnosti-zhitelej-uae.html> (accessed 30.11.2024)

²⁶ Российский центр цифровых инноваций открылся в Дубае. 01.03.2025. <https://digital.gov.ru/ru/events/39146/#:~:text=%D0%94%D1%83%D0%B1%D0%B0%D0%B9%2C%2021%20%D0%B8%D1%8E%D0%BD%D1%8F%202019%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0,%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85%20%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B9%20%D0%B8%20%D0%98%D0%9A%D0%A2.> (accessed 30.11.2024)

²⁷ Running in parallel, the Russian startup ecosystem in Dubai. *Wamda*. <https://www.wamda.com/2023/05/running-parallel-russian-startup-ecosystem-dubai> (accessed 02.05.2025)

²⁸ *Tech Global* – международный бренд, под которым российский государственный инвестиционный фонд АО «Росинфокоминвест» реализует проекты за рубежом.

циональной компьютерной корпорации ОАЭ. Очевидным результатом совместных усилий стало соглашение о совместном предприятии²⁹, подписанное в июне 2023 г. компанией *Omega.Future*, отечественным разработчиком ИТ-решений для цифровой трансформации правительства и бизнеса, и *Sinaha*, крупнейшей на Ближнем Востоке платформой электронной коммерции и маркетинга. Соглашение предусматривает строительство завода в Абу-Даби по производству 3D-принтеров и образовательных роботов [3]. Однако официальных публикаций и анонсов о реализации соглашения в открытых источниках не встречается.

В 2020 г. Россия и ОАЭ разделили 5-е место в рейтинге кибербезопасности *Global Cybersecurity Index*³⁰. Кроме того, обе страны подчеркивают значимость обеспечения кибербезопасности и совершенствования правовых основ сотрудничества, что подтверждается активным участием обеих сторон в международных дискуссиях о нормах и стандартах в сфере информационной безопасности.

В последние несколько лет российские вузы (Казанский федеральный университет, Московский физико-технический институт) активно сотрудничают с ведущим эмиратским Университетом науки и технологий Халифы³¹. В январе 2024 г. на базе этого вуза при содействии Совета по кибербезопасности ОАЭ была открыта Академия кибербезопасности Университета Халифа, которая предлагает комплексные программы сертификации и обучения на английском и арабском языках, обучая и сертифицируя частных лиц, студентов, компании и организации по вопросам цифровой безопасности³². Кроме того, рабочие группы из России и ОАЭ регулярно участвуют в профильных международных форумах и конференциях, посвященных защите данных и киберугрозам³³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сотрудничество России и ОАЭ в области обеспечения информационной безопасности закреплено в Декларации от 1 июня 2018 г. о стратегическом сотрудничестве. Кроме того, оба государства осознают партнерский характер взаимодействия, основанного на понимании необходимости кооперации и обмена опытом в деле укрепления цифрового суверенитета. Однако в практической плоскости сотрудничество в данной области ограничено и требует пересмотра его методов и тактик. В частности, России и ОАЭ необходимо активнее развивать совместные инициативы, направленные на повышение цифровой безопасности, защиту критической инфраструктуры и подготовку квалифицированных специалистов. Сотрудничество в данном направлении становится все более актуальным из-за возрастающих угроз как для России, так и для ОАЭ.

В условиях развития передовых технологий перспективными направлениями более тесного сотрудничества могли бы стать совместное обучение ИТ-специалистов по программам двойных дипломов с последующей стажировкой, поддержка молодежных инициатив по разработке и продвижению инновационных технологий, выделение исследовательских грантов, поддержка стартапов, проведение регулярных конкурсов и соревнований в области кибербезопасности. Данные направления тесно связаны с успехами сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах. Вхождение ОАЭ в январе 2024 г. в БРИКС, где Россия играет ведущую роль, могло бы укрепить сотрудничество между государствами. Приток инвестиций БРИКС в экономику ОАЭ может привести к реализации совместных инфраструктурных проектов, в т.ч. с участием российских компаний.

Российский сегмент передовых технологий продолжает сталкиваться с санкционным давлением в рамках глобального противостояния с коллективным Западом, а также с последствиями финансово-эко-

²⁹ <https://spbit.ru/news/IT-kompaniya-Omega-Future-otkroyet-v-OAE-proizvodstvo-3D-printerov-i-robototekhniki-274175> (accessed 12.03.2025)

³⁰ Global Cybersecurity Index 2020. 01.01.2020. https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/str/D-STR-GCI.01-2021-PDF-E.pdf (accessed 30.11.2024)

³¹ <https://ku.ac.ae/ku-and-moscow-power-engineering-institute-sign-mou-on-research-partnership-and-long-term-collaboration>; <https://tradehouse-rus-uae.com/ru/a/pri-sodeystvii-delovoy-rossii-sostoyalos-podpisanie-soglasheniya-o-sotrudnichestve-mezhdu-mfti-universitetom-halifa-i-mkc-for-power-solutions>

³² <https://www.ku.ac.ae/khalifa-university-cybersecurity-academy-inaugurated> (accessed 21.02.2025)

³³ Глава *InfoWatch Gulf* приняла участие в Восьмом заседании Межправительственной Российско-Эмиратской комиссии по торговому, экономическому и научно-техническому сотрудничеству. 11.07.2018. <https://www.infowatch.ru/company/presscenter/news/20573> (accessed 30.11.2024)

номического кризиса. В свою очередь, ОАЭ географически находятся в нестабильном регионе, где, наряду с угрозой религиозного терроризма и экстремизма, растет число хакерских атак [9]. Это вынуждает ОАЭ использовать многосторонний подход для обеспечения информационной безопасности, обеспечивая защиту критической информационной инфраструктуры, разрабатывая и внедряя новые элементы законодательства, содействуя инвестициям в повышение квалификации местных кадров в области кибербезопасности.

Позиции ОАЭ как одного из мировых лидеров в обеспечении информационной безопасности отражают долгосрочные цели и текущую политику государства. Вместе с тем изучение опыта Эмиратов в данном направлении становится необходимым и привлекательным.

На фоне роста кибератак, связанных в том числе с высоким уровнем геополитической напряженности и соперничества между глобальным и региональными игроками, партнерство между Россией и ОАЭ в области обеспечения информационной безопасности имеет большой потенциал для дальнейшего развития.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Пашенцев Е.Н., Чебыкина В.А. Злонамеренное использование искусственного интеллекта и угрозы информационно-психологической безопасности в Объединенных Арабских Эмиратах. *Восток (Oriens)*. 2024. № 6. С. 107–117. DOI: 10.31696/S086919080032578-2
Pashentsev E.N., Chebykina V.A. 2024. Malicious Use of Artificial Intelligence and Threats to Information and Psychological Security in the United Arab Emirates. *Vostok (Oriens)*. № 6. Pp. 107–117. DOI: 10.31696/S086919080032578-2
2. Зиновьева Е.С. Международное сотрудничество по обеспечению информационной безопасности. *Право и управление. XXI век*. 2014. № 4 (33), с. 44–52.
Zinovieva E.S. 2014. International cooperation for information security. *Journal of Law and Administration*. № 4 (33). Pp. 44–52.
3. Matveev I. Russia and the UAE: An Outlook for Cooperation in High Technologies. 18.01.2024. <https://russian-council.ru/en/analytics-and-comments/analytics/russia-and-the-uae-an-outlook-for-cooperation-in-high-technologies/> (accessed 21.02.2025)
4. Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. ОАЭ в борьбе за региональное лидерство. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 9. С. 27–35. DOI: 10.31857/S032150750027592-3
Khayrullin T.R., Korotayev A.V. 2023. UAE in the Struggle for Regional Leadership. *Asia and Africa today*. № 9. Pp. 27–35. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750027592-3
5. Chandra G.R., Sharma B.K., Liaqat I.A. 2019. UAE's Strategy Towards Most Cyber Resilient Nation. *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*. Vol. 8. № 12. Pp. 2803–2809. DOI: 10.35940/ijitee.L3022.1081219
6. Efthymiopoulos M.P. 2016. Cyber-security in smart cities: the case of Dubai. *Journal of Innovation and Entrepreneurship*. Vol. 5. Pp. 1–16. DOI: 10.1186/s13731-016-0036-x
7. Forster S. Sheikh Mohammed bin Rashid announces five-year budget for UAE. 12.10.2021. <https://thenationalnews.com/uae/government/2021/10/12/sheikh-mohammed-bin-rashid-announces-five-year-budget-for-uae/> (accessed 21.02.2025)
8. Хома В.С. Основные направления цифровизации экономики в ОАЭ. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2023. № 7. С. 115–126.
Khoma V.S. 2023. The Main Areas of Digitalization of the UAE's Economy. *Russian Foreign Economic Journal*. № 7. Pp. 115–126.
9. Валиахметова Г.Н., Цуканов Л.В. Цифровой вызов для арабского мира: фактор интеграции или дифференциации? *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2022. № 2. С. 303–319. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-303-319
Valiakhmetova G.N., Tsukanov L.V. 2022. Digital Challenge for the Arab World: Integration or Differentiation Factor? *Vestnik RUDN. International Relations*. № 2. Pp. 03–319. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-303-319
10. Развитие объединения БРИКС в контексте мировой динамики: задачи и перспективы. Под ред. В.А.Садовниченко. М.: Изд-во Московского ун-та, 2024. 464 с. ISBN 978-5-19-012139-1
2024. Development of the BRICS association in the context of global dynamics: challenges and prospects. Ed. V.A.Sadovnichiy. Moscow. 464 p. ISBN 978-5-19-012139-1

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Хайруллин Тимур Радикович кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Центр цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН; старший преподаватель кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия; старший научный сотрудник СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия.

Timur R. Khayrullin, PhD (Political Science), Senior Researcher, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Senior Lecturer, Department of Political Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; Senior Researcher, Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

Шелковников Андрей Игоревич, выпускник аспирантуры Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; эксперт, Центр изучения Африки НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Andrey I. Shelkovnikov, Postgraduate of the Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University; Expert, Center for African Studies, HSE University, Moscow, Russia.

Симбирцев Егор Дмитриевич, студент, РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия.

Egor D. Simbirtsev, student, RUDN University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 27.03.2025

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.05.2025

Принята к публикации
(Accepted) 10.06.2025

DOI: 10.31857/S0321507525070067

Парагвай: последний южноамериканский союзник Тайваня?

© Ломова А.А.^а, 2025

^а ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID: 0009-0004-3178-7480; lomova.dip@list.ru

Резюме. В статье рассматриваются особенности развития отношений Парагвая и Тайваня.

Подчеркивается, что в настоящее время политические элиты Республики Парагвай находятся в ситуации переосмысления тайваньского вектора политики страны, видя в союзе с Китайской Народной Республикой множество возможностей для развития собственной экономики.

Уделено внимание фактору США и их политики поддержки союзников Тайваня, которая оказывает влияние на взаимодействие по линии Тайбэй – Асунсьон. На основе анализа ряда американских документов автор рассматривает практические инструменты реализации такой политики. В статье прослеживается последовательный рост интереса Парагвая к налаживанию торгово-экономических связей и поиску новых возможностей в отношениях со странами Азии (прежде всего Юго-Восточной).

Автор исследует перспективы развития отношений Парагвая с Тайванем и КНР, а также влияние на них политики США и экономических инициатив заинтересованных азиатских стран.

Ключевые слова: Тайвань, Китай, Парагвай, политика «одного Китая»

Для цитирования: Ломова А.А. Парагвай: последний южноамериканский союзник Тайваня? *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 7. С. 47–54. DOI: 10.31857/S0321507525070067

Paraguay: The Last South American Ally of Taiwan?

© Anastasia A. Lomova^а, 2025

^а IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0004-3178-7480; lomova.dip@list.ru

Abstract. The article examines the specifics of the development of Paraguay-Taiwan relations.

The concept of ideological unity, which was the historical basis for Taiwan-Paraguay cooperation, is being replaced by a fundamentally different system of interaction between the two. A new system is built by both partners on the idea of obtaining political and economic benefits. The political elites of Paraguay are currently rethinking country's policy, seeing opportunities for developing economy in an alliance with the People's Republic of China instead of Taiwan. Based on the analysis of a number of US documents, attention is paid to the US factor and its policy of supporting Taiwan's allies.

The article traces the consistent growth of Paraguay's interest in establishing trade and economic ties and searching for new opportunities within Asian countries (primarily Southeast nations). The author analyzes the prospects for the development of Paraguay-China relations, and the influence of US policy and economic activities of Asian nations on it.

Continuing the policy of support for Taiwan could lead to greater diversification of Paraguay's trade and economic alliances. Otherwise, China may become Paraguay's main trade partner in case of the establishment of diplomatic relations between them.

Keywords: Taiwan, China, Paraguay, One China Policy

For citation: Lomova A.A. Paraguay: The Last South American Ally of Taiwan? *Asia and Africa today*. № 7. 2025. Pp. 47–54. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525070067

ВВЕДЕНИЕ

5 декабря 2024 г. Министерство иностранных дел Республики Парагвай, используя уничижительную для китайской дипломатии формулировку о «вмешательстве во внутренние дела», сообщило об аннулировании визы представителя Китайской Народной Республики Сюй Вэя, находившегося в Асун-

сьоне на ежегодной встрече ЮНЕСКО. Причиной дипломатического скандала стало якобы заявление Сюй Вэя о том, что руководству Парагвая необходимо «как можно скорее принять правильное решение»¹ и поддерживать официальные отношения с КНР, а не с Тайванем. Представителю Китая дали 24 часа, чтобы покинуть страну².

Нарратив «одного Китая» долгие годы является основополагающим во внешней политике КНР. В начале 2000-х гг. он пришелся весьма по духу странам Азии, Африки и Латинской Америки. Тогда Китай, который, в отличие от США и стран Западной Европы, не предъявлял никаких требований к выбору пути развития и политическому строю развивающихся государств, выглядел весьма выигрышно и, казалось, был готов к сотрудничеству с любыми правительствами и режимами на равноправной основе. Единственным требованием со стороны Пекина была поддержка политики «одного Китая», т.е. установление официальных отношений только с КНР, а не с т.н. «Китайской Республикой» – Тайванем.

За последние 20 лет число сторонников Тайваня заметно уменьшилось: в настоящее время у него лишь 12 «дипломатических союзников»³. В 2024 г. в политических кругах Тайбэя возникла обеспокоенность по поводу долговечности дипломатических отношений острова с Парагваем – единственной страной в Южной Америке, признающей Тайвань как независимое государство [1, с. 71].

Каждая страна, поддерживающая официальные отношения с Тайванем, представляет бесспорную ценность для последнего. В чем же заключается важность Тайбэя и изменит ли Парагвай свой стратегический курс?

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ ТАЙВАНЯ И ПАРАГВАЯ

Первой особенностью отношений Тайваня и Парагвая является их схожий исторический опыт. Оба они были колонизированы (Тайвань находился под управлением Японии с 1895 по 1945 г., а Парагвай – Испании с 1537 по 1811 г.) и пострадали от гражданских войн после окончания Второй мировой войны. Когда в 1957 г. между ними были установлены официальные отношения, и в Тайване, и в Парагвае у власти находились авторитарные лидеры, возглавлявшие правые партии (в Парагвае это партия Колорадо, а в Тайване – Гоминьдан).

Как отмечает российский исследователь Н.Ю.Кудеярова: «Правящая партия, относящаяся к право-консервативному полюсу, является наследницей режима Альфредо Стресснера (1954–1989), режима, в котором “правая повестка” означала антикоммунизм и доступ к собственности через близость к диктатору и поддержку госаппарата» [2, с. 25]. Схожая ситуация была и в Тайване, находившемся в условиях «мощного идеологического упора Гоминьдана на антикоммунизм и национальное единство» [3, с. 131].

В настоящее время партия Колорадо занимает доминирующее положение в Парагвае. Гоминьдан же уступил лидерство Демократической прогрессивной партии (ДПП) Тайваня (даже несмотря на потерю ДПП большей части мест в тайваньском парламенте на выборах 2024 г.). ДПП выступает за независимость острова, тогда как Гоминьдан более лояльно принимает идею воссоединения с материком.

Отношения между Парагваем и Тайванем, по утверждению представителей двух сторон, «прочны и надежны, построены на общих демократических ценностях, сотрудничестве и дружбе»⁴. Дипломатический скандал, разразившийся в декабре 2024 г., пока подтвердил тренд на сохранение взаимодействия по линии Асунсьон – Тайбэй и при новых лидерах: в мае 2024 г. руководителем тайваньской администрации стал Лай Циндэ, а на президентских выборах в Парагвае в 2023 г. победил глава партии Колорадо Сантьяго Пенья. Однако «несмотря на то, что консервативная линия сохранения отношений с Тайванем была подтверждена С.Пеньей, перед ним стоит задача оживить экономику Парагвая» [2, с. 34], чему весьма могло бы способствовать налаживание отношений с КНР.

Вторая особенность одновременно представляет собой и основной вызов отношениям сторон – экономические выгоды от взаимодействия с Тайванем намного ниже, чем потенциально могли бы быть от

¹ Paraguay kicks out Chinese envoy after he urges country to cut ties with Taiwan. *The Guardian*. 19 November, 2024. <https://www.theguardian.com/world/2024/dec/05/paraguay-chinese-envoy-taiwan> (accessed 21.12.2024)

² Ibidem.

³ 邦交國中華民國外交部. (Ministry of Foreign Affairs, Republic of China, Taiwan). (In Chin.). <https://www.mofa.gov.tw/AlliesIndex.aspx?n=167&sms=33> (accessed 20.12.2024)

⁴ Taiwan-Paraguay relations remain rock-solid: Paraguayan ambassador. *Radio Taiwan International*. 19 September, 2024. <https://en.ti.org.tw/news/view/id/2011745> (accessed 22.12.2024)

сотрудничества Парагвая с КНР. ВВП южноамериканского государства составляет \$42 млрд (2023). Основной экспорт парагвайской продукции приходится на Бразилию (36%), далее – Аргентина (19%), Чили (11%), Россия (3,5%), США (2,5%); импорт – на Китай (29%) и Бразилию (23%), далее – США (9%), Аргентина (8%), Сингапур – (2%)⁵.

Объем торговли Парагвая и Тайваня при этом составляет чуть более \$250 млн⁶. Даже с учетом стремительного роста двустороннего товарооборота на 250% с момента запуска Соглашения о свободной торговле 2018 г. (с \$75 млн в 2017 г.), очевидно, что Тайвань в долгосрочной перспективе не обгонит КНР, объем торговли которой с Парагваем составляет более \$4 млрд⁷.

Главное таможенное управление КНР (ГТУ КНР) приводит иные данные (что связано с нежеланием подкреплять идею возможности активного экономического взаимодействия с государством, не придерживающимся политики «одного Китая», и особенностями методики подсчета) – двусторонний товарооборот \$2,26 млрд (экспорт – \$2,209 млрд, импорт – \$51 млн). При этом рост, только по официальным сведениям ГТУ КНР, составил 15%, 17,5% и 40% соответственно, что свидетельствует о значительном его потенциале, особенно для экспорта парагвайской продукции.

По данным администрации Тайваня за 2021 г., остров проинвестировал 15 проектов на общую сумму \$39,67 млн, в то время как совокупный объем инвестиций тайваньцев-хуацяо⁸ к этому времени составил \$157,05 млн (37 проектов)⁹. В 2019 г. лидеры Парагвая и Тайваня подписали меморандум о предоставлении последним \$150 млн на целевые проекты в таких областях, как здравоохранение, социальная помощь, образование и строительство инфраструктуры¹⁰. Однако, по сравнению с потребностями экономики Парагвая, это финансирование невелико, что принимает во внимание и руководство страны.

ПАРАГВАЙ – КНР: МАЯТНИК КАЧАЕТСЯ

Недовольство отношениями Парагвая с Тайванем со стороны ряда парагвайских политических групп становится особенно заметным в период проведения избирательных кампаний. Главная оппозиционная партия Парагвая – Подлинная радикальная либеральная партия (ПЛРА, *Partido Liberal Radical Auténtico – PLRA*) – наиболее критично относится к отношениям с Тайбэем, и члены этой партии открыто выражают свое несогласие с текущим курсом. Кроме того, сама администрация Тайваня прилагает значительные усилия для развития отношений с парагвайской партией Колорадо на уровне ее лидера и главы государства.

За день до окончания полномочий глава администрации Тайваня Цай Инвэнь провела встречу с президентом Парагвая С.Пеньей, во время которой стороны обозначили преемственность отношений двух стран в будущем¹¹. За годы взаимодействия Тайвань, развивая отношения только с теми, кто представляет политически доминирующую партию и связан с ней, игнорировал развитие связей с ПЛРА, которая в настоящее время акцентирует пропекинский вектор. Так, некоторые представители оппозиции являются членами Парагвайской ассоциации друзей Китайской Народной Республики [5, р. 17]. Результатом усиления позиций КНР можно также назвать внесение в Парагвайский конгресс в 2020 г. законопроекта о переоценке отношений Парагвая с Тайванем (впоследствии он не был поддержан и принят) [2, с. 34].

⁵ The World Integrated Trade Solution. *WITS, The World Bank*. <https://wits.worldbank.org/CountrySnapshot/en/PRY> (accessed 19.11.2024)

⁶ 中国同巴拉圭的关系. (Relations between Republic of China, Taiwan and Paraguay). (In Chin.). https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/nmz_680924/1206_680950/sbgx_680954/ (accessed 21.12.2024)

⁷ China-Paraguay Trade. *The Observatory of Economic Complexity (OEC)*. <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/chn/partner/pry> (accessed 25.12.2024)

⁸ Хуацяо (традиционное написание 華僑, упрощенное 华侨 huaqiao) – проживающие за пределами Родины китайцы, китайские эмигранты (*прим. авт.*)

⁹ 巴拉圭臺商投資環境報告. (Report on Taiwanese Investment Environment in Paraguay). (In Chin.). https://www.ocac.gov.tw/OCAC/File/Attach/33989999/File_265679.pdf (accessed 27.12.2024)

¹⁰ 台巴簽署1.5億美元合作備忘錄 助巴拉圭發展. (Taiwan and Paraguay sign \$150 million memorandum of cooperation to help Paraguay's development). (In Chin.). <https://www.cna.com.tw/news/aip/201901190036.aspx> (accessed 21.12.2024)

¹¹ President Tsai meets President Santiago Peña Palacios of the Republic of Paraguay, 19 May, 2024. <https://english.president.gov.tw/News/6728> (accessed 28.12.2024)

Несмотря на то, что в настоящее время партия Колорадо остается у власти, успешно преодолевая периоды нестабильности и колебаний предпочтений избирателей, существует риск того, что ситуация может измениться в пользу представителей оппозиции.

Кроме того, вызов курсу на поддержание отношений с Тайванем кроется в развитии сельскохозяйственного сектора Парагвая, в котором доминирует производство сои и говядины. Фермеры Парагвая, деятельность которых вносит значительный вклад в ВВП страны (11%, по данным за 2023 г.¹²), давно заявляют о необходимости интенсификации торговли с Китаем по примеру соседних с Парагваем стран – Аргентины и Бразилии. Доля Тайваня в парагвайском экспорте составляет всего 2,2%¹³, а КНР может стать крупнейшим экспортным рынком Парагвая.

В настоящее время экспорт сельскохозяйственной продукции Парагвая в Китай осуществляется по сложным торговым маршрутам, проходящим через страны, у которых установлены официальные дипломатические отношения с КНР. В результате посредники в конечном итоге получают большую часть прибыли от торговли. Важно отметить, что из-за этих «обходных» торговых маршрутов официальные лица Китая утверждают, что страна не импортирует соевые бобы и ряд других позиций парагвайской продукции¹⁴.

Столкнувшись с давлением со стороны сельскохозяйственного лобби, президент С.Пенья в июле 2023 г. заявил, что он хотел бы увеличить объем торговли страны с КНР, сохраняя при этом официальные отношения с Тайванем. Однако такой подход не устроит Пекин.

Поскольку сельскохозяйственное лобби в Парагвае тесно связано с партией Колорадо, партия уже сталкивается с большим давлением представителей этого сектора, желающих получить выгоду от входа на китайский рынок. В перспективе правящая партия может оказаться в затруднительном положении, если ей придется выбирать между уступками требованиям сельскохозяйственного сектора и сохранением отношений с Тайванем. Хотя связи, которые Тайвань поддерживает с Парагваем в различных областях – от образования до здравоохранения – крепки, объективные законы экономики могут сработать против Тайбэя.

Об этом свидетельствуют и появляющиеся время от времени разногласия между Тайванем и Парагваем на уровне высшего руководства, особенно в преддверии электоральных мероприятий. В сентябре 2022 г., когда бывший президент Парагвая Марио Абдо Бенитес (2018–2023) попросил Тайвань об инвестициях в размере \$1 млрд, чтобы парагвайцы смогли ощутить «реальные преимущества стратегического альянса»¹⁵, тайваньские представители отказали в удовлетворении этой просьбы, заверив, что Тайбэй продолжит свою инвестиционную политику.

Кроме того, важной сферой, нуждающейся в развитии, является цифровизация, что неоднократно подчеркивал президент С.Пенья. Долгосрочные совместные соглашения о сотрудничестве в таких слабо развитых секторах Парагвая, как цифровая экономика, могли бы укрепить экономическую ценность отношений Парагвая с Тайванем. Учитывая текущий уровень цифровизации КНР, сотрудничество с ней может представляться не менее выигрышным и привлекательным.

И хотя в публичном дискурсе отношения Тайваня и Парагвая развиваются в рамках существующего трека, у американских исследователей возникли опасения по поводу возможного отказа парагвайской правящей элиты от текущего курса¹⁶.

ФАКТОР США

Несмотря на устойчивые экономические связи Парагвая с США, которых называют то «дальними союзниками» [5], то «давними надежными партнерами»¹⁷, представляется, что экономика в этом случае

¹² Share of value added by the agricultural sector to the gross domestic product (GDP) in Paraguay from 2013 to 2023. *Statista*. <https://www.statista.com/statistics/1078930/paraguay-agriculture-share-gdp/> (accessed 29.12.2024)

¹³ 巴拉圭臺商投資環境報告. (Report on Taiwanese Investment Environment in Paraguay). (In Chin.). https://www.ocac.gov.tw/OCAC/File/Attach/33989999/File_265679.pdf (accessed 27.12.2024)

¹⁴ Chinese FM says China imports zero soybeans from Paraguay; urges S.American nation to stand on right side of history. *Global Times*. 25 March, 2024. <https://www.globaltimes.cn/page/202403/1309459.shtml> (accessed 21.12.2024)

¹⁵ Paraguay asks Taiwan to invest \$1bn to remain allies. *The Guardian*. 29 September, 2022. <https://theguardian.com/world/2022/sep/29/paraguay-asks-taiwan-to-invest-1bn-to-remain-allies-china> (accessed 30.12.2024)

¹⁶ Taiwan's Struggle to Retain Diplomatic Allies. *The Diplomat*. 09 November, 2024. <https://thediplomat.com/2024/11/taiwans-struggle-to-retain-diplomatic-allies/> (accessed 18.12.2024)

идет в фарватере политики, а не наоборот. Объем товарооборота двух стран составляет лишь \$2,8 млрд (2023)¹⁸. При этом госдепартамент США придает важное значение Парагваю как «союзнику в поддержке значимого участия Тайваня в международном сообществе»¹⁹.

В феврале 2024 г. американский сенатор Марко Рубио совершил официальный визит в Парагвай и встретился с бывшим президентом Марио Бенитесом (2018–2023) и представителем Тайваня в этой стране²⁰. В ходе встречи он похвалил приверженность Парагвая сохранению отношений с Тайванем, выразив намерение еще больше укреплять поддержку со стороны Соединенных Штатов. М.Рубио в настоящее время занимает должность госсекретаря США, а идея содействия союзникам Тайваня находит свое продолжение в политике администрации Д.Трампа²¹.

США стратегически подходят к сотрудничеству с Тайванем в Латинской Америке. Понимая, что остров не может быть более экономически привлекателен, чем КНР, Вашингтон поддерживает его участие в собственных экономических инициативах. Например, в 2020 г. администрацией президента США Д.Трампа был принят акт *TAIPEI (The Taiwan Allies International Protection and Enhancement Initiative Act; Инициатива по международной защите и укреплению союзников Тайваня)*. В разделе 5 акта указываются основные цели Соединенных Штатов в деле «поддержки дипломатических союзов Тайваня по всему миру».

Как следует из текста документа, Вашингтон намерен, во-первых, поддерживать Тайвань в укреплении его «официальных дипломатических отношений и других партнерских отношений»; во-вторых, поддерживать расширение экономического, военного и дипломатического взаимодействия США со странами, которые укрепляют отношения с Тайванем; в-третьих, менять уровень экономического, военного и дипломатического взаимодействия со странами, которые «предпринимают существенные действия, чтобы подорвать безопасность или процветание Тайваня»²².

Соответственно, политика США строится на практике «кнути и пряника» – введении ограничительных и поощрительных мер, однако, вопрос об их эффективности остается открытым.

10 декабря 2024 г. вступило в силу первое соглашение²³ в рамках Инициативы США и Тайваня по торговле в XXI веке²⁴, основной идеей которого является усиление торгово-экономического взаимодействия сторон в широком перечне областей. Уже сейчас можно выделить его существенные ограничения: первое – соглашение двустороннее (Парагвай не может получить какие-либо преференции в рамках этих договоренностей), второе – усиление тайваньско-американского торгового взаимодействия само по себе не повлияет на экономические отношения США и КНР. (В этой связи хотелось бы обратить внимание на рост товарооборота между США и Мексикой – 17% только за 2022 г.²⁵ Как утверждают экономисты, вызвано это не только реальным увеличением экономического взаимодействия сторон, но и переносом Китаем в эту страну производственных мощностей и выстраиванием новых цепочек поставок после начала в 2018 г. торговой войны между США и КНР²⁶.)

У Вашингтона есть возможности подстегнуть взаимодействие с Тайбэем в таких интересующих Асунсьон областях, как чипы, полупроводники, создание центров обработки данных и развитие цифровой инфраструктуры, за счет трансфера технологий. Однако в вопросах поддержки Тайваня Парагвай

¹⁷ Paraguay is Ready for U.S. Investment. *Global Americans*. 23 August, 2024. <https://globalamericans.org/paraguay-is-ready-for-u-s-investment/> (accessed 21.12.2024)

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Rubio Meets with Taiwanese Ambassador to Paraguay. <https://rubio.senate.gov/photos-rubio-meets-with-taiwanese-ambassador-to-paraguay-jose-han/> (accessed 29.02.2024)

²¹ In Trump Era, Taiwan Defense Chief Says U.S. Still Is a Check on China. *The New York Times*. 22 May, 2025. <https://nytimes.com/2025/05/22/world/asia/trump-china-taiwan-security.html> (accessed 26.05.2025)

²² См.: *The Taiwan Allies International Protection and Enhancement Initiative Act. 2020.*

²³ USTR Announces Entry into Force of First Agreement under U.S.–Taiwan Initiative on 21st century Trade. *The Office of the United States Trade Representative*. 9 December, 2024. <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2024/december/ustr-announces-entry-force-first-agreement-under-us-taiwan-initiative-21st-century-trade> (accessed 10.12.2024)

²⁴ Agreement between the American Institute in Taiwan and the Taipei Economic and Cultural Representative Office in the United States regarding trade between the United States and Taiwan. 2023.

²⁵ Mexico Trade & Investment Summary. *The Office of the United States Trade Representative*. <https://ustr.gov/countries-regions/americas/mexico> (accessed 30.12.2024)

²⁶ Is the US-China trade war driving manufacturers to Mexico? *Global Trade Review*. 21 October, 2024. <https://gtreview.com/magazine/the-supply-chain-issue-2024/is-the-us-china-trade-war-driving-manufacturers-to-mexico/> (accessed 10.11.2024)

уже можно назвать «*swing state*» – колеблющимся государством на манер понятия «колеблющийся штат», использующегося в избирательной кампании США.

Занимательным фактом является то, что президент С.Пенья, который получил образование (окончил Колумбийский университет) и долгое время работал в Соединенных Штатах, с 17 лет принадлежал к ПЛРА и лишь в 2017 г. изменил партийную принадлежность. Несмотря на то, что С.Пенья, занимавший тогда пост министра финансов, сообщил о «личном выборе» в пользу партии Колорадо, предшествовало этому событию заявление президента О.Картеса о намерении уволить всех министров, не принадлежащих к доминирующей партии²⁷. Не исключено, что нынешний президент Парагвая воспринял некоторые идеи ПЛРА в части отношений с Китаем и будет им следовать, даже несмотря на давление со стороны США.

РЕАКЦИЯ КНР НА ОТНОШЕНИЯ ПАРАГВАЯ И ТАЙВАНЯ

С одной стороны, тайваньские исследователи указывают на недостаточность изученности и понимания ситуации в Латинской Америке, сравнивая себя с материком не в свою пользу [6, р. 2]. В КНР действительно растет интерес и развивается сильная академическая школа по латиноамериканскому направлению, хотя изучение китайскими учеными Парагвая не так активно ввиду протайваньского курса последнего.

С другой стороны, Тайбэй обеспокоен явным стремлением Асунсьона к налаживанию экономического сотрудничества с Пекином: министр промышленности и торговли Парагвая заявил о желании руководства страны присоединиться к соглашению о свободной торговле Китай – МЕРКОСУР и при этом сохранить отношения с Тайванем, «которые очень важны»²⁸. Однако такая политика абсолютно неприемлема для Пекина.

Политика «одного Китая» как базовый внешнеполитический императив КНР имеет важное, в т.ч. атрибутивное значение. В то же время действия Парагвая как независимого государства, осознающего свою ценность как для Тайбэя, так и для Пекина, вряд ли вызывают непонимание в политических кругах по обе стороны пролива. Кроме того, похоже, что в последние годы Китай перестал усиливать давление на сторонников Тайбэя (как, например, и в отношении Эсватини – последнего африканского союзника Тайваня).

Представляется, что КНР занимает выжидательную позицию, опираясь на силу притяжения своей экономической мощи. Западные политологи часто обвиняют Китай в т.н. «долларовой дипломатии»²⁹, считая, что за счет инвестиций он «покупает» лояльность политических элит тех или иных государств. Появляются упреки в использовании такого инструмента и в отношении Парагвая³⁰ (следует отметить существование подобных обвинений и в адрес Тайбэя [7]). В этой связи, конечно, было бы логичным называть такую политику дипломатией не доллара, а юаня. Долларовой же дипломатией было бы справедливо назвать также дипломатию США, которые в своих официальных документах вводят принцип «поощрения», в т.ч. финансового, готовых к сотрудничеству с Тайванем стран³¹.

Одновременно с отмеченным ранее, ставка на экономику обнажает тот факт, что самые значительные риски для продвижения Пекином собственных интересов находятся именно в этой сфере и могут быть связаны с замедлением роста китайской экономики и существенным усилением китайско-американского противостояния.

В ПОИСКАХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ: ВЗГЛЯД ПАРАГВАЯ НА ДРУГИХ ПАРТНЕРОВ В АЗИИ

Стоит отметить возросший интерес Парагвая к интенсификации отношений и с другими азиатскими партнерами, особенно в сфере торговли и экономики. Республика ищет возможности расширения эко-

²⁷ Peña se afilia al Partido Colorado y anuncian cambio de De Vargas. *La Nación*. 29 Octubre, 2016. <https://lanacion.com.py/2016/10/30/pena-se-afilia-al-partido-colorado-anuncian-cambio-vargas/> (accessed 22.12.2024)

²⁸ Ibidem.

²⁹ Paraguay's presidential election is a referendum on China's dollar diplomacy in Latin America. April 27, 2023. <https://yahoo.com/tech/paraguays-presidential-election-referendum-chinas-201500513.html> (accessed 22.12.2024)

³⁰ Ibidem.

³¹ The Taiwan Allies International Protection and Enhancement Initiative (TAIPEI) Act. 2020.

номического взаимодействия со странами Азии, пытаясь выйти на новые перспективные рынки сбыта своей продукции, прежде всего сельскохозяйственной. Особенно насыщенным в этом отношении оказался 2024 г.

В мае 2024 г. состоялся визит в Асунсьон премьер-министра Японии Ф.Кисиды³², во время которого лидеры стран подтвердили приверженность развитию двустороннего и многостороннего экономического сотрудничества. В августе 2024 г. между Парагваем и Республикой Корея было подписано Соглашение о содействии торговле и инвестициям³³, что должно придать дополнительные стимулы двусторонней торговле, особенно в части снижения тарифов.

Парагвай демонстрирует заинтересованность в развитии отношений и со странами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В ноябре 2024 г. Министерство промышленности и торговли Парагвая обнародовало информацию о серии визитов своих представителей в страны АСЕАН³⁴. Значительный прогресс наблюдается в отношениях республики с Вьетнамом, объем торговли с которым достиг \$240 млн в 2023 г. и продолжает увеличиваться³⁵. Все это в ближайшей перспективе может принести вполне реальные результаты, связанные с привлечением инвестиций более широкого круга азиатских стран и развитием собственной парагвайской экономики, нуждающейся в притоке иностранного капитала.

Кроме того, как отмечают ученые Китайской академии современных международных отношений, АСЕАН представляет собой пример успешного опыта регионализации, поэтому двустороннее сотрудничество между Латинской Америкой и странами Ассоциации потенциально успешно может проявиться в различных областях [8].

Что касается Парагвая, то при сохранении текущего курса на поддержание отношений с Тайванем весьма вероятно, что он будет и дальше искать возможности сотрудничества с азиатскими странами, а при установлении отношений с КНР более вероятен сценарий переориентации на китайский рынок и снижения уровня диверсификации среди стран-потребителей парагвайской продукции. В вопросах импорта прогнозируется такой же сценарий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С каждым годом Тайвань теряет официальных дипломатических союзников, которые отдают предпочтение КНР, прежде всего по экономическим мотивам. Независимость Тайваня в настоящее время признают 6 стран Центральной Америки и Карибского бассейна (Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Люсия, Сент-Китс и Невис, Гаити, Гватемала и Белиз), 3 государства Океании (Тувалу, Палау и Маршалловы острова), Парагвай, Эсватини и Ватикан.

При этом Парагвай является единственным «государством – дипломатическим союзником» Тайваня в Южной Америке, потеря которого грозит последнему серьезными репутационными издержками. Можно назвать следующие особенности их двустороннего взаимодействия: во-первых, некий схожий исторический опыт; во-вторых, снижение экономической привлекательности Тайваня на фоне получения потенциальных выгод от развития связей с КНР. В результате последнего фактора исследователи наблюдают колебания решимости правящей элиты Парагвая в вопросе поддержания отношений с Тайванем. Отмечая это желание усидеть на двух стульях – развивать экономические связи с КНР, но не поддерживать политику «одного Китая», заинтересованные стороны – Китай, США, Тайвань – используют разные инструменты для реализации своих интересов. Пекин использует экономические стимулы, Вашингтон – политику «кнута и пряника», Тайбэй продвигает идею взаимодействия на основе общих демократических ценностей в сочетании с привлечением инвестиций в значимые для экономики Парагвая отрасли.

³² Japan-Paraguay Summit Meeting (Summary) May 3, 2024. https://japan.kantei.go.jp/101_kishida/diplomatic/202405/03paraguaysummit.html (accessed 23.12.2024)

³³ Paraguay seeks more Korean investments via TIPF: Paraguayan trade minister. *The Korea Times*. 25 August, 2024. https://koreatimes.co.kr/www/nation/2024/12/113_381175.html (accessed 27.12.2024)

³⁴ Soja y derivados, carne bovina y energías renovables entre los rubros de mayor interés por los países de la Asean. MIC Ministerio de Industria y Comercio. 28 November, 2024. <https://www.mic.gov.py/soja-y-derivados-carne-bovina-y-energias-renovables-entre-los-rubros-de-mayor-interes-por-los-paises-de-la-asean/> (accessed 21.12.2024)

³⁵ Paraguay wants to expand economic cooperation with Vietnam. 15 April, 2024. <https://vir.com.vn/paraguay-wants-to-expand-economic-cooperation-with-vietnam-110410.html> (accessed 10.12.2024)

Безусловно, выбор остается за самим Парагваем и его правящей элитой, тем не менее стремление страны развивать экономику за счет расширения своего присутствия на азиатских рынках, включая использование существующих механизмов торгово-экономического взаимодействия (таких как Китай – МЕРКОСУР), может свидетельствовать о перспективах установления дипломатических отношений с КНР. С другой стороны, санкционное давление США, геополитические риски вкупе с устоявшимися связями с тайваньской администрацией могут еще какое-то время препятствовать этому процессу.

Продолжение политики поддержки Тайваня может привести к большей диверсификации торгово-экономических союзов Парагвая, поскольку при установлении дипломатических отношений с КНР есть большая вероятность ее становления в качестве основного парагвайского партнера-монополиста.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Михеев В., Луконин С. «Китайские горки» – 2: на рубеже 2023–2024 гг. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68, № 7. С. 68–78. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-7-68-78> EDN: PPEPYM
Mikheev V., Lukonin S. 2024. “Chinese Coaster” – 2: at the Turn of 2023–2024. *World Economy and International Relations*. Vol. 68, № 7. Pp. 68–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-7-68-78> EDN: PPEPYM
2. Кудеярова Н.Ю. Парагвай: «картизм» как вызов устойчивости политической системы. *Латинская Америка*. 2023. № 11. С. 23–37. DOI: 10.31857/S0044748X0028266-1
Kudeyarova N. 2023. Paraguay: the “cartismo” as a challenge to the political system stability. *Latinskaia Amerika*. Vol. 11. Pp.23–37. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0044748X0028266-1
3. Головачев В.Ц. Этнополитическая история Тайваня в мировой историографии (XVII–XXI вв.). В.Ц.Головачёв; отв. ред. А.Д.Дикарёв. М.: МАКС Пресс, 2018. 320 с.
Golovachev V.Ts. 2018. Ethno-Political History of Taiwan in the World Historiography (XVII–XXI centuries). Moscow. 320 p. (In Russ.)
4. Long T., Urdinez F. 2021. Status at the Margins: Why Paraguay Recognizes Taiwan and Shuns China. *Foreign Policy Analysis*. Vol. 17. Pp. 1–35. DOI: 10.1093/fpa/oraa002
5. Mora F.O., Cooney, J.W. 2007. Paraguay and the United States: Distant Allies. *University of Georgia Press*. 333 p.
6. 張光球, 21 世紀初中共對拉丁美洲的外交, 展望與探索, 第 3 卷 第 2 期, 17–35 頁, 2005年02月。
(Chang Kuang-Chiu. 2005. Chinese Policy Toward Latin America—The Down of the 21st Century. *Prospect & exploration*. Vol. 3. Iss. 2. Pp. 17–35) (In Chin.)
7. Reyes J. 2024. Tiger in a Cat’s Body: Taiwan’s Strategies for Diplomatic Recognition. University of Nottingham and belonging to The Taiwan Research Hub, 14 August 2024. <https://taiwaninsight.org/2024/08/14/tiger-in-a-cats-body-taiwans-strategies-for-diplomatic-recognition/> (accessed 23.12.2024)
8. Luo Yongkun, Cao Ting. 2023. Can ASEAN-Centered Regionalism Promote Sustainable Development Cooperation? *Revista Brasileira de Política Internacional*. July 20, 2023. <http://www.cicir.ac.cn/NEW/en-us/opinion.html?id=01b346a9-1713-41bd-b028-70c3f10a9b68> (accessed 23.12.2024)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ломова Анастасия Александровна, кандидат политических наук, научный сотрудник Лаборатории «Сектор новых вызовов в Южной и Юго-Восточной Азии» Центра Индоокеанского региона ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия.

Anastasia A. Lomova, PhD (Political Science), Researcher, Section for New Challenges in South and Southeast Asia, Center of the Indo-Pacific Region, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 10.01.2025

Доработана после рецензирования
(Revised) 14.04.2025

Принята к публикации
(Accepted) 24.05.2025

DOI: 10.31857/S0321507525070077

США в Непале: реальная помощь или геополитическая ловушка?

© Новинский Э.Э.^а, 2025

^а МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5740-7854; e.e.novinskij@my.mgimo.ru

Резюме. Непал является одним из наименее развитых государств, не имеющих выхода к морю, и его развитие всегда зависело от международной помощи, а одним из основных доноров горной страны выступали США. С середины 2010-х гг. «флагманским» проектом двустороннего сотрудничества стал грант корпорации «Вызовы тысячелетия» в \$500 млн, крупнейший в истории Непала.

Заключенное с корпорацией в 2017 г. соглашение вызвало неоднозначную реакцию среди непальского общества и элиты, считавших, что ряд его положений нарушают национальный суверенитет и заставляют горное государство действовать в рамках Индо-Тихоокеанской стратегии Вашингтона. Несмотря на заверения американских функционеров в обратном, ратификация соглашения растянулась почти на 5 лет и была достигнута только благодаря давлению США. На первом этапе его реализации оценить последствия принятия американской помощи сложно, но с уверенностью можно сказать, что в наибольшем выигрыше оказывается южный сосед Непала – Индия.

Ключевые слова: Непал, США, помощь, Индо-Тихоокеанская стратегия США, корпорация «Вызовы тысячелетия», Индия, балансирование

Для цитирования: Новинский Э.Э. США в Непале: реальная помощь или геополитическая ловушка? *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 7. С. 55–62. DOI: 10.31857/S0321507525070077

US in Nepal: Real Aid or a Geopolitical Trap?

© Ernest E. Novinskii^а, 2025

^а MGIMO University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-5740-7854; e.e.novinskij@my.mgimo.ru

Abstract. Nepal is one of the least developed landlocked states, which has always depended on international aid, with the US being one of its main donors. Since the mid-2010s, a \$500 million grant from the Millennium Challenge Corporation, the largest in Nepal's history, has become the “flagship” project of bilateral cooperation.

The 2017 agreement provoked mixed reactions among Nepali society and elites, who believed that several of its provisions violated national sovereignty and forced the state to act in accordance with the US Indo-Pacific Strategy. Despite assurances from Washington, ratification of the agreement took nearly 5 years and was achieved only due to US pressure. For now, it is difficult to assess the consequences of accepting American aid for Nepal, but it is safe to say that its southern neighbour India is the biggest beneficiary.

Keywords: Nepal, USA, foreign aid, US Indo-Pacific Strategy, Millennium Challenge Corporation, India, balancing

For citation: Novinskii E.E. US in Nepal: Real Aid or a Geopolitical Trap? *Asia and Africa today*. 2025. № 7. Pp. 55–62. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525070077

ВВЕДЕНИЕ

28 февраля 2022 г. стало для Непала днем во многом знаковым – после 10 лет переговоров и 5 лет политических дискуссий федеральный парламент страны одобрил соглашение с американской корпорацией «Вызовы тысячелетия» (КВТ – *Millennium Challenge Corporation*) о выделении крупнейшего в истории страны пакета экономической помощи в размере \$500 млн. Эти деньги, к которым правительство Непала обязалось добавить еще \$130 млн из государственного бюджета, должны были быть направлены на ускорение процессов развития и модернизацию инфраструктуры Непала, в первую очередь сетей электропередачи и стратегически важных дорог.

Но, казалось бы, столь необходимый одной из беднейших стран Азии проект внутри Непала столкнулся с волной непонимания и даже протеста как среди простого населения, так и среди представителей политической элиты – они сочли американские деньги опасными для независимости и суверенитета страны, высказывали сомнения относительно причин, побудивших Вашингтон к укреплению связей с Катманду, и подозревали, что за фасадом «помощи развитию» скрывается попытка США закрепиться в пригималайском регионе и вовлечь Непал в свои стратегические планы.

В связи с этим в статье поднимается вопрос: что же в действительности представляет полумиллиардный грант США для Непала? Насколько этот прецедент уникален для двусторонних отношений и в целом для деятельности корпорации «Вызовы тысячелетия»? Какие последствия принятие этой помощи может иметь для Непала и его традиционной политики балансирования?

АМЕРИКАНСКАЯ ПОМОЩЬ НЕПАЛУ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Экономические связи между США и Непалом начали развиваться после открытия в 1952 г. в Катманду Оперативной миссии технического сотрудничества. Первоначально Вашингтон предоставлял экономическую и гуманитарную помощь в рамках программы поддержки слаборазвитых стран «Пункт-4». В 1961 г. американская миссия была передана под контроль Агентства международного развития (USAID) [1, с. 239].

До 1965 г. США являлись крупнейшим донором Непала [1, с. 245]. Если советская помощь использовалась в основном для создания промышленного комплекса, то американская направлялась на развитие образования, здравоохранения, сельского хозяйства. До 30% помощи уходило на создание и модернизацию инфраструктуры [2, с. 129; 3, р. 79]. Оказывалась Непалу и небольшая военная помощь, с середины 1960-х гг. составлявшая около \$1,8 млн [4, р. 283]. При этом американское содействие привело только к укреплению феодальных порядков и распространению их на новые территории [5, с. 290].

В период холодной войны интерес США в Непале заключался в сдерживании Китайской Народной Республики и борьбе с коммунистической идеологией [6, р. 80], а потому, с одной стороны, предоставлением помощи двусторонние отношения во многом и ограничивались, а с другой – Вашингтон был готов работать с любой властью в Катманду, и вопросы «демократичности» режима не оказывали решающего влияния на двусторонние отношения, особенно после индийско-китайской войны 1962 г.¹

Тем не менее в долгосрочной перспективе США не стремились соперничать с региональным гегемоном – Индией. Усиливавшаяся южноазиатская республика стала основным экономическим партнером и донором Непала, а на фоне потепления отношений США и КНР пригималайский регион превратился для Вашингтона в один из наименее значимых; предназначавшиеся для него ресурсы были перенаправлены другим реципиентам, в частности во Вьетнам и Юго-Восточную Азию. С 1980-х до начала 2000-х гг. объем двусторонней помощи закрепился на уровне \$18 млн в год [6, р. 93]. В этот период американские чиновники характеризовали двусторонние отношения как «чрезвычайно дружественные» и «превосходные» [7, с. 232].

В целом непальские исследователи отмечают в предоставлении США помощи Непалу определенную закономерность – с усилением маоистского движения увеличились и ее объемы, а после терактов 11 сентября 2001 г. Вашингтон назначил в Непал военного атташе [4, р. 283]. На фоне успеха народного движения против попытки последнего короля Гьянендры (2001–2008) установить единоличное правление интерес США к Непалу усилился и вышел за рамки антитеррористического сотрудничества. Так, Центр Картера активно следил за процессами постконфликтного урегулирования в стране, в т.ч. за проведением выборов в Конституционную ассамблею в 2008 г. и подготовкой нового Основного закона [8, р. 118].

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КВТ

О создании фонда и корпорации «Вызовы тысячелетия» президент Джордж Буш-младший объявил в 2002 г. на Международной конференции по финансированию развития в Монтеррее. Как следует из на-

¹ America, Nepal and the Royal Coup. *Nepali Times*. 12.12.2020. <https://nepalitimes.com/here-now/america-nepal-and-the-royal-coup> (accessed 24.10.2024)

звания, их возникновение увязывалось с оказанием помощи наименее развитым странам мира в достижении поставленных ООН Целей развития тысячелетия.

Официально фонд «Вызовы тысячелетия» и обслуживающая его одноименная корпорация были учреждены актом Конгресса США от 6 марта 2003 г. Его генеральный директор назначается президентом, в совет директоров входят государственный секретарь, министр финансов, администратор *USAID*, торговый представитель, а также представитель частного сектора [9, с. 100]. За 20 лет работы корпорация вложила около \$17 млрд в проекты в 47 странах; ее деятельность затронула почти 400 млн человек².

Процедура выбора стран для получения помощи от КВТ напрямую увязывается с уровнем дохода на душу населения, который страна не должна превышать, и соответствием политической и экономической системы кандидата 20 критериям (ранее 16), разделенным на 3 блока: «справедливое государственное управление», «поддержка экономической свободы», «инвестиции в человеческий капитал»³.

Для успешного прохождения «экзамена на демократию» страна должна соответствовать как минимум:

1) одному из двух показателей «демократичности» (политические права или гражданские свободы) в соответствии с исследованием *Freedom House*;

2) показателю «контроль над коррупцией», рассчитанному Всемирным банком или Брукингским институтом;

3) 10 из 20 критериев, причем в каждом блоке необходимо соответствовать как минимум одному из показателей.

Если по результатам ежегодной проверки государство перестает отвечать требованиям, реализация программы помощи приостанавливается или прекращается, как произошло после военных переворотов в Буркина-Фасо и Нигере. С другой стороны, помощь не раз получали стратегические союзники Вашингтона, критериям не удовлетворявшие. Например, в 2004 г. в число первых получателей помощи от КВТ вошла недавно пережившая «революцию роз» Грузия, при том что страна не соответствовала большей части критериев, в т.ч. в борьбе с коррупцией [10, с. 128]. В 2018 г., несмотря на неудовлетворительные показатели по 11 из 20 критериев, помощь смогли получить Соломоновы острова как «представляющие все больший интерес в Индо-Тихоокеанском регионе»⁴.

СОГЛАШЕНИЕ НЕПАЛА И КВТ: ТРУДНОСТИ РАТИФИКАЦИИ

В 2010 г. Непал впервые стал удовлетворять требованиям корпорации «Вызовы тысячелетия», и уже в конце следующего, 2011 г., руководство корпорации одобрило реализацию в гималайской стране «пороговой программы» (для подготовки «многообещающих кандидатов» к заключению полноценного соглашения). В конце 2014 г. страна получила возможность претендовать на полноценный пакет помощи, поскольку это позволило бы «значительно... снизить бедность в критически важном регионе»⁵. Соглашение между Катманду и КВТ было подписано 14 сентября 2017 г. во время визита министра финансов Непала в Вашингтон⁶. Выделенная сумма, \$500 млн, стала крупнейшей в истории двустороннего сотрудничества страны [4, р. 285]; она составляет до трети всей получаемой государством ежегодно иностранной помощи.

Со своей стороны, сотрудники КВТ характеризуют соглашение с Непалом как «одно из самых крупных и наиболее сложных»⁷. Средства аналогичного порядка в разное время получали Мозамбик, Сенегал, Кот-д'Ивуар. Крупнейший пакет помощи – \$650 млн – был выделен Индонезии в 2023 г.⁸

² Celebrating 20 Years of Poverty-Reducing Growth. <https://www.mcc.gov/about/priority/20th-anniversary/> (accessed 24.10.2024)

³ Более подробно про критерии см. <https://www.mcc.gov/who-we-select/indicators/> (accessed 13.12.2024)

⁴ Report on the Selection of Eligible Countries for Fiscal Year 2019. <https://www.mcc.gov/resources/doc/report-fy2019-eligible-country/> (accessed 24.10.2024)

⁵ Report on the Selection of Eligible Countries for Fiscal Year 2015. <https://www.mcc.gov/resources/doc/report-fy2015-eligible-country/> (accessed 24.10.2024)

⁶ U.S. and Nepal Sign \$500 Million Compact. <https://www.mcc.gov/news-and-events/release/release-091417-nepal-signing-event/> (accessed 24.10.2024)

⁷ Nepal's MCC Agreement With the US Officially Begins. *The Diplomat*. 08.09.2023. <https://thediplomat.com/2023/09/nepals-mcc-agreement-with-the-us-officially-begins/> (accessed 24.10.2024)

⁸ Where we work. <https://www.mcc.gov/where-we-work/> (accessed 24.10.2024)

Большая часть средств – 400 млн – направлена на проект модернизации сетей передачи электроэнергии, который включает строительство около 300 км высоковольтных ЛЭП, в т.ч. до границы с Индией; сооружение 3 трансформаторных подстанций; техническую помощь для Комиссии по регулированию электроэнергетики; работу с муниципалитетами. \$50 млн будет направлено на ремонт и обслуживание дорожной сети. Планируется регулярно поддерживать 90 км «стратегически важных дорожных участков» (по факту – небольшого отрезка шоссе Восток – Запад в провинции Лумбини), предоставлять техническую и административную помощь, а также внедрить в пилотном варианте на одном из обслуживаемых участков новую систему переработки отслужившего покрытия. Оставшиеся \$50 млн будут истрачены на административные расходы⁹.

При этом заметны хронологические совпадения, связанные с деятельностью КВТ в Непале: в 2014 г., когда страна была «повышена» до полноценного контракта, впервые в истории объемы китайских инвестиций в Непал превысили индийские, а Пекин объявил о реализации целого спектра проектов на территории южного соседа, в первую очередь в приграничных с Тибетом районах [11]. В мае 2017 г., за несколько месяцев до подписания соглашения с КВТ, Непал официально присоединился к инициативе «Пояс и путь». Непальское отделение корпорации совпадения отрицает¹⁰.

Изначально процесс реализации соглашения проходил без значительных проблем – против него не выступала ни одна из политических сил страны. В 2018 г. было создано подразделение фонда в Непале, затем заключено более подробное соглашение об имплементации программы¹¹. Однако в мае 2019 г. заместитель помощника госсекретаря по Южной Азии Дэвид Джей Рэнц в ходе визита в Непал назвал соглашение «одной из самых важных инициатив, реализуемых в рамках Индо-Тихоокеанской стратегии [США]»¹², и вопрос деятельности КВТ в гималайской стране начал рассматриваться через призму геополитики и влияния на политику неприсоединения Непала [12, р. 44]. Против его ратификации начали выступать находившиеся в тот момент у власти коммунисты [13, р. 9]. Обычно соглашения вступали в действие через два-три года, и только у Непала этот процесс занял 6 лет (больше, чем длительность самого контракта).

Непальское подразделение корпорации «Вызовы тысячелетия» такую связь отрицает, но слова своего подчиненного в дальнейшем подтверждала и помощник госсекретаря Элис Уэллс¹³.

Наиболее противоречивой стала ст. 7, согласно которой «...соглашение будет превалировать над национальными законами Непала»¹⁴. Оппоненты КВТ понимали под ними все нормативно-правовые акты, в т.ч. Конституцию, а потому объявили условия помощи потенциальной угрозой суверенитету государства¹⁵. Также аудит деятельности КВТ в Непале должен проводиться американскими компаниями по американским законам, а выделение средств может быть немедленно прекращено, если деятельность правительства Непала будет противоречить «интересам национальной безопасности США»¹⁶.

Одним из пунктов соглашения правительство также предоставило КВТ бессрочное и неотзывное право на распространение информации и интеллектуальной собственности в любом виде и для любых целей. Непальскую общественность беспокоит вопрос о соблюдении прав Непала на эту интеллектуальную собственность. Есть и более серьезная проблема: не является ли это разрешением правительства на распространение американской пропаганды под видом информации о реализуемых проектах.

Противники КВТ выдвигают и тот тезис, что американская помощь лишь сильнее привяжет Непал к Индии. По их мнению, основная цель проекта – поставить энергетику Непала на службу интересов Нью-Дели, и вместо снабжения жителей страны новые ЛЭП будут использоваться для экспортных по-

⁹ Nepal Compact. <https://www.mcc.gov/where-we-work/program/nepal-compact/> (accessed 24.10.2024)

¹⁰ FAQs. <https://mcanp.org/en/faqs/> (accessed 24.10.2024)

¹¹ Program Implementation Agreement. <https://mcanp.org/wp-content/uploads/2019/11/Signed-PIA-29.09.2019.pdf> (accessed 24.10.2024)

¹² MCC important initiative under Indo-Pacific Strategy. *The Himalayan Times*. 15.05.2019. <https://thehimalayantimes.com/nepal/millennium-challenge-corporation-compact-programme-important-initiative-under-indo-pacific-strategy> (accessed 24.10.2024)

¹³ The \$500 million US grant to Nepal under the Millennium Challenge Corporation is part of the Indo-Pacific Strategy. *The Annapurna Express*. 10.02.2019. <https://theannapurnaexpress.com/news/the-500-million-us-grant-to-nepal-under-the-millennium-challenge-corporation-is-part-of-the-indo-pacific-strategy-1201/> (accessed 24.10.2024)

¹⁴ Millennium Challenge Compact. P. 13.

¹⁵ Nepal's Fierce MCC Debate. *The Diplomat*. 08.02.2022. <https://thediplomat.com/2022/02/nepals-fierce-mcc-debate/> (accessed 24.10.2024)

¹⁶ Ibid. P. 10.

ставок [14, р. 51]. Для вступления контракта в силу было необходимо согласие Нью-Дели с предлагаемым проектом¹⁷, и американская деятельность в Непале для южноазиатского гегемона остается явно более предпочтительной, нежели китайская. Новая ЛЭП, конечно, поспособствует внешней торговле Непала, но не будет преувеличением полагать, что удастся и несколько стабилизировать страдающую от перегрузок и веерных отключений электросеть в долине Катманду.

Столкнувшись с трудностями, премьер-министр Кхадга Прасад Шарма Оли, лидер Коммунистической партии Непала (объединенной марксистско-ленинской), не мог (или не хотел) заручиться поддержкой однопартийцев и прочих политических сил для ратификации соглашения, а затем она стала невозможной из-за более глобальных кризисных явлений: пандемии *COVID-19* и парламентского кризиса, длившегося всю первую половину 2021 г.

В итоге после отстранения К.П.Ш.Оли и передачи власти партии Непальский конгресс во главе с Шером Бахадуром Деубой, при котором в 2017 г. соглашение и было подписано, процесс ратификации активизировался. 3 сентября 2021 г. на фоне протестов против КВТ министр финансов Джанардан Шарма направил руководству корпорации запрос о разъяснении ряда положений соглашения. Очевидно, ответом, что «конституция Непала превалирует над соглашением»¹⁸, руководство Непала было удовлетворено, и в письме от 29 сентября Ш.Б.Деуба и глава маоистов Пушпа Камал Дахал запросили у Вашингтона «4-5 месяцев для ратификации соглашения»¹⁹.

США восприняли предложенный непальской стороной срок как окончательный, что подкрепили усилением прямого политического давления. В ходе визита в Катманду в сентябре 2021 г. вице-президент КВТ Фатема З. Сумар призвала непальское руководство как можно скорее «решить, принять помощь или нет»²⁰. К февралю 2022 г. давление со стороны Вашингтона достигло пика – в телефонных разговорах с премьер-министром Непала Ш.Б.Деубой, его соратником по правящей коалиции П.К.Дахалом и К.П.Ш.Оли помощник госсекретаря по Южной и Центральной Азии Дональд Лу заявил уже прямо: если до конца месяца документ не будет ратифицирован, то США будут вынуждены пересмотреть отношения с Непалом²¹. Как утверждают аналитики, это самое серьезное предупреждение, которое страна получала за всю историю дипломатических отношений.

19 февраля 2022 г. посольство США в Непале заявило: «Грант корпорации “Вызовы Тысячелетия” – это подарок от американского народа...»²². По этому поводу нарушил молчание Китай: через 5 дней на брифинге официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньин прокомментировала новости о телефонных разговорах между Вашингтоном и Катманду вопросом: «Как “подарок” можно отправлять ультиматумом? Что это – “подарок” или ящик Пандоры?»²³

Это наиболее официальное подтверждение неодобрения, которое помощь КВТ Непалу вызывает у Пекина. До этого, в 2020 г., КНР придерживалась относительно нейтральной позиции: посол в Катманду Хоу Яньци заявляла, что «приветствует любую международную помощь Непалу, если ее цель – экономическое сотрудничество», и что «мы хотели бы... чтобы правительство приняло положительное решение в своих интересах», что каждая сторона спора восприняла в свою пользу²⁴. Действительно, до начала 2022 г. открытая критика выражалась лишь через публикации мнений китайских экспертов в непаль-

¹⁷ Ibid. Annex I-2.

¹⁸ Response to Government of Nepal's September 3, 2021, Letter Requesting Clarifications on the MCC Nepal Compact. <https://uploads.mwp.mprod.getusinfo.com/uploads/sites/27/2021/09/MCC-Clarification-Letter-and-Responses-English-and-Nepali.pdf> (accessed 24.10.2022)

¹⁹ Fatema Z. Sumar: 'We are looking for the compact to be ratified by February 28'. *The Kathmandu Post*. 06.02.2022. <https://kathmandupost.com/interviews/2022/02/06/top-mcc-official-hints-nepal-may-lose-eligibility-to-receive-500-million-if-ratification-fails> (accessed 24.10.2024)

²⁰ MCC officials wrap up visit hoping the US programme's ratification. *The Kathmandu Post*. 13.09.2021. <https://kathmandupost.com/national/2021/09/13/mcc-officials-wrap-up-visit-hoping-the-us-programme-s-ratification> (accessed 24.10.2024)

²¹ Top American official says US will review Nepal ties if MCC compact is not ratified. *The Kathmandu Post*. 10.02.2022. <https://tkpo.st/34pJgxC> (accessed 24.10.2024)

²² MCC Ratification is Nepal's Sovereign Decision. <https://np.usembassy.gov/mcc-ratification-is-nepals-sovereign-decision/> (accessed 24.10.2024)

²³ Nepal's Fight for Sovereignty, the Millennium Challenge Corporation, and the US's New Cold War against China. *Tricontinental*. 26.09.2024. <https://thetricontinental.org/asia/ticaa-issue-1-the-millennium-challenge-corporation/> (accessed 24.10.2024)

²⁴ China says it welcomes any foreign economic support – even the MCC – to Nepal. *The Kathmandu Post*. 03.01.2020. <https://tkpo.st/2ZLG1to> (accessed 24.10.2024)

ских газетах, а информация о попытках КНР настроить лидеров основных политических сил Непала против ратификации соглашения основывалась лишь на слухах и графике встреч китайского посла.

Очевидно, преодолеть непальскую политическую чехарду США удалось исключительно максимальным давлением на политических лидеров и угрозой сократить помощь. 28 февраля 2022 г. на фоне массовых беспорядков²⁵ документ был ратифицирован, при этом политические разногласия оказались забыты: четыре из пяти партий правящей коалиции проголосовали за, а оппозиция – КРН (ОМЛ) – воздержалась²⁶. Дабы несколько сгладить противоречия и купировать потенциальный всплеск народного недовольства парламент принял «толковательную декларацию» из 12 пунктов – условий принятия американской помощи. Непал объявил, что отказывается быть частью какой-либо стратегии США, что Конституция страны превагирует над текстом соглашения, а также что Непал не считает нужным согласовывать свою политику с интересами США в сферах, не связанных с непосредственной имплементацией контракта²⁷.

Толковательная декларация, очевидно, носит рекомендательный характер, а потому около полутора лет США и КВТ предпочитали игнорировать существование данного документа. Только в конце августа 2023 г., за несколько недель до начала реализации программы помощи (запланированной на 1 сентября), когда сам новый премьер-министр Непала П.К.Дахал публично поставил под сомнение согласие США с резолюцией, американское посольство отметило, что «согласно с декларацией и считает, что она соответствует пониманию посольством положений контракта»²⁸.

Стоит добавить, что случай Непала не уникален для Южной Азии. На помощь в \$480 млн претендовала также Шри-Ланка²⁹. Однако избранный в 2019 г. президент Готабая Раджапакса счел КВТ угрозой для суверенитета и национальной безопасности острова и учредил комиссию по анализу предложенного соглашения. Ее итоговый отчет характеризовал судьбу принявших помощь КВТ стран как «трагичную» и отмечал, что, согласившись с условиями, страна будет лишена возможности их пересмотреть³⁰. В декабре 2020 г. деятельность КВТ на Шри-Ланке была прекращена. Непал, в свою очередь, от внешней помощи зависим гораздо сильнее, соглашение с США изначально пользовалось широкой поддержкой политических сил внутри страны, а потому убедить их ратифицировать его было несколько проще.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА

Соглашение Непала и корпорации «Вызовы тысячелетия» официально перешло в стадию реализации 30 августа 2023 г.³¹. Уже можно проанализировать его первые результаты.

За первый год отделение КВТ совместно с правительством страны занималось в основном подготовительными работами, в первую очередь получением прав на землю. Также были проведены тендеры на сооружение 3 подстанций мощностью 400 кВт и первого участка ЛЭП длиной 18 км в сторону границы с Индией. Трансформаторная подстанция «Новый Бутвал» будет возводиться силами компании *Linxon India Pvt. Ltd.*³², две другие – «Ратмате»³³ и «Дамаули»³⁴ – крупной индийской корпорацией *Techno Electric and Engineering Company Ltd. (TEECL)*. Суммарная стоимость работ – \$126 млн³⁵.

²⁵ Nepali parliament ratifies contentious US aid grant amid protests. *Al Jazeera*. 27.02.2022. <https://aljazeera.com/news/2022/2/27/nepal-passes-contentious-us-grant-amid-protests> (accessed 24.10.2024)

²⁶ Nepal Ratified the MCC Compact. What Now? *The Diplomat*. 14.03.2024. <https://thediplomat.com/2022/03/nepal-ratified-the-mcc-compact-what-now/> (accessed 24.10.2024)

²⁷ What's in 12-point interpretative declaration on MCC? *Setopati*. 27.02.2022. <https://en.setopati.com/political/158036> (accessed 23.10.2024)

²⁸ MCC acknowledges 12-point interpretative declaration, clarifies that Nepal's constitution will prevail over MCC. *MyRepublica*. 30.08.2023. <https://myrepublica.nagariknetwork.com/news/mcc-acknowledges-12-point-interpretative-declaration-clarifies-that-nepal-s-constitution-will-prevail-over-mcc-nepal-compact/>

²⁹ Sri Lanka Compact. <https://www.mcc.gov/where-we-work/program/sri-lanka-compact/> (accessed 28.10.2024)

³⁰ Nepal's Fight for Sovereignty, the Millennium Challenge Corporation, and the US's New Cold War against China. *Tricontinental*. 26.09.2024. <https://thetricontinental.org/asia/ticac-issue-1-the-millennium-challenge-corporation/> (accessed 24.10.2024)

³¹ What does the MCC Nepal compact's imminent entry into force entail? *The Kathmandu Post*. 27.08.2023. <https://kathmandupost.com/national/2023/08/27/what-does-the-mcc-nepal-compact-s-imminent-entry-into-force-entail> (accessed 17.10.2024)

³² MCA-Nepal Signs Contract to Construct 400 kV New Butwal Substation at Nawalparasi (Bardaghat Susta West). <https://mcanp.org/en/news/mca-nepal-signs-contract-to-construct-400-kv-new-butwal-substation-at-nawalparasi-bardaghat-susta-west/> (accessed 17.10.2024)

Подписание контракта на строительство трансграничной ЛЭП с компанией *Transrail Lighting Ltd.* (также базирующейся в Индии) было приурочено к первой годовщине вступления соглашения в силу. На пресс-конференции 22 августа 2023 г. американские функционеры выразили удовлетворение достигнутым прогрессом³⁶.

Напрашивается вывод, что Индия – один из главных выгодоприобретателей американской деятельности в Непале. Выгоды от поставок электроэнергии по новой линии очевидны; кроме того, дорогостоящие строительные контракты отходят именно индийским компаниям. В тендерах исключительно по техническим причинам участие принимали в основном индийские компании (за контракт на сооружение подстанций боролись 5 индийских и 1 саудовская фирма), и именно они готовы были предложить наименьшую цену работ.

Не исключено и сопряжение инфраструктуры, построенной на средства КВТ, с китайскими проектами в Непале. Так, в район подстанции «Ратмате» планируется подвести ЛЭП с севера, из КНР. Изначально, дабы обезопасить себя от противоречий между двумя странами и постараться реализовать оба проекта, правительство Непала планировало возвести для китайского проекта отдельную подстанцию. Но в конце 2022 г. регулятор в области электроснабжения это решение пересмотрел в пользу использования одной построенной на средства КВТ подстанции для обоих проектов³⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пока проекты корпорации «Вызовы тысячелетия» в Непале находятся на начальной стадии реализации, оценить их направленность довольно сложно. Непал остро нуждается в помощи, а новые ЛЭП послужат на благо его жителей, смогут улучшить ситуацию с электричеством в столичном регионе, а также будут способствовать торговле избыточными энергоресурсами с соседями, если, конечно, проекты корпорации не повторят судьбу всех крупных строек и «проектов национальной гордости» Непала и не столкнутся с традиционными для горной страны задержками, которые могут продолжаться десятилетиями.

С другой стороны, жесткие условия контракта, его спорные положения и опыт функционирования КВТ в других развивающихся странах говорят о том, что американские условия Катманду придется выполнять, и выполнять он их будет, поскольку не имеет возможности отказаться от помощи. Конечно, пока Непал не собирается сходить с демократического пути. К тому же и Вашингтон, и сама КВТ как продолжение воли американского политического истеблишмента не будут обрывать каналы помощи на основании недемократических действий правительства Непала, если они не будут подкреплены значительным дрейфом внешней политики в сторону соперников США. Пострадает ли от этого традиционная политика балансирования Непала, сказать сложно.

История с принятием помощи от КВТ демонстрирует, что Непал для США, похоже, вновь обретает значимость на фоне обострения отношений между Вашингтоном и Пекином. Мировой гегемон успешно активизировал политику в пригималайском регионе через предоставление помощи и стремится там закрепиться. В отличие от периода холодной войны, Индия этим попыткам, кажется, не только не собирается препятствовать, но и становится одним из основных выгодополучателей от американской деятельности в пригималайском регионе, а ее двусторонние отношения с США несравненно теплее индийско-китайских. Вслед за Вашингтоном свой пакет помощи в 500 млн фунтов стерлингов уже анонсировал Лондон, а потому, вероятно, пригималайский регион продолжит выходить из периферии международных отношений и тем самым станет ареной более активной конкуренции мировых полюсов на «крыше мира».

³³ MCA-Nepal signs second 400kV substation construction contract. <https://mcanp.org/en/news/mca-nepal-signs-second-400kv-substation-construction-contract/> (accessed 17.10.2024)

³⁴ MCA-Nepal Completes Signing of All Three 400 kV Substations. <https://mcanp.org/en/news/mca-nepal-completes-signing-of-all-three-400-kv-substations/> (accessed 17.10.2024)

³⁵ MCC compact's entry into force a year old. *The Kathmandu Post*. 31.08.2024. <https://kathmandupost.com/national/2024/08/31/mcc-compact-s-entry-into-force-a-year-old> (accessed 24.10.2024)

³⁶ Ibidem.

³⁷ Cross-border transmission line with China to use MCC-funded substation. *The Kathmandu Post*. 29.12.2022. <https://kathmandupost.com/national/2022/12/29/cross-border-transmission-line-with-china-to-use-mcc-funded-substation> (accessed 27.10.2024)

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ледков А.А., Лунев С.И. История Непала. XX век. Москва: Институт востоковедения РАН, 2011. 384 с.
Ledkov A.A., Lunev S.I. 2011. History of Nepal. 20th Century. Moscow. 164 p. (In Russ.)
2. Яковлев Г.И. Экономическое развитие Непала (1951–1965). Москва: Изд-во «Наука», 1970. 164 с.
Yakovlev G.I. 1970. Economic Development of Nepal (1951–1965). Moscow. 164 p. (In Russ.)
3. Skerry C.A., Moran K., Calavan K.M. 1991. Four Decades of Development. The History of U.S. Assistance to Nepal 1951–1991. Kathmandu: USAID. 389 p.
4. Lamichhane D.P. 2023. American Engagement with Nepal: Concerns of China and India. *Unity Journal*, 4 (01), pp. 280–301. DOI: <https://doi.org/10.3126/unityj.v4i01.52246>
5. Александров М.А., Грановский А.Е. Экономическая помощь капиталистических государств странам Южной Азии. Москва: Изд-во «Наука», 1973. 383 с.
Aleksandrov M.A., Granovsky A.E. 1973. Economic aid of capitalist countries to South Asia. Moscow. 383 p. (In Russ.)
6. Khadka N. 2000. US aid to Nepal in the Cold War Period: Lessons for the Future. *Pacific Affairs*, 73 (1) (Spring), pp. 77–96. DOI: <https://doi.org/10.2307/2672285>
7. Лунев С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия. Москва: Юрайт, 2019. 305 с.
Lunev S.I. 2019. Regionalisation and Integration: India and South Asia. Moscow. 305 p. (In Russ.)
8. Nayak N.R. 2014. Strategic Himalayas: Republican Nepal and External Powers. New Delhi: Pentagon Press and Institute of Defense Studies and Analyses. 232 p.
9. Бартенев В.И. Президентские инициативы как инструмент управления политикой США по оказанию международной помощи в XXI веке: от Джорджа Буша-младшего до Джозефа Байдена. *Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика*. 2022. № 14 (1), С. 64–113. DOI: <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2022-14-1-64-113>
Bartenev V.I. 2022. Presidential initiatives as a tool to manage U.S. foreign assistance policies in the XXI century: from George W. Bush to Joseph R. Biden. *Moscow University Bulletin of World Politics*. Vol. 14, № 1. Pp. 64–113. Moscow. (In Russ.). DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-1-64-113
10. Кобонбаев М. Содружество Независимых Государств в критериях фонда «Вызовы тысячелетия»: главное – эффективное управление. *Центральная Азия и Кавказ*. 2006. № 2 (44). С. 122–137.
Kobonbaev M. 2006. CIS in criteria of “Millennium Challenge” foundation: main issue – effective governance. *Central Asia and Caucasus*. № 2 (44). Pp. 122–137. (In Russ.)
11. Shekhawat S. BRI in Nepal: An Appraisal. *Observer Research Foundation*. 10.06.2014. <https://orfonline.org/research/bri-in-nepal-an-appraisal> (accessed 24.10.2024)
12. Adhikary A. 2022. Millennium Challenge Corporation: Interpretations and Implications for the National Security of Nepal. *Unity Journal*. Vol. III. Pp. 40–50.
13. Shekhawat S. 2025. The MCC Debate and U.S.-Nepal Ties in Flux. *Observer Research Foundation Issue Brief*. Iss. 793. 25 p.
14. Yin Q. MCC as a Tool of American Influence on Developing Countries. *Мировая политика*. 2022. № 4. С. 46–57. DOI: 10.25136/2409-8671.2022.4.39171

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Новинский Эрнест Эрнестович, младший научный сотрудник, Институт международных исследований, МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия.

Ernest E. Novinskii, Junior Researcher, Institute for International Studies, MGIMO University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 16.12.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 29.05.2025

Принята к публикации
(Accepted) 09.06.2025

DOI: 10.31857/S0321507525070089

Политико-правовые аспекты использования курдского языка в Ираке

© Асылгужина А.А.^а, 2025

^а Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0009-0005-1983-3883; ayamyka@gmail.com

Резюме. Согласно иракской Конституции 2005 г., курдский язык наравне с арабским является официальным языком в Республике Ирак и во всех сферах деятельности государства эти языки должны использоваться на равных основаниях. При этом население, говорящее на курдском языке, сконцентрировано на севере страны.

В статье рассмотрены положения Конституции, касающиеся сферы применения официальных языков, и статьи законов об официальных языках, изданных отдельно федеральным правительством и правительством региона Курдистан. Рассмотрена фактическая реализация положений Конституции и законов как на федеральном, так и на местном уровне. Отдельное внимание уделено использованию официальных языков в сфере образования в Ираке и регионе Курдистан и сферам использования т.н. местных официальных языков – языков меньшинств в районах их проживания.

Ключевые слова: Ирак, Курдистан, курдский язык, арабский язык, официальные языки, языковая политика, языковые права

Для цитирования: Асылгужина А.А. Политико-правовые аспекты использования курдского языка в Ираке. *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 7. С. 63–68. DOI: 10.31857/S0321507525070089

Political and Legal Aspects of the Use of the Kurdish Language in Iraq

© Arina A. Asylguzhina^а, 2025

^а Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0005-1983-3883; ayamyka@gmail.com

Abstract. According to the Iraqi Constitution of 2005, Kurdish is an official language in the Republic of Iraq along with Arabic, and these languages must be used equally in all spheres of state activity. Note that the population speaking Kurdish is concentrated in the north of the country.

The article examines the provisions of the Constitution concerning the scope of application of official languages and articles of the laws on official languages issued separately by the federal government and the government of the Kurdistan region. The actual implementation of the provisions of the Constitution and laws at both the federal and local levels is considered. Special attention is paid to the use of official languages in the field of education in Iraq and the Kurdistan region and the spheres of use of the so-called local official languages – minority languages in the areas of their residence.

Keywords: Iraq, Kurdistan, Kurdish language, Arabic language, official languages, language policy, language rights

For citation: Asylguzhina A.A. Political and Legal Aspects of the Use of the Kurdish Language in Iraq. *Asia and Africa today*. 2025. № 7. Pp. 63–68. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525070089

ВВЕДЕНИЕ

Курдский язык относится к северо-западной группе иранских языков и имеет большое количество диалектов и говоров, причем часть из них использует арабскую графику, а другая – латинскую. Ученые ведут дискуссии по поводу правильной классификации курдских диалектов. Самый распространенный подход подразумевает их разделение на две группы: северные (курманджи, зазаки и дымли) и южные (сорани и горани). Грамматика, лексика и фонетика сильно разнятся в зависимости от диалекта, что создает большие трудности для взаимопонимания их носителей.

Курдистан как этногеографическая область проживания курдского народа разделен между 4 государствами: Ираком, Ираном, Сирией и Турцией. В каждой из этих стран они не составляют этнического большинства, но представляют второй по численности народ (за исключением Ирана). По современным оценкам, в этническом Курдистане число курдов составляет от 30 до 40 млн человек: 52% проживает в Турции, 25,5% – в Иране, 16% – в Ираке, 5% – в Сирии [5, с. 5].

В Ираке курдам удалось добиться наибольшей политической, экономической, культурной и языковой свободы. Впервые о равном статусе курдов и арабов в Ираке было объявлено во Временной Конституции 1958 г. В 1974 г. был закреплен статус курдского языка как второго официального на территории Курдского автономного района. После введения бесполой зоны над территорией Курдистана в 1991 г. и создания правительства региона Курдистан в 1992 г. курдский язык на территории автономии занял доминирующее положение во всех сферах жизни общества.

С 2005 г. курдский и арабский языки являются двумя официальными языками в Ираке согласно ст. 4 Конституции. Впервые в истории курдский язык был объявлен официальным языком на государственном уровне [1]. При этом курдское население Ирака сосредоточено в основном на севере страны в автономном регионе Курдистан и на спорных между правительствами Багдада и Эрбиля территориях (провинция Киркук, части провинций Дияла, Васит, Салах Ад-дин, Найнава) и составляет примерно 15–20% всего населения страны¹.

Конституция Республики Ирак является гарантом равенства обоих официальных языков. Статус официального языка подразумевает публикацию официальной газеты государства на обоих языках, возможность произнесения речей и выражения мнений в официальных органах власти на любом из языков, открытие школ, в которых преподаются оба языка, а также их использование во всех вопросах по «принципу равенства», например, в паспортах, на почтовых марках и денежных знаках.

Кроме того, в 2014 г. Министерство юстиции Республики Ирак опубликовало Закон об официальных языках², призванный уточнить сферы использования официальных языков в государстве. В дополнение к этому закон призван объединить иракские этнорелигиозные общины, обеспечить равенство между арабским и курдским языками в правах и привилегиях с точки зрения использования их в федеральных учреждениях, а также поддерживать и развивать арабский, курдский и другие иракские языки, такие как туркоманский, сирийский, армянский и мандейский³.

Республика Ирак – федеративное государство, и части федерации имеют широкие административные полномочия в области использования языков, поэтому языковую политику необходимо рассматривать на двух уровнях – федеральном и местном. Административно, согласно ст. 116 Конституции, Ирак делится на децентрализованные столицу, регионы, провинции, а также на местные администрации.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА НА ФЕДЕРАЛЬНОМ УРОВНЕ

На федеральном уровне правительство, согласно ст. 110 Конституции Ирака, имеет исключительные полномочия в сфере внешней политики, национальной безопасности, выпуске валюты, составлении национального бюджета, вопросах гражданства и др. Для настоящего исследования важно определить, сохраняется ли в отраслях, находящихся в исключительном ведении федеральных властей, принцип равенства обоих официальных языков и соблюдается ли Закон об официальных языках.

Так, в удостоверениях личности – национальных картах – все обозначения полей (имя, пол, группа крови и т.д.) представлены на обоих официальных языках через косую черту, но сами личные данные, в т.ч. имена, – только на арабском языке вне зависимости от того, какой орган власти выдал документ. В заграничных паспортах все поля представлены на арабском, курдском и английском языках, но личные данные – только на арабском и английском языках. При этом курдские имена, содержащие буквы, отсутствующие в арабском алфавите, по-арабски заменяются на ближайшие похожие из арабского алфавита, но в остальном правила чтения соответствуют правилам курдского языка. Латиницей имена транслитерируются согласно курдскому алфавиту и правилам чтения.

¹ О стране. Ирак. <https://www.mid.ru/ru/maps/iq/> (accessed 02.06.2024)

² قانون اللغات الرسمية (Official Languages Law) (In Arab.). <https://moj.gov.iq/upload/pdf/القانون%20اللغات%20الرسمية.pdf> (accessed 16.12.2024)

³ Ibidem.

Денежные купюры, несмотря на то, что они прямо упомянуты в Конституции и ст. 9 Закона об официальных языках, содержат информацию только на арабском и английском языках, даже в тех случаях, когда изображение на купюре относится к региону Курдистан (купюра в 5 тыс. иракских динаров содержит изображение водопада Гали Али Бек в Эрбиле).

Таким же образом обстоят дела с публикацией официальной газеты государства «Аль-вакаи аль-иракийя». Единственное, что содержит газета на курдском языке, – это название, информация о том, чем она является, каким органом и когда издается. Все эти данные представлены на обложке газеты. При этом газета имеет отдельный вариант на английском языке.

Согласно ст. 5 Закона об официальных языках, «арабский и курдский языки должны использоваться на официальных заседаниях, в парламенте, у президента, в федеральном кабинете министров, Высшем судебном совете, других федеральных органах и учреждениях, а также на официальных заседаниях в регионе Курдистан и его парламенте, у президента и в правительстве»⁴.

Министерство иностранных дел Ирака не поддерживает работу сайта на курдском языке⁵, как и генеральный секретариат совета министров⁶, поэтому получить официальные документы этих органов на курдском языке невозможно, при том что на английский язык документы и решения переведены. Сайт офиса премьер-министра, как и министерства нефтяной промышленности, министерства финансов и многих других министерств, не имеет курдской версии. Только сайт президента Ирака (на эту должность с 2005 г. и по сей день всегда избирается курд из партии Патриотический союз Курдистана) работает и регулярно обновляется на курдском языке⁷.

Таким образом, федеральные органы власти в большинстве сфер своих полномочий пренебрегают требованиями Конституции и Закона об официальных языках. Можно предположить, что многие иракские отраслевые министерства не заинтересованы в обеспечении своей работы на курдском языке в силу того, что на территории региона Курдистан их заменяют аналогичные министерства, подконтрольные правительству региона.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА НА МЕСТНОМ УРОВНЕ

Переходя на уровень местных администраций, мы должны обозначить связанные с ними нюансы.

В Ираке, согласно Конституции, есть регионы, включающие в себя провинции, и провинции, не входящие в регионы. Хотя Конституция допускает образование регионов из провинций, на данный момент в Ираке существует только один регион – Курдистан, состоящий из провинций Эрбил, Сулеймания, Духок и Халабджа. Соответственно, все остальные провинции Ирака являются провинциями, не входящими в регионы. Внутри всех провинций также есть деление на районы.

В отношении языковой политики Конституция дает широкие полномочия местным администрациям. Согласно ст. 4, каждый регион или провинция может принять любой другой (не считая курдского и арабского) местный язык в качестве дополнительного официального языка, если большинство населения примет такое решение на всеобщем референдуме, а туркоманский и ассирийский языки изначально являются официальными языками в тех районах, где их носители составляют существенную часть населения. Ст. 1 Закона об официальных языках дает таким языкам название «местный официальный язык»⁸.

Парламент Курдистана, в свою очередь, в 2014 г. опубликовал Закон № 6 об официальных языках в регионе Курдистан-Ирак. Согласно ст. 2 этого закона, курдский язык считается официальным языком в регионе Курдистан-Ирак⁹. Языки других этнорелигиозных общин (туркоманов, ассирийцев и армян) в их административных единицах и «по необходимости» также объявляются официальными наравне с

⁴ قانون اللغات الرسمية (Official Languages Law) (In Arab.)

⁵ وزارة الخارجية العراقية (Ministry of Foreign Relations Republic of Iraq) (In Arab.). <https://mofa.gov.iq/> / كوردى (accessed 16.12.2024)

⁶ الأمانة العامة لمجلس الوزراء (General Secretariat of the Council of Ministers) (In Arab.). <https://cabinet.iq/kr/category/news> (accessed 16.12.2024)

⁷ رئاسة جمهورية العراق (Presidency of the Republic of Iraq) (In Arab.). <https://presidency.iq/KU/Default.aspx> (accessed 16.12.2024)

⁸ قانون اللغات الرسمية (Official Languages Law) (In Arab.)

⁹ القانون رقم 6 لسنة 2014 قانون اللغات الرسمية في إقليم كردستان – العراق (Law № (6) of 2014 Law on Official Languages in the Kurdistan Region – Iraq) (In Arab.). <https://www.parliament.krd/media/2931/القانون-رقم-6-لسنة-2014-قانون-اللغات-الرسمية-في-إقليم-كوردستان-العراق.pdf> (accessed 16.12.2024)

курдским. Все законы, решения, постановления и другие официальные документы региона издаются на курдском языке. При этом ст. 5 Федерального закона об официальных языках предписывают парламенту, правительству и президенту Курдистана использовать оба языка¹⁰.

Тексты законов и решения в официальной газете региона Курдистан «Вакаии Курдистан», согласно Закону об официальных языках региона Курдистан, должны издаваться на курдском и арабском, но курдский вариант является оригинальным документом. Судебная система также должна действовать на курдском языке. Официальная переписка с Багдадом и другими провинциями страны должна вестись на курдском и арабском, о чем также говорится в ст. 6 Закона об официальных языках в Ираке. Договоры правительства региона с иностранцами должны составляться на курдском языке и языке иностранной стороны.

Сайты президента, правительства и парламента региона Курдистан-Ирак обновляются на обоих официальных языках. Большинство документов региона, доступных на сайте парламента, переведены на арабский язык¹¹, но часть документов региональных органов власти, предназначенная для внутреннего пользования, не переводится на арабский язык за ненадобностью.

Интересную коллизию представляет собой ситуация с дорожными указателями в Ираке. Дорожные знаки, согласно ст. 9 федерального Закона об официальных языках, должны быть также написаны на обоих официальных языках. Фактически установка дорожных знаков регулируется местными администрациями, а не федеральными властями, поэтому, в зависимости от этнорелигиозного состава населения и необходимости, они сами решают, на каких языках должны быть установлены знаки. Так, в Багдаде на знаках используется только арабский и английский языки, в регионе Курдистан – курдский, английский и арабский или курдский и английский. На территориях со смешанным населением могут быть добавлены и другие языки. В Киркуке, например, в 2023 г. на знаках появился 4-й язык – туркоманский.

ПРИМЕНЕНИЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Отдельно выделим использование официальных языков в области образования. Согласно ст. 16 федерального Закона об образовании № 22 от 2011 г.,¹² Министерство образования открывает школы на двух языках: арабском и курдском. Закон об официальных языках разрешает открывать государственные школы всех уровней обучения на арабском, курдском, туркоманском, ассирийском и армянском, а частные школы дополнительно на любых других языках¹³. Кроме того, согласно ст. 12 Закона об официальных языках, «каждая иракская этнорелигиозная община может открывать колледжи, институты, культурные научные центры, имеющие своей целью развитие языка, культуры и сохранения наследия»¹⁴.

Де-факто школьники в арабских районах курдский язык в школах не изучают, в смешанных районах курдский язык может быть добавлен в школьную программу или обучение на курдском языке может проводиться в курдской школе, а в Курдистане действует региональное министерство образования, которое устанавливает собственные правила. Согласно ст. 64 Декрета № 1 от 2009 г.¹⁵ о системе школьного образования, курдский язык – официальный язык во всех школах Курдистана, а арабский и английский изучаются в качестве второго языка.

Однако остается неразрешенным вопрос диалектов курдского языка в системе образования Курдистана. Самым распространенным в регионе Курдистан-Ирак является *сорани*, однако в провинции Духок население говорит преимущественно на диалекте *бадини* (*бадинани*). На территориях региона, подконтрольных Демократической партии Курдистана, для носителей диалекта *бадини* есть возможность обучаться на родном диалекте, а не на *сорани*, а на территориях, подконтрольных Патриотическому

¹⁰ قانون اللغات الرسمية (Official Languages Law) (In Arab.)

¹¹ بەرلهمانی كوردستان – عێراق (Legislative Bench. Kurdistan Parliament – Iraq) (In Kurd.). <https://legislation.krd/index?lang=ar> (accessed 16.12.2024)

¹² قانون وزارة التربية رقم (٢٢) لسنة ٢٠١١ (Ministry of Education Law № 22 of 2011) (In Arab.). <https://www.moj.gov.iq/uploaded/4209.pdf> (accessed 12.12.2024)

¹³ قانون اللغات الرسمية (Official Languages Law) (In Arab.)

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ نظام مدارس الأساس الرقم ١ لسنة ٢٠٠٩ (Basic Schools System № 1 of 2009) (In Arab.). <https://gov.krd/moe-ar/system-and-education/-نظام-الأساس-و-الأعدادية> (accessed 12.12.2024)

союзу Курдистана, у них такой возможности нет¹⁶ [2, р. 39]. Есть носители и других диалектов, но они не составляют большинства ни в одной из провинций региона. При этом «официальным» диалектом региона – тем, на котором издаются все официальные документы, – остается *сорани*.

Позитивной для сохранения и развития курдского языка является практика, при которой во время уроков учителя рассказывают о правилах не только «своего» диалекта, но и «соседних». При этом школьные учебники выпускаются как на *бадини*, так и на *сорани*, а школьники имеют возможность сдавать государственный экзамен на нескольких языках и диалектах.

Кроме того, наплыв арабских беженцев из Сирии и Ирака после 2014 г. увеличил запрос на изучение и использование арабского языка в регионе [3, р. 22].

Согласно ст. 23 Закона об официальных языках в регионе Курдистан-Ирак, этнорелигиозные общины могут использовать свои языки в обучении, разговорах и выступлениях, в административных и внутренних делах, однако в своих связях с правительством региона они должны использовать курдский язык.

В университетах региона Курдистан курдский язык также является основным языком обучения и научной работы. В районах со смешанным населением некоторые университеты, например, Университет Киркука¹⁷, предоставляют студентам курсы курдского языка, а в Багдадском университете с 1959 г. действует департамент курдского языка¹⁸.

В Киркуке курдский язык преподается в 515 школах и детских садах провинции. По данным факультета курдских исследований в Киркуке, занятия ведут 7600 учителей, обучая 98 000 учеников¹⁹. В университетах Киркука профессора ведут занятия в основном на арабском языке, поэтому курдские родители часто выбирают арабские школы, если планируют обучение в университетах для своих детей в самом Киркуке, и курдские – если планируют университетское образование в Курдистане.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, иракская конституция и отдельные законы обязывают использовать курдский язык в значительной части сфер, регулируемых федеральными органами власти, однако эти обязательства часто не соблюдаются федеральными властями. В провинциях с арабским населением курдский язык доступен для изучения в рамках университетских курсов или в языковых центрах.

Власти региона Курдистан, издавая собственные законы, отдают предпочтение курдскому языку во всех делах, которые не попадают в ведение федеральных властей. В самом регионе Курдистан курдский язык занимает доминирующее положение. Более того, с течением времени языковая ситуация в регионе не меняется. После 1992 г., когда школы Курдистана стали подчиняться созданному правительству региона, снизилась потребность в знании арабского языка, а значит, и уровень владения им среди населения. Это приводит к недопониманию и потенциальным конфликтам между курдским и арабским населением страны, когда каждый из носителей официального языка государства не знает второго официального языка этого же государства (или недостаточно хорошо владеет им).

В то же время преимущественное использование курдского языка во всех сферах жизни курдистанского общества и органов власти способствует укреплению собственной национальной идентичности без апелляции к Ираку. Кроме того, язык выступает инструментом укрепления политической самостоятельности региона и дает возможность проводить независимый курс как во внутренней, так и во внешней политике автономии.

¹⁶ С 1994 по 1998 г. Курдистан был охвачен вооруженным конфликтом между двумя самыми влиятельными партиями региона – Демократической партией Курдистана (ДПК) и Патриотическим союзом Курдистана (ПСК). По окончании конфликта ДПК осталась контролировать провинции Духок и Эрбиль, а ПСК – Сулейманию (из которой в 2025 г. на федеральном уровне была выделена еще одна провинция – Халабджа), несмотря на формальное объединение и существование общего правительства региона. Местные администрации и силы безопасности провинции принадлежат той партии, которая ее контролирует. Местное население также преимущественно поддерживает ту партию, которая управляет провинцией (*прим. авт.*).

¹⁷ 2025 2024 المواد التنافسية لأقسام كليات جامعة كركوك (Competitive materials for departments of colleges of Kirkuk University 2024–2025) (In Arab.). <https://uokirkuk.edu.iq/ar/index.php/component/content/article/127-2023-12-08-17-52-26/2020-10-21-16-32-09/294-2024-2025h?Itemid=101> (accessed 12.12.2024)

¹⁸ كلية اللغات جامعة بغداد قسم اللغة الكردي (Department of Kurdish Language. College of Languages, University of Baghdad) (In Arab.). https://colang.uobaghdad.edu.iq/?page_id=1503 (accessed 12.12.2024)

¹⁹ More students opting to study Kurdish in Kirkuk. <https://www.rudaw.net/english/middleeast/iraq/230920231> (accessed 12.06.2024)

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Abdallah A. 2023. Legal recognition of Kurdish identity in Iraq challenges the nation-state. Centre français de recherche sur l'Irak (CFRI). <https://cfri-irak.com/en/article/legal-recognition-of-kurdish-identity-in-iraq-challenges-the-nation-state-2023-08-30> (accessed 10.12.2024)
2. Khalid H.S. The language and Politics of Iraqi Kurdistan from the 1991 Uprising to the Consolidation of a Kurdistan Regional Government Today. Lamber Academic Publishing, 2015. 72 p.
3. Ameen R.M. Modern language policy in the Kurdistan Region: comparative aspect. *Язык в сфере профессиональной коммуникации: сборник материалов международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов*. Екатеринбург, 2021. С. 20–23.
4. Hussein S.H. The Kurdish educational curriculum: an unreflected philosophical base. *Problemy Wczesnej Edukacji*. 4 (31). Pp. 22–131.
5. Жигалина О.И. Введение. Курды Западной Азии (XX – начало XXI в.). Проблема курдского самоопределения. Сб. статей. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. 166 с.
Zhigalina O.I. 2012. Introduction. Kurds of Western Asia (20th – early 21st century). The problem of Kurdish self-determination. Collection of articles. Moscow. 166 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Асылгузина Арина Альбертовна, соискатель, Arina A. Asylguzhina, Applicant, Center for Arab and
Центр арабских и исламских исследований, Институт Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian
востоковедения РАН, Москва, Россия. Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 14.01.2025

Доработана после рецензирования
(Revised) 31.05.2025

Принята к публикации
(Accepted) 16.06.2025

Мифологема «Япония – Россия – Запад» в ранобэ Кафки Асагири «Проза бродячих псов»

© Королева В.В.^{a,b}, Притомская А.Р.^{a,c}, 2025

^a Владимирский государственный университет
им. братьев Столетовых, Владимир, Россия

^b ORCID: 0000-0002-7608-9772; queenvera@yandex.ru

^c ORCID: 0009-0006-0948-770X; gera.greenhill@gmail.com

Резюме. В статье с помощью мифопоэтического метода исследуется специфика реализации мифологема «Япония – Россия – Запад» в цикле ранобэ Кафки Асагири «Проза бродячих псов». Утверждается мысль о том, что данная мифологема создается на основе приема мифологизации культурных исторических имен (японских, европейских и российских авторов) и отражает представления современной японской нации о России и Европе, а также о собственном государстве и культуре в контексте исторического процесса.

Делается вывод, что специфика приема мифологизации в рассматриваемых ранобэ указывает на радикализацию гражданско-патриотических настроений в Японии в связи с европеизацией и глобализацией в современном мире. Это отражает актуальное состояние национальной мысли в Японии, а именно попытку самоопределения и самоидентификации в отношении культуры и принципов мировых гегемонов, России и коллективного Запада.

Специфические же поп-культурные архетипы и клише, определяющие поведение персонажей ранобэ, способствуют эффективному распространению данных идей среди молодой аудитории, подверженной влиянию идеологических противников современной Японии через новые медиа.

Ключевые слова: мифологема, мифопоэтический подход, мифологизация культурного имени, восточная культура, западная культура, русская культура, европеизация, глобализация

Цитирование: Королева В.В., Притомская А.Р. (Владимир). Мифологема «Япония – Россия – Запад» в ранобэ Кафки Асагири «Проза бродячих псов». *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 7. С. 69–76. DOI: 10.31857/S0321507525070091

The Mythologeme “Japan – Russia – the West” in Kafka Asagiri’s Ranobe “Bungo Stray Dogs”

© Koroleva V.V.^{a,b}, Pritomskaya A.R.^{a,c}, 2025

^a The University of Vladimir, Vladimir, Russia

^b ORCID: 0000-0002-7608-9772; queenvera@yandex.ru

^c ORCID: 0009-0006-0948-770X; gera.greenhill@gmail.com

Abstract. The article uses the mythopoetics (considering culture as a text) to explore the specifics of the mythologeme “Japan – Russia – the West” implementation in Kafka Asagiri’s Ranobe cycle “Bungo Stray Dogs”. It is argued that this mythologeme is created through the method of mythologizing cultural historical names (names of Japanese, European and Russian authors) and reflects the ideas of the modern Japanese nation about Russia and Europe, as well as about its own state and culture in the context of the historical process. It is concluded that the peculiarities of the mythologization in the considered Ranobe indicate the radicalization of civil-patriotic sentiments in Japan in the face of violent processes of europeanization and globalization in the modern world and reflect the current state of national thought in Japan, namely, an attempt at self-determination and self-identification in relation to the culture and principles of world hegemony, of Russia and the West. The specific pop-cultural archetypes and cliches that define the behavior of characters in the novellas contribute to the effective dissemination of these ideas to a young audience influenced by ideological opponents of modern Japan through New Media.

Keywords: mythologeme, mythopoetics, mythologization of a cultural name, Eastern culture, Western culture, Russian culture, europeanization, globalization

For citation: Koroleva V.V., Pritomskaya A.R. (Vladimir). The Mythologeme "Japan – Russia – the West" in Kafka Asagiri's Ranobe "Bungo Stray Dogs". *Asia and Africa today*. 2025. № 7. Pp. 69–76. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507 525070091

РАНОБЭ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Культура Японии становится сегодня все более востребованной в России, особенно массовая. Вслед за *аниме*¹ и *мангой*² неподдельный интерес стал вызывать и новый жанр современной популярной литературы Японии – *ранобэ* – симбиоз манги и прозы, отличающийся преимущественно фэнтезийным сюжетом, обилием диалогов, стилизованными иллюстрациями [1, с. 61].

Ранобэ представляют большой интерес и для исследователей, так как являются носителями ценной культурной информации – современного *культурного кода* Японии. Они отражают актуальный взгляд японцев на мировую культуру; в рамках данного литературного жанра осмысливается специфика японской культуры и цивилизации, а также направления взаимодействия с другими крупными мировыми культурами (русской и западной).

Одним из ярких примеров является цикл новелл Кафки Асагири³ «Проза бродячих псов», завоевавший в России особую любовь и популярность. Новеллы повествуют о фантастических приключениях членов «Вооруженного детективного агентства» со сверхъестественными способностями, призванных бороться с внешним вторжением и внутренней угрозой. В основе сюжета ранобэ лежит прием *мифологизации* культурных и исторических имен, т.к. подавляющее большинство персонажей цикла носят имена японских, европейских и русских авторов и их персонажей. Можно говорить, что К.Асагири создает в цикле новелл три мифологемы: «Япония – Россия – Запад».

Объектом данного исследования стали такие понятия, как «национальная», «западная», «восточная культура», «русская культура», «европоцентризм», «коллективный Запад». Особое внимание уделяется вопросу своеобразия русской и японской культур, их места в мировом культурно-историческом процессе с точки зрения японского автора, а также роли, которую западная европоцентричная культура сыграла в духовной жизни Японии и России. Мы полагаем, что ранобэ «Проза бродячих псов» становится культурной мифологемой, которая формирует у читателей устойчивое представление о Японии как о гармоничной силе, выступающей против мирового хаоса, как о великой цивилизации, выполняющей особую миссию, а также о Западе, как о носителе деструктивных идей, чей менталитет носит разрушительный характер.

Целью нашего исследования является выделение и описание специфики мифологем «Япония – Россия – Запад» в цикле ранобэ К.Асагири «Проза бродячих псов» с точки зрения того, как данные мифологемы отражают представления современной японской нации о России и Европе, а также о собственном государстве и культуре в контексте исторического процесса.

В своей работе мы прибегаем к мифопоэтическому методу, инструментарий которого на сегодняшний день широко используется за пределами литературоведения, а именно в изучении культур и идеологий как текстов (см. исследования культуролога и философа О.А.Габриеляна [2, 3]). Проблема же взаимоотношения мифа и художественного текста (поэтика мифа, явление мифологемы) разрабатывались в трудах литературоведа З.Г.Минц, философа культуры М.Элиаде, исследователя мифологии Дж.Кэмпбелла, философа и историка культуры М.Мелетинского, филолога и культуролога С.С.Аверинцева, литературоведа и исследователя семиотики Ю.М.Лотмана и др.

Необходимо отметить, что понятие «культурный код», упомянутое выше, мы рассматриваем в контексте работ Ю.М.Лотмана, т.е. как «упорядоченную совокупность образов, кодифицированных в данной культуре» [6, с. 394], которая служит как семиотическая система при коммуникации культур, не только для расшифровки отдельных знаков и их перевода с «языка» одной культуры на «язык» другой, но и для выявления несоответствий в ценностной ориентации между культурами (коннотация знака в отдельной культуре).

¹ Аниме – японская анимация с характерным визуальным и звуковым стилем (*прим. авт.*).

² Манга – особый жанр японских черно-белых комиксов (*прим. авт.*).

³ Кафка Асагири – японский сценарист и писатель ранобэ (*прим. авт.*).

На современном этапе в науке существует целый ряд определений мифологеми, которая понимается как реализация архетипа в художественном произведении [4], заимствование у мифа тем и мотивов, «свернутый до имени – чаще всего, до имени собственного, “осколок” мифологического текста, “метафорически” сопоставляющий явление из миров мифа и истории и “метонимически” замещающий ситуации и сюжеты» [5, с. 54]. При этом филолог В.Н.Варламова отмечает: «Архетип, будучи универсальной моделью в человеческой культуре, остается статичным и актуализируется в зависимости от его окружения. “Мифологема” – всегда динамична и является способом развертывания архетипа в сюжетах» [7].

ОСОБЕННОСТИ ПРИЕМА МИФОЛОГИЗАЦИИ В РАНОБЭ К.АСАГИРИ

На наш взгляд, К.Асагири, как автор произведений хотя и массовой, но все же постмодернистской литературы, создает три мифологеми (Япония – Запад – Россия), представленные в ранобэ именами-мифами писателей, чьи образы отражают наиболее значимые аспекты национального самосознания (японского) или релевантные проблемы общества (европейского и американского) с точки зрения японца: эгоцентризм, отказ от религиозного сознания, пресыщенность жизнью, влечение к смерти и моральный нигилизм.

В цикле новелл «Проза бродячих псов» можно выделить два типа мифологизации: имен писателей (Достоевский, Готорн, Верн) и имен персонажей (Алиса, Франкенштейн). Следует отметить, что данные персонажи действуют по законам жанра *манги* и/или *аниме* и представляют собой усредненные архетипы японской поп-культуры. Однако личность каждого персонажа имеет отдельную яркую черту характера, которую принято приписывать тому или иному автору в культуре или, скорее, поп-культуре. Каждый герой обладает сверхъестественной способностью, представляющей собой мифологизированного персонажа, или назван именем важнейшего произведения конкретного писателя: так, к примеру, сверхспособность Федора Достоевского зовется «Преступление и наказание», Ивана Гончарова – «Обрыв» и т.д.; секретное оружие доктора Мэри Уолстонкрафт носит имя Адама Франкенштейна и представляет собой современное переосмысление персонажа Мэри Шелли – человекоподобного киборга.

Действующие лица ранобэ «Проза бродячих псов» представлены в сводной таблице (см. *табл.*).

Таблица. Список стран и имен авторов, их мифологизирующих
Table. List of countries and names of authors mythologizing them

Страна	Имена писателей
Япония	Всего более 30 имен. Основные: Чуя/Тюя Накахара, Осаму Дадзай/Дазай, А.Рюноске, С.Ода, Д.Куникада, А.Ёсамо, Д.Танидзаки и т.д.
Франция	П.Верлен, А.Рембо, В.Гюго, А.Жид
США	Ф.Фицджеральд, Э.А.По, Г.Мелвилл, Д.Стейнбек, М.Твен, Н.Готорн
Россия	Ф.М.Достоевский, А.С.Пушкин, И.А.Гончаров, Н.В.Гоголь
Германия	И.В.Гёте
Великобритания	А.Кристи, Г.Уэллс, М.Шелли, У.Шекспир

Составлено авторами.

Центральное место в новеллах занимает мифологема «Япония», в основе которой лежит идея о культуре Японии как об исключительной и гармоничной. Историк В.В.Кожевников так характеризует этот внутрикультурный процесс: «После того как за 30 лет японцы сделали переворот в своей жизни и догнали европейцев, их национальное достоинство <...> сменилось национальной гордостью... В Японии появились идеи мессианства в отношении собственной нации: Япония поведет мир дальше уже как представительница восточных рас, страна способна указывать всему остальному миру, куда он должен двигаться» [8].

Конфликт в произведении строится на том, что современный мир страдает от отголосков Великой войны, с которыми внутри Японии сражается Детективное агентство, состоящее из персонажей, мифологизирующих имена выдающихся японских авторов. Именно японские писатели призваны восстано-

вить гармонию и равновесие в мире как на идейном (подают пример чести и морали), так и на физическом уровнях (восстанавливают ход времени, силу притяжения и т.д.). По мысли автора, гармония нарушена из-за прагматического сознания коллективного Запада, которое основано на таких философских идеях, как теория капитализма, идеи Ницше, лежащие в основе их произведений, что привело европейское общество к моральному нигилизму, к толерантности и даже солидарности с про-милитаризмом. Первая и Вторая мировые войны стали следствием дисгармоничной политики западных государств. По мнению К.Асагири, Япония оказывается втянутой в мировой хаос посредством пропаганды западного искусства, в том числе литературы, распространившей «нездоровые» идеи на японскую цивилизацию, поскольку сюжеты произведений зарубежных авторов демонстрируют смерть, страдания и разрушение (например, новелла «55 минут»).

В этом контексте интерес представляет новелла «Буревестник», где протагонистом выступает Чуя Накахара, а антагонистами – Поль Верлен и Артур Рембо. П.Верлен изображается как безжалостный убийца, одержимый идеей научить своего младшего брата, Чую Накахару (прообразом которого выступил поэт Чуя Накахара, последователь реальных Верлена и Рембо), «настоящей жизни». Верлен предает и убивает своего ближайшего друга и напарника, Рембо, поскольку тот «притворялся, что понимает» экзистенциальную боль Верлена. Накахара же, присоединившись к группе японских писателей, отрекается от брата, одержимого идеей разрушения, хотя и пытается помочь страдающему Верлену, рискуя своей жизнью.

В этом самоотверженном отказе следовать за ложной идеей во имя любви и долга Асагири видит оптимальный цивилизационный путь Японии: если западную цивилизацию нельзя спасти, от нее нужно отказаться; если западная цивилизация представляет угрозу – ее необходимо предотвратить.

Накахара представляет собой моральный идеал автора. Рембо дважды отдает жизнь за Верлена (в фэнтезийном сюжете «Прозы бродячих псов» смерть не всегда является финалом существования). Верлен же верен лишь своей идее и предает Рембо. Накахара выступает моральным антагонистом своего учителя и брата. Отдав долг их родству, он не предает Верлена, но и не поддерживает его планы. Асагири считает, что японская культура должна отречься от европейской, хотя и признает колоссальное влияние последней на развитие японской цивилизации.

Гармоничной Японии Асагири противопоставляет Европу, которая «заражена» безумием. Европейцы под влиянием ницшеанских идей утратили моральные ориентиры и возложили на себя право распоряжаться судьбами других наций. Мифологема «Европа» осмысливается через европейскую культуру, в частности литературу, так как нация развивается под ее влиянием. Она отражает ценности общества и одновременно формирует их. Автор демонстрирует глубокие познания в области европейской и американской литературы. Асагири приходит к выводу, что искусство Европы «больное», гротескное, как и ее культура. В новеллах «Прозы бродячих псов» писатели Америки и Европы мифологизируются и объединяются под названием «трансценденты». Имя-миф представляет собой архетип, который включает в себя японское представление о европейской литературе, характерное для данного писателя. Как правило, этот персонаж обладает чертами, присущими герою его произведений, или несет идеологию, близкую одному из героев.

Автор также возлагает на европейских писателей ответственность за возникновение идей фашизма, а также за создание ядерного оружия. В новелле «55 минут» оружие, принцип действия которого отсылает к ядерной бомбе, уничтожает друзей главного героя, его самого и почти стирает с лица земли Японию. Это оружие в произведении создает Г.Уэллс (мифологизация имени Герберта Уэллса, который совмещает в себе образы его персонажей-ученых), но изобретение похищают Гёте, Гюго и Шекспир, чтобы использовать в интересах европейской коалиции. Характерно, что автор выделяет трех, по его мнению, самых великих писателей Европы, возлагая на них ответственность за национальные ошибки.

Автор ранобэ выделяет наиболее значимых писателей коллективного Запада, которые повлияли на формирование европейского сознания: авторов хорроров (Стокер, Лавкрафт, Шелли, По), модернистов (Рембо, Верлен, Жид) и «просто великих» авторов разных эпох – Готорн, Мелвилл, Джойс и т.д. Все писатели обладают сверхспособностями и названы «трансцендентами». Их сложно превзойти, поскольку они обладают способностями высшего порядка: управляют временем, гравитацией, материей и т.д. Японцы в этом отношении слабее, но всегда побеждают, поскольку готовы пожертвовать собой. Японцев выделяет командная работа, отношение друг к другу как к семье, тогда как европейцы чаще всего индивидуалисты.

Основной проблемой коллективного Запада становится, по мнению Асагири, убежденность в собственной исключительности. Европоцентризм угрожает всему миру, поскольку влечение западной культуры к смерти губительно для всех. Запад не может остановить угасание своей культуры, которая построена на материальной выгоде и характеризуется пресыщенностью жизнью, внутренней опустошенностью, отрицательно влияющими на японскую культуру. В новеллах Асагири звучит мысль, что Запад возложил на себя роль избранного, имеющего право решать судьбу всего мира, опираясь на собственную выгоду.

В новелле «Буревестник» возникает образ доктора Мэри Уолстонкрафт, прообразом которой стала писательница Мэри Шелли. У Асагири Мэри – девятилетняя девочка, гениальная изобретательница, которая создает Адама и Еву Франкенштейн, гуманоидных роботов с искусственным интеллектом и даже личностью. Таким образом, автор модернизирует миф о Франкенштейне, представляя его современную версию, где Франкенштейн, в отличие от своего прототипа, находит свое место в мире и способен гармонично сосуществовать как со своим творцом, так и с обществом. Во многом это заслуга Мэри, создавшей Еву для Адама и заложившей в него способность к коммуникации (поскольку Адам обладает привлекательной человеческой внешностью), что разрешает конфликт в оригинальном романе Мэри Шелли, а именно освобождает Франкенштейна от страданий одиночества и «отцовского» проклятия. Свообразно решает Асагири и судьбу писательницы, «вычеркивая» Перси Шелли из судьбы гениального автора в художественном мире новеллы.

В ранобэ «Дазай Осаму и Темная эра» возникает миф об Андре Жиде. В цикле «Проза бродячих псов» Жид, как и остальные европейские писатели, изображается как отрицательный персонаж, он глава подразделения «живых мертвецов» «Мимик». Жид вынужден искать смерти для себя и своих боевых товарищей, неспособных умереть. Ради забвения Жид провоцирует Дазая Осаму, который устраивает катастрофу, чтобы погибнуть самому и убить своих измученных товарищей. Сверхспособностью Жида является при этом дар предвиденья, он предсказывает удары противника и поэтому неуязвим. Возможно, такая акцентуация на смерти и нечеловеческий цинизм персонажа продиктованы глубокими экзистенциальными переживаниями реального А.Жида, его интересом к философии Ницше и прозе Достоевского.

ОСОБЕННОСТИ МИФОЛОГЕМЫ «РОССИЯ» В РАНОБЭ К.АСАГИРИ

России в этом противостоянии отводится особое место. Как отмечает историк-японист В.В.Кожеников, русские и японцы психологически очень близки, «и те, и другие далеки от западного менталитета», «с одной стороны, и русские, и японцы идеализировали Запад, подчеркивая собственную отсталость. С другой – время от времени и Россия, и Япония критиковали Запад за его отсталость, в первую очередь в области морали, подчеркивали собственное превосходство и исключительность» [8]. Однако препятствием на пути взаимопонимания двух наций стал исторический процесс и военные конфликты между государствами. Россия оказывается между Европой и Азией, подобно Японии отстаивая свой уникальный путь развития.

Русские писатели представлены в ранобэ Ф.М.Достоевским, А.С.Пушкиным, И.А.Гончаровым и Н.В.Гоголем, которые входят в организацию «Крысы мертвого дома» (что является аллюзией на повесть Ф.М.Достоевского «Записки из Мертвого дома»). К вышеперечисленным персонажам присоединяется и Н.Готорн, поскольку он также глубоко религиозен и считает себя богоизбранным. Русские под предводительством Ф.М.Достоевского настроены против разрушительного менталитета Запада.

В образе «Феди» (как его называют в рамках франшизы «Великий из бродячих псов») романтизирован поп-культурный образ психопатии. Фигура Достоевского сильно выделяется на общем фоне. Федор – это молодой, внешне привлекательный мужчина, страдающий анемией, циничный и склонный к меланхолии. Его атрибутом становится русская ушанка. Внешняя привлекательность выражает здесь, на наш взгляд, солидарность автора с идеями персонажа – размышления о красоте как эстетической категории («красота» является одним из ключевых концептов японской культуры). Асагири осмысливает также концепцию наказания Ф.М.Достоевского из романа «Преступление и наказание». Русский писатель становится орудием наказания за преступления европейцев. На наш взгляд, Достоевский выступает в «Прозе бродячих псов» идеологическим оппонентом Ницше, идеи которого обнаруживают себя в новеллах на уровне подтекста. Федор – патологический манипулятор, вedomый, по его словам, самим бо-

гом. Его «дар» – «Преступление и наказание» – способность убивать оппонента при столкновении. Уязвимостью персонажа является его слабое здоровье (что в нашем сознании ближе образам Н.В.Гоголя или М.Ю.Лермонтова). Личность Достоевского в цикле подменяется образами его персонажей – Н.Ставрогина, Р.Раскольникова и П.Верховенского.

На наш взгляд, исключительность представителей русской культуры, в частности Достоевского, в новелле указывает на значимость русской культуры и цивилизации в мире.

Русские авторы также заражены безумием (образ Гончарова, Гоголя), но на идеологическом уровне противопоставлены западным писателям. Исторические корни этого процесса В.В.Кожевников описывает следующим образом: «У русских артистичная натура неразрывно связана с сознанием своей индивидуальности, личной особенности и личной самооценности, но у японцев сознание особенности и мерило ценности прилагаются, видимо, к индивидуальности не личной, а собирательной, каковой является нация» [8]. Идея новеллы «Крысы мертвого дома» проникнута осознанием необходимости остановить мировое зло, а также глубинной саморефлексией, осознанием собственной греховности, присущей тем нациям, что отстаивают право на уникальный путь исторического развития.

И хотя русские в ранобэ представлены положительными для японской поп-культуры архетипами, прослеживается авторская критика идеологии Раскольникова Ф.М.Достоевского, в основе которой – те же деструктивные идеи, что и у Запада. Идея о себе как об избранниках Бога («теория Раскольникова»), убежденность в праве вершить самосуд – все это проявления европейского влияния. К.Асагири видит в русской культуре зараженность безумием, которое уже ведет к краху западную цивилизацию.

Одна из обложек манги из цикла «Проза бродячих псов», изображающая Достоевского и Гоголя, имеет надпись: «Грандиозные истории, разрушающие основы мироздания, обычно создаются в маленькой тесной комнате». Это проливает свет на дихотомию культур, описанную К.Асагири. Японская культура, в частности литература, стремится к гармонии, как конечному состоянию души и мироздания. Европейская культура, по мнению автора, напротив, всегда стремилась не к созиданию и гармонии, а к обнажению диссонанса, ужаса бытия. Этим обусловлен и выбор авторов, действующих в «Прозе бродячих псов»: от историй о сумасшествии Э.По и Г.Лавкрафта до литературы пустоты и экзистенциального кризиса П.Верлена и А.Жида.

Европейские авторы стремились вмешаться в законы существования нашей реальности (попытки М.Шелли повторить акт творения, путешествия во времени Г.Уэллса). Этим объясняется стремление персонажей, прообразами которых выступают японские авторы, изгнать деструктивные идеи из своего мира. В этом идейном антагонизме России, коллективного Запада и Японии прослеживается мысль о важной роли Японии в созидании мировой гармонии, примирении духовного раскола, возникшего из-за западных наций, их стремления к саморазрушению и смерти. Япония же хочет обособиться от окружающей ее деструктивной европейской политики. Гармоничная культура этой страны стремится к идее простого счастья в наслаждении любовью и дружбой. Это выражается в образе Чуи Накахары, который признает ценность отдельных аспектов влияния Поля Верлена на свою жизнь (как Япония признает ценность влияния французской литературы), но все же отвергает «брата», распознавая в основе его идей деструктивную, тлетворную для гармоничного японского образа жизни идеологию европоцентризма.

РАНОБЭ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Еще в 1903 г. искусствовед К.Окакура отмечал в своем труде «Идеалы Востока: дух японского искусства»: «...и Япония не должна забывать, что сегодня она стоит лицом к лицу с новыми вызовами, требующими *ещё большего воодушевления и самоуважения*» [8, с. 10]. Таким образом, можно говорить, что мифологема «Япония – Россия – Запад» в цикле новелл «Проза бродячих псов» выполняет важную функцию, распространяя идею о Великой миссии и особом цивилизационном пути Японии на юную аудиторию, которая, в силу возраста, склонна потреблять информацию лишь из новых медиа, часто подконтрольных идеологическим противникам современной Японии. Специфика же приема мифологизации в рассматриваемых ранобэ указывает на радикализацию гражданско-патриотических настроений в Японии перед лицом насильственных процессов европеизации и глобализации в XXI веке. Посредством ярких, привлекательных для молодежи образов франшиза «Великий из Бродячих псов» транслирует уже не новую идею о разделении мира на «своих» и «чужих».

Исследовательница Е.Г.Скворцова отмечает, что «столкновение таких различных и в материальном, и в духовном плане цивилизаций, как Япония и Запад, носило драматический характер. “Вилка” образов Японии, создаваемых самими японцами под влиянием образа западной цивилизации, была очень широка: от полного неприятия оснований собственной культуры и интеллектуального самоуничтожения до национального нарциссизма и восторженного самолюбования» [9]. Идеализация образа Японии в ранобэ указывает на то, что японская нация не пришла к окончательному выводу, принять западные ценности окончательно или же отвергнуть их раз и навсегда, закрепив за собой право на безоговорочное самоопределение в ориентации на собственный исторический путь. Категорическое же осуждение идей, ставших основой нацистской идеологии, в то время как сама Япония являлась страной, подписавшей Берлинский пакт, указывает на активную саморефлексию нации с целью переосмыслить свое место в мире и наметить путь дальнейшего глобального развития.

Таким образом, несмотря на очевидный развлекательный характер, ранобэ «Проза бродячих псов», посредством создания мифологем «Япония – Россия – Запад», отражает актуальное состояние национальной мысли в Японии, а именно попытку самоопределения и самоидентификации в отношении культуры и принципов мировых гегемонов – России и коллективного Запада.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCE

1. Miller S.J. Historical Dictionary of Modern Japanese Literature and Theater. United Kingdom: Scarecrow Press, 2009. 234 p.
2. Габриелян О.А. Мифопоэтика культуры: к возможной методологии исследования. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*. 2018. № 3. <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoetika-kultury-k-vozmozhnoy-metodologii-issledovaniya> (accessed 10.07.2024)
Gabrielyan O.A. 2018. Mythopoetics of Culture: towards a possible research methodology. *Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University Philosophy. Political science. Cultural studies*. Iss. 70 (3). (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoetika-kultury-k-vozmozhnoy-metodologii-issledovaniya> (accessed 10.07.2024)
3. Габриелян О.А. Мифопоэтика идеологии. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*. 2019. № 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoetika-ideologii> (accessed 10.07.2024)
Gabrielyan O.A. 2019. Mythopoetics of ideology. *Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University Philosophy. Political science. Cultural studies*. Iss. 71 (1). (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoetika-ideologii> (accessed 10.07.2024)
4. Козицкая Е.А. Архетип «вода» в творчестве А.А.Ахматовой. <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/kozickaya-mifologema-vody-v-tvorchestve-ahmatovoj.htm> (accessed 02.07.2024)
Kozitskaya E.A. The archetype of “water” in the work of A.A.Akhmatova. (In Russ.). <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/kozickaya-mifologema-vody-v-tvorchestve-ahmatovoj.htm> (accessed 02.07.2024)
5. Лотман Ю.М. Труды по знаковым системам. *Ученые записки Тартуского государственного университета*. 1971. 549 с.
Lotman Yu.M. 1971. Works on sign systems. *Bulletin of the Tartu University*. 549 p. (In Russ.)
6. Ю.М.Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. 563 с.
Lotman Yu.M. and the Tartu-Moscow Semiotic school. Moscow, 1994. 563 p. (In Russ.)
7. Варламова В.Н. Лингвистические особенности мифологема в художественном тексте. *Вопросы методики преподавания в вузе*. 2016. № 5 (19–2). <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-osobennosti-mifologemy-v-hudozhestvennom-tekste> (accessed 03.01.2024)
Varlamova V.N. 2016. Linguistic features of the mythologeme in a literary text. *Questions of teaching methods at the university*. № 5 (19–2). (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-osobennosti-mifologemy-v-hudozhestvennom-tekste> (accessed 03.01.2024)
8. Кожевников В.В. Российско-японские отношения в XXI в.: какими они будут? (субъективные размышления историка). *Вестник ДВО РАН*. 2005. № 4. <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-yaaponskie-otnosheniya-v-hhi-v-kakimi-oni-budut-subektivnye-razmyshleniya-istorika> (accessed 05.07.2024)
Kozhevnikov V.V. 2005. Russian-Japanese relations in the 21st Century: what will they be like? *Vestnik DVO RAN*. № 4. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-yaaponskie-otnosheniya-v-hhi-v-kakimi-oni-budut-subektivnye-razmyshleniya-istorika> (accessed 05.07.2024)
9. Okakura K. The ideals of the East, with special reference to the art of Japan. United Kingdom: John Murray, 1903. 244 p.

10. Скворцова Е.Л. Япония: кризис культурной идентичности при встрече с западной цивилизацией. *Вопросы филологии*. 2012. № 7. С. 52–64.
Skvortsova E.L. 2012. Japan: the crisis of cultural identity at the meeting with Western civilization. *Voprosy Filiosofii*. № 7. Pp. 52–64. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Королева Вера Владимировна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам Владимирского государственного университета им. братьев Столетовых, Владимир, Россия.

Vera V. Koroleva, Dr.Sc. (Philology), Head, Department of the Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia.

Притомская Алина Романовна, ассистент кафедры второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам Владимирского государственного университета им. братьев Столетовых, Владимир, Россия.

Alina R. Pritomskaya, Assistant, Department of the Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 10.11.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 04.05.2025

Принята к публикации
(Accepted) 02.06.2025

DOI: 10.31857/S0321507525070102

Материальная и духовная культура стран Южных морей: восприятие в России

© Астафьева Е.М.^a, 2025

^a Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8091-407X; katy-ast@yandex.ru

Рецензия на книгу: *Пале С.Е., Дудников С.В., Кочетков Д.С. Южно-Тихоокеанский регион и его образ в России* (Москва, ИВ РАН, 2024). 480 с., ISBN 978-5-907846-64-7

Ключевые слова: София Пале, Южно-Тихоокеанский регион, Россия, исследования, ученые, материальная и духовная культура, артефакты, коллекция

Для цитирования: Астафьева Е.М. Материальная и духовная культура стран Южных морей: восприятие в России. *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 7. С. 77–79. DOI: 10.31857/S0321507525070102

Material and Spiritual Culture of the Countries of the South Seas: Perception in Russia

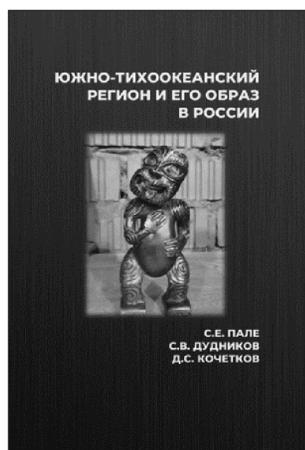
© Ekaterina M. Astafyeva^a, 2025

^a Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8091-407X; katy-ast@yandex.ru

Review of the book: *Pale S.E., Dudnikov S.V., Kochetkov D.S. The South Pacific Region and its Image in Russia* (Moscow, IOS RAS, 2024). 480 p. ISBN 978-5-907846-64-7

Keywords: Sofia Pale, South Pacific, Russia, research, scientists, material and spiritual culture, artifacts, collection

For citation: Astafyeva E.M. Material and Spiritual Culture of the Countries of the South Seas: Perception in Russia. *Asia and Africa today*. 2025. № 7. Pp. 77–79. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525070102



Предлагаемая монография «Южно-Тихоокеанский регион и его образ в России» (М., 2024) написана коллективом авторов (С.Е.Пале, С.В.Дудников, Д.С.Кочетков) под руководством одного из ведущих российских специалистов по изучению Южно-Тихоокеанского региона, более 20 лет посвятившей изучению этого региона, старшего научного сотрудника Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН, кандидата исторических наук **Софии Евгеньевны Пале**, которая, к величайшему сожалению, не смогла поддержать в руках плоды своих трудов. 21 ноября 2024 г., в день ее 48-летия, книга была подписана в печать, а 12 декабря, после тяжелой и продолжительной болезни София Евгеньевна ушла из жизни. Но нам, читателям, предоставляется уникальная возможность на страницах этой великолепно иллюстрированной книги узнать о богатстве материально-духовной культуры стран Южных морей, прочесть истории о знаменитых личностях, популяризовавших этот регион в конце XIX – начале XX в., узнать об исследованиях Южно-Тихоокеанского региона (ЮТР) в Советском Союзе и отношениях между нашей страной и странами региона в условиях холодной войны, в постсоветский период и в настоящее время, познакомиться с коллекцией оригинальных артефактов из Австралии и Океании, собранной С.Е.Пале.

Во **Введении** кратко изложено, каким образом благодаря путешествиям, научным публикациям, литературным произведениям и картинам отечественных и зарубежных художников в российской культуре за века сформировался яркий и живописный образ южной части Тихого океана. Авторы рассказывают, как впервые в конце XVIII в. океанийская коллекция попала в Россию, о пополнении этой коллекции предметами искусства и быта, собранными в ходе первого в истории России кругосветного плавания под командованием И.Ф.Крузенштерна и Ю.Ф.Лисянского и последующих экспедиций.

Упомянуты всемирно известные деятели искусства и культуры, писатели и художники, побывавшие в ЮТР, творчество которых прекрасно знали в России. Кратко перечислены экспедиции советских ученых в этот регион и сами исследователи, например К.В.Малаховский – основоположник отечественной исторической океанистики. Авторы отмечают роль Фонда сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая в деле возобновления культурных и научных контактов с ЮТР на современном этапе.

Первая глава знакомит читателей с тремя культурными ареалами Океании – Меланезией, Микронезией и Полинезией. В ней приводятся краткие сведения о геологии островов Океании, рассказывается о биогеографических линиях, разделяющих два региона – ЮВА и ЮТР, которые были установлены учеными-натуралистами в XIX в., представлены сведения о заселении и языках Австралии и Океании. Авторы указывают, что австронезийская семья языков – крупнейшая по размерам ее ареала, по данным на 2024 г. «насчитывалось примерно 1 тыс. австронезийских языков (не считая бесчисленных диалектов), а число говорящих на них людей во всем мире составляло около 300 млн человек» (с. 36). Далее читатель узнает об истории открытия региона, о том, как тысячи островов южной части Тихого океана были постепенно нанесены на карты сначала португальцами в XVI в., потом голландцами в XVII в., затем французами и англичанами в XVIII в. и, наконец, россиянами и американцами в XIX в.

Глава завершается разделом, посвященным материально-духовной культуре Океании: мистической жизненной силе океанийцев – *мане*, карго-культам, национальной культуре официальной одежды, трем главным символам Океании – сигнальной ракушке, морской черепахе и свиньям. Читатель узнает много интересных историй о жителях ЮТР и об элементах культуры, ставших мировым достоянием.

Например, о том, что «лаконичные цветные татуировки в технике ирэдзуми покорили сердце будущего российского императора Николая II, который в 22 года отправился в образовательное морское Восточное путешествие по Греции, Египту, Индии, Цейлону, Сингапуру, Сиаму, Китаю и Японии. Весной 1891 г. у мастера Хоре Кио в Нагасаки он сделал себе на предплечье татуировку японского черного дракона, поскольку родился он в год Дракона по восточному календарю» (с. 81). И танец хула, и хулахуп, и серфинг, и полинезийские идолы «тики», и напиток кава, и маоаи острова Пасхи – все это стало мировым достоянием, о чем и рассказывают авторы книги.

Вторая глава повествует об известных личностях – писателях, исследователях и художниках, которые в своем творчестве популяризировали Австралию и Океанию в конце XIX – начале XX в.

«Безусловно, одним из главных популяризаторов Южно-Тихоокеанского региона в истории мировой культуры является французский писатель Жюль Верн» (с. 107), анализу творчества которого в контексте описания Новой Зеландии, местных традиций и обычаев той поры (в т.ч., каннибализма) и посвящен первый раздел главы. Далее авторы переносят читателя на Гавайи, которые он видит через репортажи и книги Марка Твена, который провел на островах четыре месяца в качестве репортера калифорнийской газеты. «Марк Твен был одним из самых издаваемых и читаемых иностранных авторов в Советском Союзе. Неудивительно, что его творчество оказало большое влияние на формирование образа Гавайских островов у жителей СССР» (с. 126).

Следующий раздел посвящен великому российскому ученому и путешественнику Николаю Николаевичу Миклухо-Маклаю, его путешествиям и исследованиям в Новой Гвинее, Новой Каледонии, на Новых Гибридах и других островах Океании, его борьбе против работорговли и планах создания российского поселения на Берегу Маклая, которым не суждено было осуществиться. Но, «его главный вклад в мировую науку был настолько явным и очевидным, что прославил ученого еще при его жизни: славу великого гуманиста Миклухо-Маклай обрел благодаря своим философским убеждениям о равенстве человеческих рас, которые сегодня воспринимаются как привычные, а в его годы считались опережающими свою эпоху» (с. 151).

Еще один сюжет книги – рассказ о путешествии Роберта Льюиса Стивенсона по островам Южных морей, в ходе которых он делал записи о жизни и местной культуре. Читатель узнает о произведениях, написанных им в Океании, о его жизни на острове Упоу на Вилле Ваилима, где «сложилось сообщество

из семьи Стивенсонов и их наемных работников – самоанцев и представителей других коренных народов Океании. Стивенсоны установили демократичные порядки, в коллективе установились теплые отношения, и по самоанским представлениям он стал чем-то вроде местного клана, в котором Стивенсоны являлись вождями...» (с. 157) и много других интересных историй.

Образ Таити в творчестве Поля Гогена знаком всем. Как отмечают авторы рецензируемой книги, «запечатленные на них (картинах. – Е.А.] яркие образы, навеянные художнику жизнью в Полинезии, стали для множества не бывавших там людей основой представлений об этих далеких островах» (с. 162). В этой части главы читатель познакомится с непростой судьбой художника и сможет взглянуть на его прекрасные картины и скульптуры. Завершает главу сюжет о Константине Бальмонте, как «созидателе художественного образа Океании в России» (с. 196).

Третья глава в хронологической последовательности рассказывает об исследованиях Южно-Тихоокеанского региона в Советском Союзе, значительный вклад в которые внесли научные океанографические экспедиции на исследовательских судах, имевших право заходить в воды государств и зависимых территорий, расположенных в этом регионе. Участники экспедиций привозили на родину предметы материальной культуры и публиковали информацию о жизни народов ЮТР. Эта информация была интересна как для этнографов, так и для обычных читателей.

Также в главе анализируется образ ЮТР в сознании советских читателей, который создавался научно-популярной периодикой, преимущественно журналами «Вокруг света» и «Знание – сила», при этом проводится тщательная квалификация публикаций по типам исследований, а именно: документы путешественников, журналистов, натуралистов, моряков, летчиков, географов, этнографов и исследователей других специальностей – это первая группа, ко второй авторы относят «фрагменты писем или дневников, которые являются вставками в аналитические очерки естествоведческого, историко-культурологического, биографического, этнографического, реже – религиозного характера» (с. 228). Третью группу составляют изложения переводных статей из иностранной периодики, встречающиеся и в журнале «Знание – сила», и в журнале «Вокруг света».

Авторы работы в своем исследовании приводят характеристику естественных условий региона по материалам советских периодических изданий, рассказывают о приключениях и открытиях в последнем на планете «раю», рисуют читателю историко-культурные абрисы региона, подробно останавливаясь на культурных связях России и ЮТР на рубеже веков, и особенно деятельности Фонда им. Миклухо-Маклая в 2010–2020-х гг. Как отмечают авторы, «большим достижением конца 2020 г. стало новое издание полного собрания сочинений Н.Н.Миклухо-Маклая, исправленное, дополненное и с лучшим качеством иллюстраций, чем в издании 1990-х гг.» (с. 309).

Заключительная, **четвертая глава**, посвящена материальной и духовной культуре региона Южных морей, отраженной в предметах личной коллекции С.Е.Пале. София Евгеньевна в течение многих лет с упорством и любовью собирала свою коллекцию артефактов стран Южных морей, которую она впоследствии безвозмездно передала Фонду им. Миклухо-Маклая для экспонирования и популяризации знаний о ЮТР в России. По нашему мнению, исследования этого богатого материального среза духовной культуры Океании вносят неоценимый вклад в формирование многогранных, всеобъемлющих отношений между Россией и странами региона, несут в себе огромную смысловую нагрузку, разъясняя символические отображения культурных, религиозных, мировоззренческих или бытовых особенностей существования местных жителей.

Эта книга, на наш взгляд, будет интересна как специалистам по изучению Южно-Тихоокеанского региона, так и всем, кто интересуется историей и культурой этого далекого, прекрасного и удивительного региона и связанными с ним уникальными фактами.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Астафьева Екатерина Михайловна, кандидат исторически наук, старший научный сотрудник, Центр Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Ekaterina M. Astafyeva, PhD (History), Senior Researcher, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 06.04.2025

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.05.2025

Принята к публикации
(Accepted) 14.06.2025

